

Грав у Ф. А. Броссауа въ Лейпцигѣ.

Абуловъ

Дел. въ Артистическомъ зав. А. Ф. Маркса Измайл. ПР № 29.

<http://rcin.org.pl>

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

В. А. ЖУКОВСКАГО

въ 12-ти томахъ.

Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ
и примѣчаніями

проф. **А. С. Архангельскаго.**

Съ приложеніемъ портрета Жуковскаго, гравированнаго на стали,
и его факсимиле.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

I.

Приложеніе къ журналу „Нива“ за 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе **А. Ф. МАРКСА.**
1902.

<http://rcin.org.pl>

24.157/1-6

Предисловіе.

Настоящее изданіе сочиненій Жуковскаго, преслѣдуя преимущественно популярныя задачи, — имѣеть въ виду главнымъ образомъ дать своимъ читателямъ, по возможности, полный, фактически провѣренный по первоисточникамъ текстъ сочиненій нашего знаменитаго писателя.

Въ основу изданія положено послѣднее, пятое изданіе сочиненій Жуковскаго, вышедшее при его жизни и редактированное имъ самимъ: *Стихотворенія В. Жуковскаго. Изданіе пятое, т. I—IX. СПб. (Карлсруэ). 1849.* Произведенія, не вошедшія сюда, но уже бывшія до этого времени напечатанными въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ, печатаются по тѣмъ изданіямъ, гдѣ каждое изъ этихъ произведеній въ свое время было помѣщено. Произведенія, напечатанныя лишь послѣ смерти поэта, печатаются по рукописямъ, автографамъ или имѣющимся спискамъ, въ которыхъ остались послѣ смерти автора, или — при неизмѣни подъ руками редактора такихъ подлинниковъ (для нѣкоторыхъ немногихъ случаевъ) — по тѣмъ первопечатнымъ текстамъ, въ которыхъ произведенія эти были обнаружены. Въ отношеніи къ рукописнымъ первоисточникамъ, редакторъ настоящаго изданія пользуется исключительно собраніемъ бумагъ Жуковскаго, находящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Главная, основная часть этого собранія принесена въ даръ Библіотекѣ сыномъ покойнаго писателя П. В. Жуковскимъ и подробно описана И. А. Вычковымъ, въ приложеніи къ «Отчету» Императорской Публичной Библіотеки за 1884 годъ (СПб., 1887; и отдѣльно: Бумаги В. А. Жуковскаго, принесенныя въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ въ 1884 году. СПб., 1887).

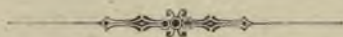
Ставя себѣ главной задачей фактическую полноту и провѣрку текста, настоящее изданіе оставляетъ совершенно въ сторонѣ варианты и исторію текста произведеній.

Въ отношеніи вышшняго расположенія матеріала, сочиненія Жуковскаго въ настоящемъ изданіи распределены на нѣсколько наиболѣе крупныхъ отдѣловъ. Въ первый внесены лирическія стихотворенія, баллады, повѣсти въ стихахъ, сказки, посланія и др., сравнительно небольшія по объему стихотворенія. Во второй — болѣе крупныя поэтическія произведенія: поэмы, драмы, такіе обширные перелоды

какъ *Наль и Даманти, Одиссея* и т. п.; сюда же отнесена впервые печатаемая въ настоящемъ изданіи «комическая опера» *Алеши Поповичъ*. Въ концѣ втораго отдѣла, въ особой группѣ, помѣщены нѣкоторыя произведенія изъ неизданныхъ и вообще черновыхъ рукописей поэта. Въ отдѣлъ третій войдутъ сочиненія прозаическія. Четвертый и послѣдній отдѣлъ будетъ посвященъ письмамъ Жуковского и отрывкамъ изъ дневника поэта. Въ каждомъ изъ отдѣловъ произведенія распредѣляются въ хронологическомъ порядкѣ. Соответственно порядку произведеній, въ концѣ каждаго тома помѣщаются относящіеся къ нимъ примѣчанія. Біографическій очеркъ писателя помѣщается въ самомъ началѣ изданія.

Въ отношеніи орѳографіи настоящее изданіе въ общемъ слѣдуетъ тому же изданію 1849 года, но съ соблюденіемъ слѣдующаго основнаго правила Ломоносова: «Въ правописаніи наблюдать надлежитъ, чтобы оно служило къ удобному чтенію каждому знающему російской грамотѣ...» Посему, сохраняя въ общемъ орѳографію изданія 1849 года, редакція однако устраняетъ изъ нея все тѣ (сравнительно очень немногія) ея особенности, которыя слишкомъ бы противорѣчили обычнымъ привычкамъ современнаго средняго читателя, не вынуждаясь при этомъ никакими требованіями и со стороны языка. Особенности, касающіяся собственно послѣдняго, строго сохраняются въ изданіи.

А. А.

В. А. Жуковскій.

Биографическій очеркъ.

Василій Андреевичъ Жуковскій, знаменитый русскій писатель, одинъ изъ ближайшихъ предшественниковъ Пушкина, родился 29-го янв. 1783 г., въ селѣ Мишенскомъ, въ 3 вер. отъ Бѣлева, города Тульской губ. Отцомъ его былъ старикъ-помѣщикъ этой деревни, Ае. Ив. Бунинъ, а матерью—плѣнная турецкая дѣвушка Сальха, въ крещеніи получившая имя Елизаветы Дементьевны. Отъ воспитанника своего, бѣднаго дворянина Андрея Григорьевича Жуковского, друга Буниныхъ, нерѣдко проживавшаго въ ихъ домѣ, новорожденный получилъ свое отчество и фамилію. Отецъ ребенка, помѣщикъ Бунинъ, былъ въ это время уже не молодыхъ лѣтъ. Отъ своей жены, Марьи Григорьевны, у него было уже одиннадцать человѣкъ дѣтей; изъ нихъ старшая дочь имѣла уже около 30 лѣтъ, а младшей, Екатерины—игравшей въ послѣдствіи столь роковую роль въ жизни поэта—было лѣтъ 12-ть. Какъ разъ передъ рожденіемъ будущаго поэта семью Бунина постигло страшное горе: изъ одиннадцати человѣкъ дѣтей въ короткое время умерло шестеро, и между ними единственный сынъ, студентъ лейпцигскаго университета. Убитая горемъ Марья Григорьевна, въ память объ умершемъ сынѣ, рѣшила взять въ свою семью новорожденнаго ребенка и воспитать его, какъ роднаго. Маленькій Васенька сдѣлался любимцемъ всей семьи.

Намъ слишкомъ мало известны духовныя свойства родителей поэта, чтобы говорить о ихъ влияніи на его будущій характеръ. Впрочемъ, сердечная мягкость, доброта были, кажется, отличительными свойствами старика Бунина, и въ этомъ отношеніи будущій поэтъ, вѣроятно, многимъ былъ обязанъ своему отцу. «Аванасій Ивановичъ Бунинъ, по словамъ всѣхъ знавшихъ его, — говоритъ д-ръ Зейдлицъ, биографъ и другъ поэта: — былъ честнѣйшій, благороднѣйшій человекъ...» Что касается матери, то, можетъ быть, уже отъ нея поэтъ получилъ столь свойственныя турецкому племени задатки той меланхолической на-

клонности къ грустной мечтательности, нѣкоторой апатіи и лѣни, которыя въ послѣдствіи являются господствующими чертами его характера...

Первоначальное ученіе мальчика шло очень туго, и у него быстро смѣнилось нѣсколько первыхъ домашнихъ учителей. Лѣтъ 8—9, когда семейство Буниныхъ должно было переселиться въ Тулу, мальчика помѣстили въ тульскій пансіонъ; но и здѣсь ученіе подвигалось плохо. Еще хуже оно пошло, когда, по закрытіи пансіона, 10-лѣтняго Жуковскаго включили въ тульское народное училище; отсюда его прямо исключаютъ въ скоромъ времени «за неспособность». Учителя говорили, что «изъ него никакого толку не будетъ...» Между тѣмъ, это былъ ребенокъ — кроткій, тихій, задумчивый; за его доброту и ласковость его всѣ любили и бавовали. При нѣкоторой апатичности и лѣни, природа наградила его необыкновенно мягкимъ, любящимъ сердцемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то врожденной грустью. Послѣдующее воспитаніе и обстоятельства жизни еще болѣе развили эти врожденные черты.

Духовное развитіе ребенка, кажется, гораздо плодотворнѣе пошло, когда маленький Жуковскій окончательно поселился въ семействѣ своей крестной матери—третьей дочери Аванасія Ивановича Бунина—Варвары Аванасьевны, которая въ 1785 году вышла замужъ за П. Н. Юликова и поселилась въ Тулѣ, гдѣ служилъ ея мужъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ въ пансіонѣ и училищѣ, — Варвара Аванасьевна окончательно взяла крестника къ себѣ и рѣшилась дать ему воспитаніе домашнее, въ кругу своихъ дочерей—сверстницъ Жуковскаго. Общество маленькаго поэта состояло теперь исключительно изъ дѣвочекъ, — и это, конечно, не могло не имѣть также своей доли влиянія на еще большее развитіе природной мягкости его характера.

Ученье теперь, разумѣется, еще менѣе могло быть систематическимъ и серьезнымъ,

хотѣ въ домѣ Варвары Аванасьевны и было много разныхъ учителей и гувернантокъ. Но въ то же время домъ Юшковыхъ былъ главнымъ центромъ мѣстной провинціальной умственной жизни. Здѣсь собиравлись всѣ лучшія силы — литераторы и музыканты — какія только находились въ городѣ. Вокругъ образованной и любезной хозяйки составилась цѣлая кружка, преданный исключительно литературнымъ и музыкальнымъ интересамъ. Всѣ, кто интересовался современной поэзіей, литературой, русской и иностранной, кто любилъ музыку — всѣ собирались въ домѣ Варвары Аванасьевны. Она была душой всего общества. «Варвара Аванасьевна, — говоритъ биографъ Жуковского и его современникъ: — устроила у себя литературные вечера, гдѣ новѣйшія произведенія школы Карамзина и Дмитріева, тотчасъ же послѣ появленія своего въ свѣтъ, дѣлались предметомъ чтеній и разсужденій. Тутъ собственно: — прибавляетъ биографъ: — литературное настроеніе привилось къ Жуковскому. Художественнымъ дарованіемъ и литературно-поэтическимъ вкусамъ будущаго поэта, дѣйствительно, было гдѣ развиваться. Чтобы видѣть, насколько сильно были привиты въ семействѣ Юшковыхъ умственные интересы, — достаточно припомнить, что одна изъ дочерей Варвары Аванасьевны, Анна Петровна, въ замужествѣ Зонтага, въ свое время извѣстна была многими прекрасными книгами для дѣтскаго чтенія. Сдѣланное ею изложеніе для дѣтей *священной исторіи* до сихъ поръ не потеряло своего значенія; другая, Авдотья Петровна, бывшая въ замужествѣ сначала за Кирѣевскимъ, потомъ за Елагинимъ, была вообще одной изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ женщинъ, — и домъ ея, когда она жила съ мужемъ Елагинимъ въ Москвѣ, былъ однимъ изъ главныхъ центровъ московскихъ литературныхъ кружковъ 30—40 гг. Столь извѣстные въ исторіи нашей литературы и всей умственной жизни — Иванъ и Петръ Кирѣевскіе были ея дѣти...

Въ такой обстановкѣ прошли наиболѣе ранніе годы нашего поэта. Въ 1797 году 14-лѣтній Жуковский отозванъ въ Москву и опредѣляется въ московскій благородный университетскій пансіонъ, гдѣ онъ остается четыре года (1797—1801). Для будущаго поэта наступилъ новый періодъ жизни, пора серьезнаго ученія, которому отдается теперь Жуковский со всѣмъ жаромъ юношескаго одушевленія. Общество дѣвочекъ замѣнилось кругомъ товарищей, въ которыхъ Жуковскому особенно посчастливилось; быстро возникли и укрѣпились новыя симпатіи, новыя сердечныя связи.

Московскій университетскій пансіонъ, возникшій въ 1779 году, былъ въ свое время

едва ли не лучшимъ у насъ подготовительнымъ учебнымъ заведеніемъ къ университету. Впрочемъ пансіонъ былъ совершенно самостоятельнымъ заведеніемъ, и многіе воспитанники ограничивались только имъ. Съ учебнымъ характеромъ и цѣлями этого заведенія отчасти знакомятъ насъ *объявленіе*, напечатанное отъ пансіона въ 1783 году, передъ приѣмомъ воспитанниковъ, гдѣ читаемъ: «При семъ университетскомъ, преимущественно для благородныхъ учрежденіемъ, вольномъ пансіонѣ за главную цѣль взыты три предмета: 1) научить дѣтей, просвѣтить ихъ разумъ полезными знаніями; 2) вкоренить въ сердца ихъ благонравіе и 3) сохранить ихъ здравіе...» И далѣе, относительно самаго преподаванія: «Императорскій московскій университетъ въ пансіонѣ своемъ пріемлетъ на себя обучать питомцевъ во-первыхъ, основательному познанію христіанскаго закона, потомъ самыя важнѣйшія свѣтскія науки, какъ-то всей чистой математикѣ, т. е. ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи и алгебрѣ, нѣкоторымъ частямъ смѣшанной математикѣ и въ особенности артиллеріи и фортификаціи; тако жъ философіи, особливо нравственной (моральной), исторіи и географіи, и русскому стило, присовѣруя къ тому искусство рисовать карандашомъ, тушью и сухими красками, танцевать, фехтовать и музыкѣ; а наконецъ и разнымъ языкамъ, яко нужнымъ орудіямъ учености, какъ-то: русскому, нѣмецкому, французскому, англійскому и итальянскому, а кому угодно будетъ — тако жъ латинскому и греческому...» Пансіонъ сложился не вдругъ. Въ его внутренней исторіи, въ характерѣ ученія и всего строя, особенно важнымъ фактомъ было назначеніе сюда въ 1791 году сначала инспекторомъ, а потомъ директоромъ — А. А. Пропоповича-Антонскаго: пансіонъ получаетъ съ этого времени совершенно самостоятельное существованіе, и общее направленіе его внутренней жизни значительно мѣняется. Необходимо остановиться съ нѣкоторою подробностію на общемъ характерѣ московскаго университетскаго пансіона въ послѣдніе годы XVIII ст.: время пребыванія здѣсь Жуковского было важнѣйшей эпохой его жизни, и здѣсь, въ пансіонѣ, въ его духовномъ развитіи заложено и укрѣплено было многое, что сказывается потомъ во всемъ нравственномъ характерѣ нашего писателя.

Строй преподаванія и воспитанія, господствовавшій въ пансіонѣ, литературные вкусы, которые прививались здѣсь воспитанникамъ, общія духовная атмосфера, царствовавшая въ пансіонѣ — являются для насъ тѣмъ болѣе важными и заслуживающими вниманія, что все это является и вообще чрезвычайно типичнымъ для характеристичности господствовавшихъ въ концѣ XVIII и нач. XIX в. нашихъ

умственных течений и въ литературѣ, и въ самомъ обществѣ. По общимъ, наиболее господствовавшимъ чертамъ, это былъ отчасти карамзинскій сентиментализмъ, отчасти—отзвуки стараго екатерининскаго масонства, на почвѣ начинавшей тогда уже усиливаться реакціи французскимъ освободительнымъ идеямъ. Между прочимъ, въ числѣ образцовыхъ книгъ чтенія для воспитанниковъ здѣсь были такія книги, какъ *Утреннія и вечернія размышленія на каждый день* Хр. Штурма, извѣстнаго мистическаго протестантскаго проповѣдника и слагателя духовныхъ пѣсенъ, — названная книга его не задолго передъ тѣмъ была переведена и издана Новиковымъ (М., 12 частей, 1787—1789), — *Книга премудрости и добродѣтели* вѣско-го Додслея (Dodsley)—сборникъ нравственныхъ нравствъ, выданныхъ авторомъ за переводъ съ какой-то древней индійской рукописи—также не задолго передъ тѣмъ переведенная въ Москвѣ (3 ч., 1794) и др. т. п. произведенія. По отзыву руководителя пансіона Антопскаго, это были «хорошія нравственныя книги...» Многія изъ нихъ, какъ сейчасъ названныя, носили на себѣ рѣзкія отпечатки мистически-масонскихъ воззрѣній. Сильнымъ патетическимъ словомъ старается напримѣръ Штурмъ поддѣлывать на чувства читателя. Его «Размышленія» представляютъ какъ бы популярную естественно-историческую энциклопедію, проникнутую отъ начала до конца религиозною мыслью; книга согрѣта благочестивымъ чувствомъ автора, богата многими поэтическими страницами, хотя вообще чрезъ все проходятъ мѣстами весьма замѣтный мистицизмъ. Авторъ указываетъ на природу, какъ на живую свидѣтельницу могущества и благости Творца. «Ты видишь темное облако,—говоритъ онъ, обращаясь къ читателю:—но въ немъ сокровенно пребываетъ великій Богъ. Облака приполюются къ землѣ, Господь же преклоняетъ небо и нисходитъ...» Картина жатвы пробуждаетъ въ читатель мысль о смерти, и эта мысль не представляеть ему ничего ужаснаго...

Такъ, уже въ школѣ религиозный мистицизмъ коснулся Жуковскаго. Не лишне припомнить, что старшимъ товарищемъ Жуковскаго по пансіону былъ пріобрѣтвшій столь печальную извѣстность впоследствии, Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій...

Въ сферѣ собственно учебнаго преподаванія, въ пансіонѣ господствовали отчасти еще старыя ложно-классическіе вкусы, отчасти новыя, только-что вводившіяся въ литературу Карамзиннымъ. Учителемъ словесности въ пансіонѣ былъ вѣкто М. Бонкаревичъ, — восторженный почитатель Ломоносова; какъ на идеалъ, онъ указывалъ воспитанникамъ на «златогрустную лиру сего наперстника не-

бесъ»... Неудивительно поэтому, если въ болѣе раннихъ произведеніяхъ Жуковскаго мы услышимъ потомъ отголоски этой «лиры», — встрѣчаемъ въ нихъ такое обиліе славянскихъ выраженій—эту необходимую принадлежность «высокаго штиля». Въ такой же, если еще не большей степени, воспитанники пансіона восхищались, по указаніямъ учителя, твореніями Державина: отголоски ихъ также весьма замѣтны въ первыхъ произведеніяхъ Жуковскаго...

Умственная обстановка пансіона весьма много способствовала поэтическому развитію Жуковскаго, и пансіону онъ былъ вообще обязанъ очень многимъ. Въ пансіонѣ вполнѣ ознакомились и развились литературные вкусы нашего поэта, пользовавшіеся, какъ мы видѣли, и передъ этимъ весьма благопріятной семейной обстановкой. Правда, пансіонъ не обогатилъ поэта большими серьезными знаніями; но духовная атмосфера пансіона какъ нельзя лучше содѣйствовала общему развитію его умственныхъ способностей, и въ частности его поэтическихъ дарованій. Интересы литературные были сильно развиты среди учениковъ пансіона. Сочиненія и переводы съ новыхъ иностранныхъ языковъ были любимымъ ихъ занятіемъ. Подъ руководствомъ преподавателей ученики нерѣдко собирались читать свои оригинальные и переводные опыты, — подвергая ихъ здѣсь же товарищеской, безпристрастной критикѣ. Лучшіе изъ такихъ опытовъ потомъ печатались въ особыхъ періодическихъ изданіяхъ, выходившихъ при пансіонѣ. Пансіонъ вообще развивалъ его литературные интересы, — и вмѣстѣ съ этимъ пріохотилъ поэта къ труду. Наконецъ, помимо всего, пансіонъ далъ будущему писателю общество молодыхъ, даровитыхъ товарищей, — со многими изъ нихъ Жуковскій навсегда остался связаннымъ самыми тѣсными нравственными связями. Съ самаго поступленія Жуковскаго въ пансіонъ, — въ печати появляются его первые литературные опыты. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его отъѣзда, въ томъ же 1797 году, скончалась его крестная мать и воспитательница, Варвара Аванасьевна Юшкова; подъ вліяніемъ этого горя, Жуковскій написалъ свой первый печатный опытъ: *Мысли при гробницѣ*, тогда же напечатанный... Уже здѣсь, въ этомъ первомъ опытѣ, нельзя не замѣтить предвѣстниковъ будущаго направленія всей его поэзіи. «Живо почувствовалъ я,—говоритъ здѣсь 14-лѣтній авторъ: — ничтожность всего подлуннаго; вселенная представилась мнѣ гробомъ... Смерть, долая смерть, когда утомятся рука твоя, когда притупится лезвіе страшной косы твоей,—когда, когда престанешь ты посылать все живущее, какъ злаки дубравныя?.. Все гибнетъ подъ сокрушительными ударами косы

твоей...» Впрочемъ, юноша-писатель находитъ себѣ утѣшеніе: «Но почто смущаться сею мыслью,—продолжаетъ онъ:—развѣ нѣтъ оплотнѣть противъ ужасовъ смерти? Взгляни на сей лазоревый сводъ, тамъ обитель мира, тамъ царство истины, тамъ Отецъ любви... Кто не учиталъ слабыхъ, кто не притѣснялъ невинныхъ и на кого горькая слеза сироты не вопіяла на небо, кто всѣхъ любилъ, какъ братій своихъ, всѣмъ по возможности старался дѣлать добро,—тому нечего бояться. Смерть для него будетъ торжествомъ...»

За первымъ опытомъ непосредственно послѣдовали другіе. Съ 1797 года по 1801 году, въ продолженіе четырехлѣтней пансіонской жизни, Жуковскимъ были написаны (и тогда же напечатаны): *Майское утро* (1797), *Добродѣтель* (1798), *Миръ* (1800), *Къ Тибуллу* (1800), *Къ Человѣку* (1801) и нѣк. др. Эти первые литературные опыты весьма интересны для изученія только-что начинавшагося слагаться міросозерцанія юноши-поэта. Молодую головку начинаютъ все чаще и чаще посѣщать невеселыя мысли. Юношу поражаетъ непрочность жизни, быстротечность всего земного: жизнь кажется ему «бездной слезъ и страданій». «Счастливы тотъ,—говоритъ онъ:—кто, достигнувъ мирнаго берега, вѣчнымъ спать сномъ...» Меланхолическая печаль поэта о скоротечности жизни, о ея горестяхъ, не переходитъ однако въ пессимизмъ: юноша никакъ не хочетъ допустить,—

чтобы природа

Лишь для червей насъ создала;
Чтобъ мы, проживши два, три года,
Прешедъ сквозь мрачныя дебри зла,—
Съ лица земли, какъ тѣни, скрылись!
Себя мы можемъ пережить:
Любя добро и мудрость страстно,
Стремясь друзьями міру быть,
Мы живы въ самомъ гробѣ будемъ!..

Указывая въ другомъ стихотвореніи на всецѣльное могущество времени, уничтожающаго все живое, на тѣлность и разрушаемость самыхъ памятниковъ, воздвигаемыхъ героями, юноша-поэтъ спрашиваетъ,—

что-жъ покажетъ, что мы лица,
Когда все время рушитъ такъ?

и отвѣчаетъ, что не камень и не обелискъ прославятъ насъ—

останутся нетѣлныя

Одни лишь добрыя дѣла.
Ничто не можетъ ихъ разрушить,
Ничто не можетъ ихъ затмить!

Стихотвореніе *Человѣкъ* (1801) хорошо рисуетъ общее міровоззрѣніе 17-лѣтняго поэта, съ которымъ онъ оставлялъ пансіонъ:

Ничтожный человѣкъ! Что жизнь твоя? Мгновенье!

Взглянулъ на дневный лучъ—и нѣтъ тебя—
пропалъ.
Изъ тьмы небытія злой рокъ тебя призвалъ
На то лишь, чтобы предать въ добычу раз-
рушенія;

Какъ быстра тѣнь, мелькаешь ты!
Играешь судьбы, волнумый страстями...—
Что твой парящій умъ? Что замыслы твои?
Дыханье вѣтерка—и гдѣ ты прахъ надмен-
ный,

Гдѣ жизни твоя слѣды?
Чего жъ искать тебѣ въ сей пропасти муче-
неній?

Скорѣй, скорѣй въ ничто!..
Твое убѣжище лишь смерть!..—

Такъ въ гордости своей,—говоритъ поэтъ:—
безумецъ возстаетъ на небо. Поэтъ не соглашается съ такимъ взглядомъ на судьбу человѣка: при всей скоротечности человѣческой жизни,—для человѣка есть высокая цѣль: Творецъ твой не тиранъ,—возражаетъ поэтъ пессимисту:—ты страдаешь отъ себя!

Онъ благъ; для счастья онъ въ жизнь при-
звалъ тебя,—
Изъ чаши радостей ты горестъ испи-
ваешь:

Ужели рокъ виновенъ въ томъ?
Безумецъ, пробудись! возри на міръ про-
странный!
Все дышитъ счастьемъ, все славитъ
жребій свой..

Ужели ты одинъ, природы царь избранный,
Краса всего, судьбой забвенъ?
Познай себя, познай! Коль въ дерзкомъ
ослѣплены
Захочешь ты себя за край міровъ воз-
нестъ,
Сравниться со Творцомъ,—ты непримѣтна
переть!
Но ты великъ собой, сей міръ твое вла-
дѣнье,

Мужайся!
Твой рай и адъ—въ тебѣ! Брань, брани
твоимъ страстямъ!
Передъ тобой отверстъ безсмертныя вѣчныя
храмъ,
Ты смерти сломивъ серпъ могучею рукою:
Могила—къ вѣчной жизни путь!..

Эти мысли пансіонскихъ стихотвореній уже вполнѣ опредѣленно намѣтили философское міровоззрѣніе будущей поэмы только-что начинавшаго сознать себя молодого поэта.

Во времени пребыванія Жуковского въ пансіонѣ относится и начало его переводческой дѣятельности. Жуковский рано научился иностраннымъ языкамъ, и переводы были для него дѣломъ нетруднымъ. Первымъ переводомъ Жуковского былъ переводъ романа Коцебу, самаго моднаго тогдашняго писателя: *Die jüngsten Kinder meiner Laune*, назван-

ный Жуковскимъ въ переводѣ: *Мальчикъ у ручки* (4 ч., М., 1801 г.). За свои переводы Жуковский, кромѣ денегъ, сталъ получать отъ книгопродавцевъ по тогдашнему обычаю и книги. Къ концу пансіонской жизни у него составился изъ книгъ цѣлая бібліотека.

По выходѣ изъ пансіона (1801), Жуковский началъ было служить; но служба пришлась не по нему. Черезъ годъ онъ ее бросаетъ, — и весною 1802 года переселяется на житье въ Мишенское, въ кругъ своихъ родныхъ и друзей.

Поэтъ покинулъ службу и уѣхалъ въ деревню — съ цѣлью продолжать свое образованіе. Уѣзжая изъ Москвы, Жуковский захватилъ съ собою всѣ свои книги, запаса новыми, и привезъ въ деревню цѣлую бібліотеку. «Ему хотѣлось, — говоритъ его другъ и биографъ: — самостоятельными упражненіями приготовить себя къ литературному поприщу, и бібліотека, приобретенная въ Москвѣ, оказала ему въ этомъ отношеніи существенную услугу. Въ списокъ книгъ его мы видимъ, кромѣ большой французской энциклопедіи Дидро, множество французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ историческихъ сочиненій, переводы греческихъ и латинскихъ классиковъ, стихотворенія и другія произведенія изящной словесности на иностранныхъ языкахъ, полныя изданія: Шиллера, Гердера, Лессинга и проч. Все это, — прибавляетъ современникъ: — давало матеріалъ для дальнѣйшаго его самообразованія». Въ 1805 году, въ письмѣ къ Ф. Р. Вендриху, своему сосѣду по деревнѣ, Жуковский сообщаетъ ему о своихъ занятіяхъ: «Привалили читать Виланда, вашего пріятели», — пишетъ онъ ему и прибавляетъ при этомъ, что онъ еще «прежде, давно» ознакомился съ нимъ во французскомъ переводѣ, но теперь читаетъ въ подлинникѣ. Поэтъ проситъ Вендриха — человека весьма образованнаго — быть его руководителемъ въ нѣмецкой литературѣ. «Я желаю бы, — пишетъ Жуковский: — чтобы вы назначили мнѣ всѣ лучшія нѣмецкія книги во всѣхъ родахъ литературы; нѣмецкая литература мнѣ мало знакома; но я, конечно, не имѣю нужды искать лучше вась совѣтника въ выборѣ книгъ нѣмецкихъ».

Повѣсть *Вадимъ Новгородскій*, напечатанная уже въ 1803 г., правда всецѣло внутренняя тѣмъ иностранными авторами, которые являются теперь главными духовными руководителями Жуковского, все же отчасти, самымъ сюжетомъ своимъ, можетъ свидѣтельствовать объ особенномъ пробужденіи въ поэтѣ уже теперь историческихъ интересовъ, хотя болѣе спеціальныя занятія поэта въ области исторіи обнаруживаются нѣсколько позднѣе... Поэтъ мечтаетъ о путешествіи за границу, — онъ хочетъ «годъ учиться» въ

Геттингенѣ, «еще годъ въ Парижѣ»; потомъ «годъ ѣздить по Европѣ, — если же обстоятельства не позволятъ, то все время посвящать ученію». «Возвратись, посвящу себя совершенно литературѣ», — прибавляетъ онъ. И далѣе, здѣсь же формулируетъ свой нравственный идеалъ жизни:

«Надобно сдѣлаться человекомъ, надобно прожить не даромъ, съ пользою, какъ можно лучше... Эта мысль меня оживляетъ, братъ!.. Я нынче гораздо сильнѣе чувствую, что я не долженъ возмыкаться въ этой жизни, что долженъ возвыситься, образовать свою душу и сдѣлать все, что могу для другихъ. Мы можемъ быть полезны перомъ своимъ, — не для всѣхъ, но для нѣкоторыхъ, кто захотѣлъ насъ понять... Нашо счастье въ насъ самихъ!.. (Письмо къ А. И. Тургеневу, — во втор. пол. августа 1805). Поэтъ «радуется заранѣе тому, что сдѣлаетъ для него путешествіе»; «всѣ эти животворныя идеи во мнѣ усилятся», — прибавляетъ онъ въ томъ же письмѣ. Возможность «быть полезнымъ перомъ» — наступила для него гораздо раньше, чѣмъ онъ предполагалъ.

На самыхъ первыхъ же порахъ своей деревенской жизни, среди тихой сельской обстановки, окруженный родными и друзьями, въ многочисленномъ кругу молодыхъ, прекрасно образованныхъ своихъ сверстниковъ-друзей, Жуковский перевелъ, или вѣрнѣе, переделалъ изъ Грея свое «первое», какъ онъ любитъ говорить, литературное произведеніе: *Сельское кладбище*. Пансіонскіе опыты Жуковского были печатаемы въ мелкихъ журналахъ; новое стихотвореніе онъ рѣшилъ послать въ самый авторитетный тогдашній журналъ — «Вѣстникъ Европы», издававшийся Карамзинымъ. «Все Мишенское общество двѣтушекъ, — рассказываетъ д-ръ Зейдлицъ: — съ біеніемъ сердца ожидало, приметъ ли Карамзинъ это стихотвореніе для напечатанія въ журналѣ, или нѣтъ. Элегія была написана на ихъ глазахъ: холмъ, на которомъ Жуковский черпалъ свои вдохновенія, сдѣлался для нихъ Парнасомъ; стихи вызвали ихъ безусловное одобреніе; недоставало одного — благоприятнаго отзыва Карамзина, «этого Зевеса на литературномъ Олимпѣ»... Наконецъ, отъ Карамзина получено было отвѣтъ: Карамзинъ похвалилъ стихотвореніе и напечаталъ его въ ближайшей книгкѣ своего журнала! Восторгамъ не было предѣловъ. Одобреніе Карамзина, авторитетъ его «Вѣстника Европы», — все это вдругъ поставило Жуковского въ ряды лучшихъ русскихъ поэтовъ.

Сравнительно съ прежними литературными произведеніями Жуковского элегія эта, впрочемъ, ничего не представляла. Передъ нами въ сущности тѣ же мотивы, — правда, выраженные сильнѣе, рельефнѣе, — которые уже

довольно ясно обозначились, какъ мы **видѣли**, и въ пансіонскихъ произведеніяхъ нашего поэта. Но одобреніе Карамзинымъ стихотвореніе это доставило начинающему поэту такую славу, что всё прежнія его произведенія какъ бы перестали для него существовать.

Мы не будемъ, конечно, останавливаться на самой элегии,—она слишкомъ пѣвѣтна; но мы остановимся теперь—когда литературное направленіе поэта вполне выяснилось и онъ какъ бы окончательно выступилъ на свою литературную дорогу,—на общемъ вопросѣ: откуда эта меланхолическая нота въ поэзіи молодого поэта? Гдѣ лежали причины той грусти, той неясной тоски, которая наполняетъ и эту элегію и всё его болѣе раннія, еще пансіонскія произведенія? Чѣмъ вызывалась эта тоска, щемившая сердце поэта, только-что начинавшаго жить?

Весьма многое здѣсь завѣсило отъ самыхъ литературныхъ вкусовъ того времени.—отъ сентиментальнаго духа самой эпохи. Нужно припомнить господствующее направленіе, передъ тѣмъ развѣсившееся и въ заграничной, и въ нашей литературахъ.

Съ половины, и особенно съ конца XVIII ст., во всѣхъ литературахъ западной Европы начинается чрезвычайно сложное, богатое самими разнообразными элементами, движеніе.

Исходнымъ пунктомъ этого движенія была борьба противъ устарѣлыхъ ложно-классическихъ формъ, все еще господствовавшихъ въ литературѣ. Борьба эта рѣзче и сильнѣе всего выразилась въ Германіи, въ дѣятельности Лессинга (1729—1781). Главнѣйшей задачей его поэтической и критической дѣятельности была борьба съ безусловнымъ господствомъ французской литературы, стремленіе приобрести самостоятельную почву для самобытно-нѣмецкой поэзіи. Лессингъ преимущественно былъ критикомъ; его поэтическія произведенія были лишь иллюстраціями къ его критическимъ статьямъ и изслѣдованіямъ. Указывая, какъ на образецъ, на болѣе близкую къ реальной жизни мѣщанскую поэзію англичанъ, на ихъ Шекспира, на творенія самихъ древнихъ классическихъ поэтовъ, наконецъ, на самую природу, — Лессингъ объявлялъ безпощадную войну бездарному кропанію многочисленныхъ тогдашнихъ нѣмецкихъ шитовъ, риторически-напыщенному, условному содержанію ихъ ложно-классическихъ произведеній, равно и всей нѣмецкой критикѣ, слишкомъ робкой и безпринципной, — и тѣмъ самымъ положилъ прочныя теоретическія основы и для новой нѣмецкой поэзіи, и для новой критики. Его *Лакоонъ* (1766) и *Гамбургская Драма-туринъ* (1767—1768) во всей полнотѣ развернули глубокое пониманіе авторомъ задачъ и дѣлей поэтическаго творчества, придали

пониманію послѣдняго небывалую дотоѣ широту, и черезъ это окончательно свели счеты съ ложно-классической французской драмой и мертвыми, формальными правилами французской поэзіи. Разомъ и навсегда своей гениальной критикой Лессингъ «вспугнулъ французскій классицизмъ изъ его спокойствія и его обезпеченнаго господства».

Одновременно съ критикой Лессинга, въ нѣмецкой литературѣ возникаютъ первые опыты истинной поэзіи. Съ появленіемъ Клопштокъ (1724—1809), «стало для всѣхъ ясно, что поэзія прежде всего требуетъ гениальнаго дарованія и что ей нельзя научиться съ помощью теоріи». Это былъ первый истинный поэтъ въ нѣмецкой литературѣ. Его *Мессіада* (1748—1773) и нѣкоторыя изъ его одъ совершили въ ней рѣшительную реформу въ смыслѣ искренности и силы поэтическаго творчества. Его «небесная» муза, «серафимскій» тонъ его поэзіи позднѣе вызвали утрировку; но въ его собственныхъ рукахъ они были для современниковъ открытіемъ и встрѣтѣли общій восторгъ... Что сдѣлалъ Клопштокъ для одной области поэзіи, то сдѣлалъ одновременно Виландъ (1733—1813) для другой. Онъ былъ сначала въ числѣ многочисленныхъ подражателей Клопштокъ, но скоро перешелъ на самостоятельную дорогу и открылъ совершенно новую сферу поэтическому творчеству. Вмѣсто неба онъ сталъ воспѣвать землю. Череведъ Шекспира, (въ 1762—1766 г.), онъ сталъ развивать въ многочисленныхъ своихъ романахъ, всякаго рода стихотвореніяхъ и передѣлкахъ—свѣтлый, реальный взглядъ на жизнь. Тонъ его поэзіи часто дѣлается фривольнымъ, иногда даже скабрзнымъ; но вообще здоровая веселость его поэзіи, реальность его картинъ были большою новостью для тогдашней нѣмецкой литературы. Художественное направленіе Клопштокъ и Виландъ поддержало было самимъ Лессингомъ,—предтечею Гете и Шиллера... Почти одновременно въ англійской литературѣ разлазуютъ пѣсни В. Купера (1731—1800), Роберта Берса (1759—1796), во Франціи Э. Парилъ (1753—1814), П. Беранже (1780—1859).

Если Германія, въ лицѣ Лессинга, болѣе всего способствовала выясненію теоретическихъ представленій объ искусствѣ и въ частности о поэтическомъ творчествѣ, о задачахъ и цѣляхъ литературы, то Англія раньше всѣхъ другихъ націй въ Европѣ выступила съ практическимъ осуществленіемъ всего этого. Въ своей критикѣ Лессингъ часто указывалъ, какъ на образецъ, на англійскую мѣщанскую драму и англійскій семейный романъ. Дѣйствительно, въ англійской литературѣ раньше всѣхъ другихъ европейскыхъ литературъ пробудилось стремленіе къ боль-

шей жизненной правдѣ, къ большей реальности въ литературныхъ произведеніяхъ.

«Искусственность свѣтской жизни, въ томъ видѣ, въ какомъ Людовикъ XIV ввелъ ее въ моду, начинала уже сильно надѣждать европейскому обществу. Сухость и безсодержательность ея сдѣлались для каждого очевидны. Общество чувствовало усталость отъ необходимости быть всегда на вытѣлкѣ, заботиться о представительности, подчиняться этикету. Люди начали догадываться, что любезность не есть еще любовь, что мадригалъ не исчерпываетъ всей поэзіи, а развлеченіе не составляетъ счастья, стали понимать, что человекъ—не элегантная кукла, а свѣтскій потиметръ—не совершенство природы, что есть свѣтъ вне салоннаго міра. И вотъ, является новый типъ, кумиръ и образецъ своей эпохи—чувствительный человекъ, по серьезности своего характера и любви къ природѣ, рѣзкая противоположность придворнаго человека... Онъ изысканъ и приторенъ, готовъ расчувствоваться при видѣ ягняти, позициывающихъ молодую травку, благословлять птичекъ, празднующихъ свое счастье щебетливымъ пѣніемъ. Онъ напыщенъ и фразеръ, сочиняетъ длинныя тирады о чувствахъ, возстаетъ противъ испорченности вѣка, вызываетъ къ «добродѣтели», «добру», «истинѣ»... По поводу малѣйшаго облачка, онъ начинаетъ мечтать о жизни человѣческой, и говоритъ фразы... Исходя изъ Англіи, по всѣмъ литературамъ Европы быстро развивается широкій потокъ сентиментализма. Возникшее направленіе находить для себя выраженіе въ периодическихъ изданіяхъ Аддисона (1672—1719), въ знаменитомъ *Робинзонѣ* Дефо (1663—1731), въ романахъ Ричардсона (1689—1761), — *Памелѣ* (1740), *Клариссѣ* (1748), *Грандиссонѣ* (1753),—попавшихся какъ разъ въ срединѣ столѣтія,—въ *Сентиментальномъ путешествіи* Стерна (1713—1768), давшемъ собою названіе всему направленію, наконецъ и даже, пожалуй, главнымъ образомъ—въ неудержимомъ потоцѣ чувствительной лирики. Во главѣ этой послѣдней стоятъ такіе поэты, какъ *Дж. Томсонъ* (1700—1748), *Томасъ Грей* (1716—1771), *Эд. Юнгъ* (1681—1765)... Новыя произведенія англійской литературы быстро облетаютъ всѣ страны Европы, и всюду вызываютъ подражанія. Нужно имѣть въ виду характеръ и содержаніе европейской беллетристики до этого времени, чтобы вполне понять тотъ всеобщій восторгъ, съ которымъ встрѣчено было въ Европѣ новое литературное направленіе. Европейское читающее общество слишкомъ ужъ утомлено было безпопечными, однообразными исторіями о разныхъ приключеніяхъ и похожденияхъ принцевъ и принцессъ, странствованіяхъ и подвигахъ многочисленныхъ ры-

царей и другихъ подобныхъ великихъ героев, которымъ посвящались прежній беллетристическія произведенія, безконечное число разъ варьировавшихся и составлявшихъ чуть не все содержаніе тогдашней европейской поэзіи. Отъ слишкомъ частаго повторенія однихъ и тѣхъ же мотивовъ, поэзія, беллетристика приобрѣла какой-то шаблонный характеръ,—помимо того, что все это чаще всего писалось необыкновенно вычурнымъ, напыщеннымъ языкомъ. Это была какалято ходульная литература, безъ малѣйшихъ признаковъ жизни и естественности. Читатели не видѣли передъ собой живыхъ чувствъ, живыхъ людей: передъ нимъ двигались маски... Журналы Аддисона, романы Ричардсона, путешествія Стерна, меланхолически-мечтательная, всегда грустная и задумчивая лирика Томсона, Грея ввели европейскаго читателя въ совершенно особый, невѣдомый ему до-тогда, по книгѣ, міръ. Новыя произведенія англійской литературы открывали передъ читателями новую невѣдомую страну—внутренній міръ души, міръ сердечныхъ ощущеній и чувствъ. Въ этомъ отношеніи они впервые ставили читателей на почву дѣйствительности. Міръ чуждыхъ рыцарей и принцессъ впервые замѣнился близкой читателю, тихой семейной обстановкой средняго класса общества, читатель и за книгой оставался въ знакомой его средѣ: и здѣсь его окружали дяди, тетки, братья, кузины, дѣды съ отцовской стороны, дѣды съ матерней стороны, разные пріятели и пріятелиницы,—словомъ, вся та родня, весь тотъ міръ повседневной, будничной жизни, которымъ онъ жилъ и въ дѣйствительности. Читателя поражала эта необычная близость книги къ жизни,—и онъ не могъ оторваться отъ ея чтенія. Онъ не замѣчалъ, что въ новыхъ произведеніяхъ ужъ слишкомъ много мѣста отводится чувству, лиризму, слишкомъ много нравоученія и чувствительности: въ сравненіи съ предшествовавшей вычурностью, все это казалось естественнымъ, живымъ... Мимоходомъ замѣтимъ: стремленіе литературы къ большей жизненной правдѣ, переселеніе ея изъ міра героевъ—принцевъ въ среду средняго сословія едва ли не было въ извѣстной степени и результатомъ возникновенія около этого времени въ европейскомъ обществѣ буржуазіи, средняго сословія, роста и усиленія его въ общественной жизни. Съ конца XVII и нач. XVIII в. среднее сословіе вездѣ начинаетъ чувствовать могущество своего богатства, своего образованія, сознавать свое государственное, общественное и экономическое значеніе, свою болѣе чистую правдивость,—и все громче начинаетъ требовать себѣ правъ на существованіе. Выросшая буржуазія создаетъ и буржуазную литературу...

Двумя, тремя десятками лѣтъ позднѣе, точно такое же, аналогичное явленіе совершилось и въ нашей литературѣ. У насъ, правда, мало было романовъ о рыцаряхъ и принцессахъ,—хотя подобныхъ произведеній, съ конца XVI вѣка, начинали уже и къ намъ проникать; но зато болѣе чѣмъ съ избыткомъ было всякаго рода торжественныхъ одъ. Эти оды, особенно подъ конецъ, своею крайнею неестественностью, своимъ убійственнымъ языкомъ — производили на русскихъ читателей точно такое же впечатлѣніе, какое испытывали западно-европейскіе отъ своихъ рыцарскихъ романовъ и повѣстей XVI—XVII вѣка. И тамъ и здѣсь въ литературныхъ произведеніяхъ не было жизни: были только — «слова, слова и слова...» Оды Ломоносова и Державина исчерпали всю область торжественной лирики; ихъ подражатели начинали уже утомлять. Безчисленный жъ рой бездарныхъ кропотливыхъ-стихоплетовъ, окончательно унычотожили въ ней всякое содержаніе. Поэтическое творчество было низведено на степень ремесла. Литература всецѣло перешла въ вѣдѣніе авторовъ-пиитовъ, высшія, конечныя стремленія которыхъ были —

награда перстенькомъ,

Перѣдко — сто рублей, или дружество съ князь-Иль — похвала своихъ пріятелей... [комъ...

Литература сдѣлалась какой-то мертвой, деревянной... Таковъ былъ характеръ нашей литературы, когда въ ней явилась *Вѣдная Лиза* (1792) Карамзина. Небольшая повѣсть разомъ создаетъ пѣлую литературную эпоху, — предшествовавшее направленіе исчезаетъ навсегда... Въ литературѣ быстро возникаетъ и развивается новое теченіе...

Для характеристика этихъ, быстро усиливающихся у насъ къ концу столѣтія литературныхъ вкусовъ, чрезвычайно типичнымъ является направленіе нашей тогдашней только-что возникавшей журналистики. Для насъ въ настоящемъ случаѣ особенно важны тѣ періодическіе сборники, которые издаются около этого времени при московскомъ благородномъ пансіонѣ. Журналы эти начальствомъ пансіона рекомендуются для чтенія воспитанникамъ, и ихъ чтеніе, конечно, не могло не имѣть весьма значительнаго вліянія на развитіе вкусовъ и талантовъ питомцевъ. Эта журналистика была здѣсь проводникомъ того новаго могучаго литературнаго потока, который съ такою силою разливается теперь въ нашей литературѣ... Въ этихъ издаваемыхъ пансіономъ, журналахъ, да и вообще въ лучшихъ изданіяхъ тогдашней періодической печати отличныя журналы: *Пріятное и полезное препровожденіе времени*, 1791—1797; *Инокрена*, 1798—1801; *Утренняя Зари*,

1801—1808; *И отдыхъ въ пользу*, 1804 и т. д. Въ нихъ господствуетъ всецѣло карамзинская сентиментальность. Карамзинъ называется здѣсь «чувствительнымъ, нѣжнымъ, любезнымъ и привлекательнымъ нашимъ Стерномъ» и т. п. Сотрудниками «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени» и «Инокрены», являются сотрудники *Аонидъ* Карамзина... Въ статьѣ «Пріятн. и полезн. препровожд. времени», озаглавленной *Къ сердцу*, авторъ напр. восклицаетъ: «Винювннхъ дѣлъ великихъ, дѣлъ благородныхъ, сердце! Для чего ученые, нищіе просвѣщенія, съ ущербомъ правъ твоихъ обогащаютъ разумъ? Для чего образуютъ, воспитываютъ болѣе сей послѣдній, не жели тебя?..» Въ другой, обращенной къ «чувству», читаемъ: «Какого ангела, какого Бога дѣлаешь ты изъ человека, когда онъ въ уединенные часы свои, въ тихомъ кабинетѣ, въ объятіяхъ сельской природы почерпаетъ божественныя твои вдохновенія въ тайныхъ изгибахъ своего сердца, изливаетъ ихъ на бумагу или читаетъ Гесснера, Руссо, Стерна, Петрарка...» «Уединеніе» называется «отрадою чистѣйшихъ душъ», «природа» — «другомъ, матерью, вождемъ». Съ идиллическими мечтаніями обращаются сотрудники журнала къ пастушескому вѣку. — передъ нами фигурируютъ имена пастушковъ Аркаса, Дафниса, Палемона и т. д. Рядомъ съ идиллическими картинками сентиментализма, здѣсь же нерѣдко является и кладбище: оно служитъ любимымъ мѣстомъ меланхолическихъ мечтаній.

Чрезвычайно характернымъ является въ нашихъ тогдашнихъ журналахъ выборъ переводовъ. Выборъ этотъ является краснорѣчивымъ показателемъ народившихся въ обществѣ новыхъ вкусовъ. Эти переводы отчасти продолжаютъ Карамзина, отчасти предшествовающаго Жуковскаго... Переводы берутся изъ всѣхъ литературъ Европы, — но на первомъ мѣстѣ стоятъ литература нѣмецкая и англійская.

Тогдашніе журналы наши вообще хорошо знакомятъ своихъ читателей съ лучшими явленіями современныхъ западныхъ литературъ, — и въ этомъ отношеніи являются какъ бы ближайшими предвѣстниками дѣятельности Жуковскаго...

Таковы были собственно литературныя вліянія, окружавшія начинавшаго писателя. Вліяніе литературъ какъ нельзя болѣе усиливалось и упрочивалось непосредственнымъ вліяніемъ окружающаго общества, — вліяніемъ тѣхъ людей, тѣхъ кружковъ, съ которыми рано сблизается Жуковскій. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ для Жуковскаго молодой кружокъ семьи И. П. Тургенева, съ которымъ поэтъ нашъ сблизается уже въ періодъ своей пансіонской жизни. «Черты нравственной физиономіи Жу-

ковскаго,— замѣчать по этому поводу Тихонравовъ:—слагались подъ вліяніемъ тѣхъ же людей, которымъ образованъ былъ Карамзинъ, и подъ вліяніемъ самого Карамзина». По мѣткому выраженію изслѣдователя, семья Тургенева и тѣсный кружокъ, къ ней примыкавшій, кружокъ лицъ, проникнутыхъ высшими нравственными и литературными интересами,—представляли изъ себя кружокъ нашихъ идеалстовъ второй половины XVIII в. Въ центрѣ этого кружка идеалистовъ стоялъ И. П. Тургеневъ и его молодые даровитые сыновья, — Андрей, Александръ, Николай, изъ которыхъ два послѣдніе (первый рано умеръ) составили себѣ потомъ почетные имена въ нашей литературѣ и общественной мысли... Старикъ Тургеневъ былъ довольно близокъ къ лучшимъ представителямъ нашего масонства второй половины XVIII в., перевелъ нѣсколько масонскихъ книгъ, — но, по-видимому, удержался отъ крайностей масонства, симпатизировалъ ему лишь въ предѣлахъ вообще болѣе свободныхъ и широкихъ духовныхъ стремленій и идеаловъ... Во всякомъ случаѣ, изъ менѣе, нежели масонству, Тургеневъ отдавалъ вообще интересамъ просвѣщенія и литературы, — и въ этомъ отношеніи домъ его былъ центромъ, гдѣ группировались и старая, заслуженная литературная знаменитость, какъ Херасковъ, и новыя, только-что возникавшія молодыя литературныя силы и таланты, какъ Карамзинъ. Старикъ Тургеневъ вообще до конца жизни, — замѣчаетъ Тихонравовъ: — оставался преданнымъ литературѣ и искусствамъ,—умѣлъ замѣчать даровитыхъ людей и привлекать ихъ къ дѣлу литературы и просвѣщенія... Чѣмъ былъ И. П. Тургеневъ и вся его семья для Жуковскаго, — объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстное обращеніе послѣдняго къ старшему сыну Тургенева, Андрею, въ предисловіи къ *Видиму Новгородскому*. Обращеніе это и само по себѣ весьма характерно. «Тѣнь веселая и мирная! — взываетъ Жуковский. — Мы—твой, твои несомнѣнно.. Тѣнь твою надо мною, — она собесѣдница безмолвныхъ часовъ моихъ, незримый хранитель моего сердца.. Въ ея священномъ присутствіи клянусь— быть другомъ добродѣтели...» Послѣднее какъ нельзя лучше, — замѣчаетъ изслѣдователь: — отъялеть передъ нами характеръ вліянія кружка Тургенева: здѣсь сказывались старая связь Тургеневской семьи и его самого съ масонствомъ, вліяніе котораго такимъ образомъ достигло и до Жуковскаго. Кружокъ Тургенева, отраженіе лучшихъ стремленій масонства, работалъ прежде всего и именно надъ созданіемъ внутренняго человѣка. Въ этомъ отношеніи надъ, точнѣе говоря, этимъ самымъ кружокъ Тургенева, вліяя на поэта, воспитывалъ въ Жуковскомъ прежде всего

вообще человѣка... Подъ вліяніемъ, можетъ-быть, именно этого кружка, и въ частности семьи Тургенева, въ глубину души Жуковскаго залегли тѣ нравственныя начала, тѣ живыя дѣятельныя религіозныя вѣрованія, — которыя такъ осязательно выражаются въ первомъ періодѣ поэтической дѣятельности Жуковскаго и съ новой силой возрождаются въ послѣдніе годы его жизни, въ мелкихъ статьяхъ теологическаго характера...

Обстановка первоначальнаго воспитанія, литературные вкусы, господствовавшіе уже во многихъ журналахъ, широкимъ потокомъ развитыя и въ самомъ обществѣ, частныя связи и отношенія,—все это, уже и помимо природныхъ наклонностей и обстоятельствъ личной жизни, самымъ рѣшительнымъ образомъ и на первыхъ же порахъ опредѣляло характеръ и направленіе литературной дѣятельности Жуковскаго, его наиболѣе раннія литературныя симпатіи и вкусы. Но литературной модой не объяснялось все: весьма существенную роль играли здѣсь упомянутыя сейчасъ личныя обстоятельства жизни начинавшаго поэта: быть другой, болѣе близкій поэту и болѣе постоянный, источникъ его меланхолической грусти. Новое литературное направленіе, какъ нельзя лучше, подошло къ собственному, личному настроенію Жуковскаго,—къ обстоятельствамъ его личной жизни... Кромѣ литературной моды, болѣе понятными комментаріями меланхолической поэзіи Жуковскаго — и первого и послѣдующаго времени—являются тѣ особыя жизненныя обстоятельства, въ которыхъ провелъ свою первую молодость Жуковский, и которыя и впоследствии — еще долгое время — имѣли мѣсто въ его жизни.

Прежде всего мы не должны забывать особенныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ рожденіе Жуковскаго: ихъ не забывалъ ни онъ самъ, ни другіе. «Положеніе его въ свѣтѣ,— говоритъ одинъ изъ друзей поэта: — по отношенію къ семейству Буниныхъ тяжело дожились на его душу. Въ обширномъ кругу своихъ родныхъ онъ не могъ забыть, что онъ для нихъ— все-таки чужой:

Для одинокихъ мѣръ сей скученъ,

А въ немъ одинъ скитаюсь я—

говоритъ двадцатилѣтній поэтъ. Его положеніе въ семействѣ, съ самыхъ первыхъ дѣтъ, было какое-то ложное. Его мать, какъ ни была любима въ семьѣ, все же должна была стоя выслушивать приказанія и не могла считать себя равноправною съ другими членами семьи. Одно время и онъ самъ вмѣстѣ съ приемнымъ отцомъ, Андреемъ Григорьевичемъ Жуковскимъ, живетъ отдѣльно отъ семьи Буниныхъ, — «на чердачкѣ фангеля»... Дѣтство и первые годы юности поэта въ

дѣйствительности были не такъ счастливы, какъ казалось. Въ 1824 году, поэтъ съ грустью вспоминаеть о прошедшемъ:

Къ младенчеству ль душа прискорбная летитъ, —
говорить онъ о себѣ въ *Послании къ Филарету*:

Считаю ль радости минувшаго — какъ мало!

Нѣтъ! Счастье къ бытію меня не приучало;
Мой юношескій нѣтъ безъ запаха отцѣвалъ...
Въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (1810 года), поэтъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе, относительно наиболѣе существенной черты его поэзии — меланхолической любви: «Не подумаи,—пишетъ Жуковскій Тургеневу:—чтобы моя мысль о дѣйствіи любви была общемою мыслью, а не моею; нѣтъ, она справедлива и неоспорима, но только тогда, когда будешь предполагать нѣкоторыя особыя обстоятельства, она справедлива въ отношеніи ко мнѣ. Надобно сообразить мои обстоятельства: воспитаніе, семейственныя связи и двухъ тѣхъ (отца и мать), которые такъ много и такъ мало на меня дѣйствовали!»... У нашего поэта не было своей родной семьи. Въ родной матери ему тяжело было видѣть что-то среднее между госпожою и служанкой. Отца своего онъ почти совсѣмъ не зналъ. Жуковскій никогда не говорилъ о немъ. Только однажды,—разсказываютъ:—за дружеской бесѣдой кто-то, жалуюсь на своего отца, случайно сказалъ Жуковскому: «тебѣ хорошо! у тебя нѣтъ такого отца!»—«О! воскликнулъ Жуковскій: если бы я имѣлъ отца!»... Эти-то «нѣкоторыя особыя обстоятельства», касавшіяся лично поэта, сильнѣе всякихъ литературныхъ модъ и вкусовъ поддерживали и развивали въ немъ, уже съ раннихъ лѣтъ, грустное меланхолическое настроеніе... Къ нимъ скорбь присоедилилась — мечтательная, несчастная, обставленная особыя обстоятельствами, любовь, развившаяся подъ конецъ «сердечной катастрофы»...

Возвращаемся къ прерванному изложенію литературной дѣятельности нашего писателя.

Сельское кладбище обратило на себя общее вниманіе. Простота и естественность стихотворенія были лучшимъ отвѣтомъ уже зародившимся и сильно бродившимъ въ обществѣ и литературѣ новымъ стремленіямъ... Послѣ «Сельскаго кладбища» поэтическая дѣятельность Жуковскаго какъ бы приостанавливается, — во весь шестилѣтній періодъ своей деревенской жизни, съ выхода изъ пансіона по 1808 годъ, Жуковскій пишетъ сравнительно мало, ограничивается преимущественно мелочами; переводитъ басни и мелкія стихотворенія, болѣо крупныя не

доканчивають... Только въ 1806 году поэтическая лира Жуковскаго отозвалась на патристическое настроеніе общества *Письмо Варда* надъ гробомъ славянъ побѣдителей, — доставившею, при всѣхъ недостаткахъ своихъ, громкую извѣстность молодому поэту. Личное настроеніе, насколько оно отражается въ немногихъ болѣе оригинальныхъ его стихотвореніяхъ (элегія *Вечеръ* и др.), по-прежнему грустное, меланхолическое... У поэта идетъ усиленная внутренняя, подготовительная работа. Онъ продолжаетъ изучать иностранныхъ писателей, готовится къ продолжительнымъ занятіямъ за границей, къ путешествію по Европѣ съ цѣлью самообразованія, издаеть журналъ...

Общее его міросозерпаніе — всецѣло Карамзинское. Карамзинъ — его учитель, образецъ, руководитель... Подобно Карамзину, молодой писатель мечтаетъ о тихомъ, упрямомъ уголкѣ «на лонѣ прелестной природы», приглашаетъ друзей въ свою «хижищу», какъ и Карамзину въ дни юности, лучшей услугою ему служить поэзіи:

О, пламенныхъ сердець веселье и любовь,
О, прелесть тихая, души очарованье,—

Поэзія! Съ тобой

И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье —
Теряютъ ужасъ свой!

Въ тѣни дубравы надъ потокомъ
Другъ Феба, съ ясною душою,
Въ убогой хижинѣ своей

Забывши рокъ, забвенный рокомъ.—

Поеть, мечтаеть... и блаженъ!..

Однимъ изъ наиболѣе любимыхъ писателей молодого Жуковскаго является идиллистъ Флоріанъ (1755 — 1794), только что нѣсколько оживившій передъ тѣмъ расторяленную поэзію Европы. Жуковскій усердно переводитъ сочиненія этого французскаго писателя — довольно замѣтно подчиняется ему и въ собственныхъ произведеніяхъ. Прототипомъ повѣсти *Вадимъ Новгородскій* (1803) служитъ «Вилгольмъ Тель» Флоріана... Въ 1804 г. Жуковскій переводитъ его *Дон-Кихота* (Don Quichotte). Флоріанъ, вообще, очень занимаетъ Жуковскаго. Русскій поэтъ слѣдуетъ ему даже въ выработкѣ своихъ теоретическихъ взглядовъ на обязанности переводчика, — тѣхъ взглядовъ, которымъ Жуковскій, въ сущности, и остался вѣрнымъ навсегда... По мнѣнію Флоріана, переводчикъ долженъ стремиться не столько къ тому, чтобы быть вѣрнымъ оригиналу, сколько къ тому, чтобы дать въ своемъ трудѣ, вообще, произведеніе пріятное... «Самый простой переводъ, замѣчаетъ Флоріанъ, есть въ то же время и самый вѣрный... Переводчикъ, сохранивъ мысль автора, можетъ ослабить нѣкоторыя его выраженія, иное смягчать, — от-

брасывать могущія встрѣтиться въ оригинальнѣе черты художя вкуса, заботиться, вообще преимущественно, о плавности и чистотѣ языка и т. д.» Именно такъ и переведенъ Флоріаномъ Донъ-Кихотъ: это не столько переводъ, сколько переделка... Жуковский вполне усваиваетъ эту теорію. Флоріановская манера переводить весьма замѣтна у Жуковского даже въ такихъ его переводахъ, какъ *Рустемъ* и *Зорабъ*... Другимъ столь же рѣшительнымъ авторитетомъ въ сферѣ теоретическихъ литературныхъ взглядовъ долгое время служилъ для Жуковского *Лагарпъ* (1729—1803). Жуковский долго, приблизительно до 1810—1812 гг., остается на почвѣ литературныхъ вкусовъ этого французскаго критика, т. е. на почвѣ старыхъ, ложно-классическихъ воззрѣній. Редактируя «Вѣсти. Евр.» въ 1808—1810 гг., Жуковский почти исключительно наполняетъ его переводами съ французскаго, — излагая въ своихъ критическихъ статьяхъ взгляды Лагарпа. Вообще, и въ переводахъ, и въ собственныхъ статьяхъ Жуковский очень долгое время — усердный ученикъ Лагарпа. Правда, Жуковский уже и теперь знакомъ и съ другими литературными взглядами, съ принципами критики Лессинга: послѣдняго въ одномъ мѣстѣ онъ ставитъ даже рядомъ съ своимъ французскимъ авторитетомъ; но, вообще, литературные вкусы и симпатіи нашего поэта гораздо больше склоняются къ послѣднему, чѣмъ къ первому... Лессингъ заключенъ предъ нами авторитетомъ ложно-классической школы. Въ критическихъ статьяхъ своихъ Жуковский вполне стоитъ на почвѣ взглядовъ и требованій послѣдняго... Разбирал, напр., въ 1809 г. басню Крылова, Жуковский находилъ въ нихъ мѣстами выраженія, противныя вкусу, грубыя, — къ такимъ онъ относилъ, напр., слѣдующія: *Внушница съ пощала въскружилася головою, отъ радости въ лобъ духъ сперло*... «Едва ли, — замѣчаетъ Жуковский: — это неприятное выраженіе: «въ лобъ духъ сперло» — поправится людямъ, привыкшимъ къ языку хорошаго общества...» Отмѣченныя сейчасъ ложно-классическія симпатіи молодого Жуковского открываютъ передъ нами одну изъ весьма замѣтныхъ еще чертъ тогдашней нашей литературы — довольно прочное еще существованіе въ ней старыхъ ложно-классическихъ традицій. Въ отношеніи къ Жуковскому, эти традиціи раньше всего были привиты ему еще его пансіонскихъ наставниковъ, Вокраевичемъ; и, позднѣе, они поддерживаются такими его ближайшими друзьями, какъ Мерзляковъ, и, въ особенности, Блудовъ. Литературные вкусы Блудова были вполне еще старые, ложно-классическіе, законодателемъ и для него былъ Лагарпъ... Блудовъ, вообще, имѣлъ значительное вліяніе на Жуковского въ вы-

работѣ литературныхъ взглядовъ и симпатій послѣдняго, — какъ на это указываетъ и самъ поэтъ, посвящая ему своего *Вадима*:

Вадимъ мой росъ въ твоихъ глазахъ:
Твой вкусъ былъ мнѣ учитель...

Таковы литературныя симпатіи и взгляды Жуковского до 1808—1812 гг.; идеи романтизма еще почти совершенно незнакомы ему, — по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не отражаются ни въ его переводахъ, ни въ оригинальныхъ пьесахъ...

Въ 1808 г. въ печати появляется его *Людмила* «русская баллада», «подражаніе Бюргеровой Леоноръ», нѣсколько позднѣе за нею слѣдуетъ рядъ новыхъ произведеній, вносящихъ въ еще болѣе опредѣленностью новое содержаніе въ поэзію Жуковского... Литературные вкусы и симпатіи поэта значительно видоизмѣняются; старые авторитеты отчасти замѣняются, отчасти дополняются новыми, — и поэтъ съ рѣшительностью выступаетъ на путь такъ-называемаго романтизма.

Новое направленіе въ поэзіи Жуковского особенно замѣтнымъ дѣлается къ 1816 — 1817 гг., и, повидимому, стояло въ ближайшей связи съ частыми побѣдами Жуковского въ періодъ 1815—1816 гг. въ Дерптѣ, а равно съ самыми обстоятельствами чисто личными, которыми вызывались эти побѣды...

Прежде чѣмъ перейти къ этимъ биографическимъ подробностямъ, останавливаемся на самомъ движеніи, съ которымъ связано было новое направленіе въ произведеніяхъ нашего поэта.

Въ сферѣ собственно литературной романтическое теченіе многими отдѣльными пунктами было тѣсно связано съ предшествовавшимъ сентиментализмомъ. Сентиментально-меланхолическое настроеніе европейскихъ литературъ середины XVIII в. было предвѣстникомъ быстро приближающихся новыхъ литературныхъ формъ; но, вообще, движеніе было явленіемъ чрезвычайно сложнымъ. Исходная точка его порешилась въ томъ общевропейскомъ возбужденіи умовъ, которое наполняло собой всю вторую половину XVIII в. Возбужденіе XVIII в. охватывало всю умственную жизнь европейскаго человѣка, во всѣхъ ея сферахъ: политической, естественно-научной, нравственной, религіозной... При своей всеобщности и всеобъемлемости, движеніе заключало въ себѣ самые противорѣчивые элементы: вся умственная жизнь Европы превратилась въ какой-то хаосъ переходной эпохи. Передъ нами какое-то общее недовольство старымъ порядкомъ вещей, старыми вѣрованіями, убѣжденіями, понятіями, — и ясное стремленіе къ чему-то новому, стремленіе, выражающееся самими разно-

образными формами. Рядомъ съ Вольтеромъ и энциклопедистами стоять Руссо; скептицизмъ и самыя грубыя матеріалистическія теоріи идутъ рядомъ съ требованіями идеалистическаго чувства... Присходитъ общее броженіе идей и понятій, въ которомъ заключались элементы прогресса и элементы будущей реакціи. Романтическое движеніе выражается, главнымъ образомъ, въ двухъ формахъ: въ стремленіяхъ къ новымъ свободнымъ идеямъ и понятіямъ, къ свободной философіи, свободной поэзіи, выработавшимся французскимъ просвѣщеніемъ XVIII вѣка, и—какъ это на первый взглядъ ни кажется страннымъ,—въ еще болѣе сильномъ стремленіи къ старому, въ стремленіи въ давнопрошедшую даль среднихъ вѣковъ, въ давно-исчезнувшій міръ средневѣковыхъ сказаній и вѣрованій,—въ стремленіи къ своей родной старинѣ, къ своимъ національнымъ преданіямъ минувшаго прошлаго. Въ одно и то же время романтическое движеніе заключало въ себѣ и мотивы новаго, приближеніе котораго давно истинночувствовалось, и—симпатіи къ старому, быстро и навсегда теперь исчезающему. Европейская мысль въ одно и то же время идетъ двумя путями—представляетъ два противоположныхъ теченія. Свободныя идеи XVIII вѣка идутъ рядомъ съ старыми и какъ бы снова возрождающимися представленіями среднихъ вѣковъ. Рядомъ съ преклоненіемъ передъ новыми идеями,—передъ нами воскресаетъ въ поэзіи весь міръ средневѣковыхъ преданій. Большинство поэтовъ и писателей съ неподдѣльной искренностью и теплотою чувства устремляются въ романтическую средневѣковую даль, въ страну средневѣковыхъ рыцарей и балладъ. «Всѣмъ хотѣлось мечтаній, опышенія и воодушевленія, всѣ хотѣли снова вѣрять, какъ дѣти, ощущать сумасбродство рыцаря и экстазы монаха, всѣ хотѣли поэтически нестествовать, мелодически мечтать, всѣ хотѣли окунуться въ море луннаго свѣта и мистически внимать царенію духовъ на млечномъ пути...» Поэзія, въ цѣломъ рядъ своихъ лучшихъ представителей, переселяется въ средніе вѣка, въ далекую даль роднаго прошлаго, хочетъ жить прежнею, уже умершею жизнью. Возникаетъ очарованный міръ романтики, романтической поэзіи,—быстро охватывающей собою всѣ литературы Европы... Какъ мы сейчасъ замѣтили, стремленіе къ старинѣ, въ давно исчезнувшій міръ среднихъ вѣковъ, соединилось чаще всего съ стремленіемъ къ родной старинѣ, къ народнымъ, национальнымъ преданіямъ прошедшаго. Это было наиболѣе важной и плодотворной стороной происходившаго движенія. Романтическое обращеніе къ прошлому, къ народной

старинѣ—дало начало первымъ стремленіямъ къ народности. Съ теоретической стороны, стремленія эти были многимъ обязаны еще Лессингу и особенно Гердеру (1744—1803). Критика Лессинга «дала могущественный толчокъ развитію нѣмецкаго духа; она раскрыла передъ нимъ его собственныя сокровища, зародила въ немъ сознаніе своей силы и достоинства»; главнѣйшей пльзю его критики было «отучить нѣмцевъ отъ рабскаго подражанія иностранцамъ и заставить ихъ полюбить свое родное, нѣмецкое». Что касается Гердера, то это былъ вообще однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ представителей совершавшагося духовнаго переворота. Разнообразныя и многочисленныя произведенія Гердера имѣли какое-то общее возбуждающее значеніе, были полны энергіи. Онъ говорилъ о возвратѣ къ природѣ, о простотѣ чувствъ, о правахъ на существованіе каждой народности, каждой національности; благодаря ему, стало общимъ достояніемъ понятіе народной и національной поэзіи,—доказывающей бытъ, доказывавшей оныя, основными и господствующими элементами искусства. Гердеръ однимъ изъ первыхъ обратился и къ непосредственному изученію безыскусственной народной поэзіи: его извѣстные *Голоса народовъ въ пѣсняхъ* вышли въ 1778—1779 гг. Въ смыслѣ общаго возстановленія, оживленія забытой народной старины, чрезвычайно важными фактами были появленіе въ Англии сборника старыхъ англійскихъ балладъ и пѣсенъ Томаса Перси (около 1765 г.) и особенно появленіе знаменитыхъ *Пѣсенъ Оссиана* Макферсона (1758—1796), быстро обошедшихъ всѣ литературы Европы. Картины простыхъ, суровыхъ «первобытныхъ» нравовъ, столь непохожихъ на современную цивилизацію, неподдѣльное чувство суровой природы, картины величественнаго холоднаго и угрюмаго шотландскаго пейзажа, этотъ холмъ, омываемый дождемъ, береза, дрожащая отъ порывистаго осенняго вѣтра, туманы, окутывающій небо, эти величавыя, суровые люди, столь цѣльные по своей природѣ, хотя и полные романтическихъ думъ и томленій—все это производило необычайно освѣжающее дѣйствіе, отражалъ въ то же время въ многомъ общее настроеніе...

Свобода литературныхъ формъ, свобода поэтическаго творчества, обращеніе къ исторіи, народнымъ преданіямъ, элементамъ народности,—все это были лучшія, наиболѣе цѣныя стороны происходившаго литературнаго движенія. Но рядомъ съ ними были и другія. Рядомъ съ отличными элементами и особенно вслѣдъ за ними,—шли уродливыя уклоненія въ сторону, тѣ или другія крайности, часто столь широкія и сильныя, что превращали и лучшія стороны движенія въ каки-то

болѣзненные явленія человѣческой мысли... Эти крайности особенно сказывались въ нѣмецкой «романтикѣ».

Важнѣйшими представителями нѣмецкаго романтизма были братья Шлегели, Августъ (1767—1845) и Фридрихъ (1772—1829), Людвигъ Тикъ (1773—1853), Фридрихъ фонъ-Гарденбергъ (1772—1801), извѣстный подъ именемъ Новалиса, Амедей Гофманъ (1781—1831), де-ла-Мотъ Фуке (1777—1843), фонъ-Клейстъ (1777—1811), Теодоръ Кернеръ (1781—1813), далѣе Клеменсъ Брентано (1777—1842), фонъ-Арнимъ (1787—1831) и др. Къ романтикамъ отчасти принадлежали Уландъ (1787—1862), Гебелъ (1760—1821), хотя оба эти писатели далеко стояли отъ крайностей романтизма. Гебелъ едва ли можно даже и вообще считать представителемъ романтизма въ строгомъ смыслѣ... Наиболѣе даровитымъ и разностороннимъ романтическимъ писателемъ былъ Л. Тикъ, впрочемъ, уже скоро покидающій знамя романтизма: около 1820 г. повѣсти его окончательно очищаются отъ всякаго мистико-романтическаго тумана... Л. Тикъ служилъ болѣе общимъ чертамъ романтизма, отражая въ своихъ произведеніяхъ общія черты всего направленія; другіе изъ названныхъ писателей сосредоточиваются чаще всего исключительно на той или другой сторонѣ романческаго движенія, чаще всего доводи ея до полной утрировки. Такими болѣе исключительными сторонами нѣмецкой «романтики» являются увлеченія въ поэзіи религиозной мистикой, у Новалиса; средне-вѣковыми рыцарствомъ, у де-ла-Мотъ Фуке, фалстатическимъ элементомъ у Гофмана, фатализмомъ у Грильварпера и т. д. Еще далѣе, прямо уже въ область патологій ведутъ романтику такіе писатели, какъ Брентано, фонъ-Арнимъ, — «въ произведеніяхъ которыхъ все бѣснуется въ двойтельномъ хаосѣ, самые сумасбродные каламбуры скачутъ, какъ ардекины, горбатыя остропы проскальзываютъ на короткихъ ножкахъ, какъ пошинтели, слова любви вѣтренно порхаютъ, какъ настигшіяя колобоны съ горемъ въ сердцѣ, и нерѣдка выступаютъ, какъ бы зашпалась, и безвзвѣсная рѣчь, — но громче всего надъ всей этой суматохой звучатъ трубы вакхальной жажды разрушенія...» Несомнѣнно, болѣе свѣжей и здоровой струей была патристическая лирика романтизма, представителемъ которой выступилъ фонъ-Клейстъ, и достойнымъ продолжателемъ котораго былъ Теодоръ Кернеръ...

Такова была по своему литературному содержанию та новая область, въ которую отъ сентиментализма постепенно перешла поэзія Жуковскаго. Заимствовала она, впрочемъ, сравнительно очень немного изъ своего новаго источника.

Достаточно взглянуть на одніи заглавія новыхъ поэтическихъ произведеній Жуковскаго, чтобы видѣть, какіе собственно представители западно-европейскаго романтизма, и въ частности нѣмецкой романтики, привлекли вниманіе нашего поэта. Изъ всего ряда «романтическихъ» писателей имъ почти исключительно переводятся произведенія Уланда и Гебеля. Но, какъ уже выше замѣчено, писатели эти къ романтикамъ могутъ быть причислены лишь весьма относительно, — и, во всякомъ случаѣ, они являютъ представителями лучшихъ, болѣе умѣренныхъ сторонъ романтизма и совершенно чужды его уродливыхъ крайностей. Людвигъ Уландъ (1787—1862) историками нѣмецкой литературы признается однимъ изъ популярнѣйшихъ, послѣ Шиллера, нѣмецкихъ поэтовъ. Его баллады и романы, по отзыву историковъ — «самый здоровый и прекрасный плодъ романтизма...» Оригинальность Уланда была не велика. Онъ излагаетъ въ пѣснѣ только небольшое число предметовъ. «Мы находимъ въ нихъ, — говоритъ Шереръ, — сравнительно мало любви, болѣе — пейзажъ, времена днѣ и года, путешествія и разныя разности, страсти нѣтъ, только мягкіе звуки. Его мотивы повторяются; мысли о смерти, по крайней мѣрѣ меланхолическаго струнка — всегда близка ему. Онъ особенно хорошо развитъ балладу, для которой его обширная ученость доставляла прелестнѣйшія темы. Сначала Уландъ исходитъ отъ Клопштока, Маттиссона, Оссіана; сѣверная сага доставляетъ ему пѣснополько своихъ древнѣйшихъ сюжетовъ. Потомъ онъ предается изнѣженной, банальной, полной самоотреченія романтикѣ, — въ его произведеніяхъ появляются король и королева, въ красныхъ мантияхъ, золотыхъ коронахъ, дочь короля и прекрасный пастухъ, арфистъ, монахъ и монахиня. Но Уландъ уже скоро чувствуетъ вліяніе Гете, и съ 1807 г. *Wunderhorn* далъ ему мотивы, а народная пѣсня, пѣсня о Нибелунгахъ и испанскіе романы опредѣлили его стиль и его языкъ; сентиментальность кончилась, въ его балладахъ выступилъ жаждущій подвиговъ рыцарь, страсти, месть и убійство; явились народныя фигуры — солдатъ, подлѣ котораго падаетъ товарищъ, три парня, которые заходятъ къ трактирщикѣ, дочка кузнеца, которая дѣлается женой рыцаря; и веселыя сны оживали въ его пѣсняхъ. Въ 1810 году Уландъ вѣдетъ года на два въ Парижъ, пріобрѣтаетъ универсальный взглядъ на средніе вѣка, — который отражается въ новыхъ балладахъ: автору служатъ нѣмецкая и французская героическая сага, нормандскія преданія, биографія трубадуровъ; поэтъ умѣетъ твердой рукою изображать какъ изящное, такъ и героическое — ему удавался

даже юмористическій жанръ. Въ 1813—1817 гг. его поэзія стала почти исключительно отечественной,—его баллада приняла мѣстно-патріотическій характеръ...

Во всѣхъ стихотвореніяхъ Уландъ «очень велико достоинство изложенія. Обычное легкое изложение вскорѣ замѣнилось лаконичностью... Въ балладахъ въ его полномъ распоряженіи всѣ метры и стили, краткость намека, такъ же какъ эпическая полнота. Всѣяніи сюжетъ нашель свою соответственную форму, всѣ цѣлы достигнуты. Онъ простъ или великодѣпенъ, какъ онъ найдетъ нужнымъ; очень рѣдко онъ туманенъ или фразистъ, но и тогда всегда правилень»... Романтика не придавала большого значенія стилю, слогу; но Уландъ «возвратилъ ей строгость формы и поэтому сдѣлался образцомъ для молодыхъ и старшихъ современныхъ лириковъ, какъ Шамиссо»...

Что касается Гебеля, то этотъ поэтъ далекъ отъ романтизма. Это идилликъ чистой воды, полный, однако, въ то же время самаго непосредственнаго реализма. Родомъ изъ деревни въ баденскомъ оберландѣ, пасторъ по профессіи, Гебель въ своихъ произведеніяхъ исключительно поэтъ родной ему крестьянской среды: изъ нея заимствуетъ онъ и содержаніе, и всю обстановку своихъ стихотвореній, изъ той же родной деревни заимствованы имъ и всѣ дѣйствующія лица, и, наконецъ, самый языкъ,—свои стихотворенія онъ пишетъ на томъ же швабскомъ нарѣчьи, на которомъ говорилъ въ дѣтствѣ. «Ни одинъ новый идилликъ,—замѣчаетъ о Гебелѣ историкъ:—не сравнится съ нимъ въ вѣрности природѣ, наивности, свѣжести и задумчивости...» Таковы два романтика, которыми больше всего увлекается нашъ поэтъ,—и послѣднимъ съ особымъ одушевленіемъ. Въ апрѣлѣ 1816 г., сообщая о своихъ литературныхъ занятіяхъ А. И. Тургеневу, Жуковскій пишетъ ему изъ Дерпта:

«Написалъ, т. е. перевелъ съ нѣмецкаго, піесу подъ титуломъ: *Овсяный кисель*; не думай, чтобъ этотъ кисель былъ для «Арзамаса»; но, надѣюсь, что онъ покажется вкуснымъ для арзамасцевъ, хотъ и не разведетъ на безсмыслицѣ. Это переводъ изъ Гебеля, вѣроятно тебѣ неизвѣстнаго поэта, ибо онъ писалъ на швабскомъ діалектѣ и для поселнякъ. Но я ничего лучше не знаю! Поэзія во всемъ совершенствѣ простоты и испорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и намъ еще неизвѣстный родъ»... Чтѣ привлекало нашего поэта въ «романтизмъ» главнымъ образомъ—показывая это восторженное восклицаніе, обращенное къ поэзіи Гебеля: «Я лучше ничего не знаю!» Романтики вообще не производятъ на Жуковского особенно глубокаго, захватывающаго вліянія.

Односторонности и крайности романтизма остались Жуковскому совершенно чуждыми; онъ сумѣлъ уберечь себя отъ нихъ,—какъ убереглись отъ нихъ и Уландъ, и Гебель. Въ свободѣ поэзіи Жуковскаго отъ романтическихъ крайностей нельзя не видѣть проявленій, главнымъ образомъ, могучей силы его личнаго художественнаго чувства. Съ самой школой, ея представителями, Жуковскій хорошо знакомъ не только въ области собственно поэтическихъ произведеній, но и теоретически; для доказательства достаточно упомянуть объ извѣстномъ письмѣ его къ Дашкову, относящемся къ этому же времени (1816—1817 гг.). Предлагая Дашкову принять участіе въ задуманномъ изданіи и набрасывая его программу, Жуковскій перечисляетъ цѣлый рядъ нѣмецкихъ писателей, съ указаніемъ, что можно изъ каждаго взять для изданія: всѣ перечисляемые имъ писатели, поэты, ученые—принадлежатъ къ направленію романтическому, и труды каждаго изъ нихъ, какъ показываетъ письмо, нашъ поэтъ хорошо знаетъ...

Что касается вліяній, которыя послужили поэту въ извѣстной степени противопѣсомъ противъ нашинныхъ романтическихъ увлеченій,—вліянія эти нашъ поэтъ нашель частью въ томъ же Дерптѣ, который и сблизилъ его съ романтиками, частью въ средѣ своихъ петербургскихъ друзей...

Если дерптскіе друзья Жуковскаго познакомили его съ нѣмецкимъ романтизмомъ—то здѣсь же, среди тѣхъ же своихъ дерптскихъ друзей, нашъ поэтъ нашель и людей, которые далеко не увлекались ея крайностями. Къ числу такихъ принадлежалъ дерптскій проф. Густавъ Эверсъ (1781—1830), у котораго Жуковскій одно время слушаетъ лекціи, и Т. Е. Бокъ, воспитаникъ академикъ Лерберга, поклонникъ Шиллера. Вліяніе въ этомъ случаѣ Эверса было особенно важно. Жуковскій слушалъ лекціи Эверса по средневѣковой исторіи,—и взгляды Эверса на средніе вѣка не могли остаться безъ вліянія на нашего поэта. «Эверсъ,—замѣчаетъ одинъ изъ исследователей:—считалъ полезными занятія среднею исторіей для той же самой цѣли, для которой посвящали имъ свою дѣятельность романтики: они напоминали о древнихъ германцахъ, о рыцаряхъ, о религіозномъ характерѣ среднихъ вѣковъ,—единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы побудить современниковъ перенести поэтическіе элементы юности челоуѣчества въ ихъ одряхлѣвшую сферу. Впрочемъ, онъ далекъ былъ отъ того, чтобы, на подобіе многихъ современныхъ ему писателей, находить все прекраснымъ въ среднихъ вѣкахъ.

Вліяніе Эверса какъ нельзя лучше поддерживалось и вліяніемъ петербургскихъ дру-

зей, къ этому времени слотившихся въ особый кружокъ «Арзамаса»...

Въ ряду литературныхъ обществъ, возникшихъ у насъ въ рассматриваемый періодъ, въ которыхъ съ особой палидностью сказывались новыя, болѣе широкія литературныя и общественныя потребности,—наиболѣе виднымъ является Арзамасъ. Около «Арзамаса» сгруппировались лучшія, болѣе молодыя и свѣжія силы нашей тогдашней литературы,—Жуковский, кн. Вяземскій, Батюшковъ, вообще «Карамзинцы»; скоро въ ряду членовъ «Арзамаса» появляется и имя Пушкина. «Арзамасцы» выступили ближайшими преемниками литературныхъ традицій Карамзина, — и многіе изъ членовъ его вскорѣ являются главными деятелями послѣдующаго періода нашей литературы, въ томъ числѣ и Пушкинъ; Карамзинъ, пріѣхавши въ 1816 г. въ Петербургъ, ближе всего сходитя съ «Арзамасцами»: «Здѣсь, — пишетъ онъ изъ Петербурга жень,—всѣхъ любезнѣе для меня «арзамасцы»... Помимо такихъ видныхъ деятелей литературы, какъ Жуковский, Батюшковъ, стоявшихъ во главѣ «Арзамаса» — это были вообще кружокъ молодыхъ, даровитыхъ, хорошо образованныхъ людей, любившихъ литературу, но въ большинствѣ занимавшихся ею лишь «въ свободное отъ дѣлъ» время и не желавшихъ жертвовать ей своими официальными обязанностями.

Собранія «арзамасцевъ» были очень шумны, веселы, — и всегда заканчивались хорошимъ ужиномъ. На всей жизни кружка лежалъ отпечатокъ шутовства и беззаветнаго веселья. Эмблемой общества служилъ мерзлый арзамасскій гусь, члены носили шутивыя прованші, заимствованныя изъ баллады Жуковского: «Святлана» (Жуковский), «Ахиллъ» (Батюшковъ), «Дымная пепурга» (Воейковъ), «Олово арфа» (А. И. Тургеневъ), «Вотъ я васъ» (В. А. Пушкинъ), «Сверчокъ» (А. С. Пушкинъ), «Чу!» (Дашковъ) и т. д., — и общій титулъ: «его превосходительство, геній Арзамаса». Пріемъ въ члены сопровождался аллегорическо-шутковскими церемоніями, являвшимися однако не лишними значенія народными на обряды масонства... По примѣру другихъ обществъ, говорится въ уставѣ общества, каждому новопоступающему члену «Арзамаса» надлежало бы читать похвальную рѣчь своему покойному предшественнику, но всѣ члены «Арзамаса» — безсмертны, и потому, за неизмѣнимъ собственнымъ покойникомъ, а также въ доказательство благороднаго своего безпристрастія и еще болѣе въ доказательство, что ненависть ихъ не простирался за предѣлы гроба, арзамасцы положили для вступительныхъ рѣчей брать напрокатъ покойниковъ между «халдеями» — «Бесѣды» и «Академія» — дабы воздавать имъ по дѣламъ ихъ,

не дожидаясь потомства». Очередной председатель долженъ отвѣчать оратору пристойнымъ привѣтствіемъ, искусно соединяя похвалы ему съ похвалами усопшему... Какъ рѣчи, такъ и отвѣты, при серьезно-торжественномъ топѣ, были содержанія комическаго. Чего-либо особенно серьезнаго кружокъ вообще не преслѣдовалъ и не хотѣлъ преслѣдовать: когда, нѣсколько позднѣ, одинъ изъ членовъ его высказалъ призывъ къ стремленіямъ болѣе серьезнымъ и широкимъ, къ идеямъ и дѣятельности болѣе общественнаго характера, — призывъ этотъ мало встрѣтилъ здѣсь сочувствія, остался одинокимъ... Да общество вскорѣ и распалось, — наиболѣе видные члены его разбѣжались изъ Петербурга по своимъ служебнымъ обязанностямъ. При всей ограниченности литературныхъ занятій и стремленій «арзамасцевъ», кружокъ этотъ однако былъ весьма важнымъ фактомъ нашей тогдашней литературной жизни, являясь характернымъ показателемъ народившихся въ обществѣ и въ литературѣ болѣе свѣжихъ стремленій. Кружокъ былъ хотя и скромнымъ, но рѣшительнымъ протестомъ противъ всего стараго, уже отживающаго въ литературѣ, противъ старыхъ литературныхъ традицій, все еще старавшихся удержатъ за собою первенствующее положеніе и въ обществѣ и въ литературѣ, а отчасти и дѣйствительно продолжавшихъ еще удерживать его. Главной, существенной стороной дѣятельности «Арзамаса» была его борьба противъ традицій «Бесѣды» и «Академія», этихъ обломковъ стараго псевдо-классицизма... Орудіемъ борьбы выбрана была насмѣшка, — пародія, эпиграмма, шутка... Одинъ изъ главныхъ членовъ кружка, С. С. Уваровъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» даетъ слѣдующую характеристику «Арзамаса». «Арзамасъ» не имѣлъ собственно никакой опредѣленной формы. Это было общество молодыхъ людей, связанныхъ между собою однимъ живымъ чувствомъ любви къ родному языку, литературѣ, исторіи и собиравшихся вокругъ Карамзина, котораго они признавали цутеводителемъ и вождемъ своимъ. Направленіе этого общества, или лучше сказать этихъ пріятельскихъ бесѣдъ, было преимущественно критическое. Лица, составлявшія его, занимались строгимъ разборомъ литературныхъ произведеній, примѣняемымъ къ языку и словесности отечественной всѣхъ источниковъ древней и иностраныхъ литературъ, изысканіемъ началъ, служащихъ основаніемъ твердой, самостоятельной теоріи языка и пр. Подъ вліяніемъ «Арзамаса» писали стихи Жуковский, Батюшковъ, А. Пушкинъ, и это вліяніе отразилось, можетъ-быть, и на иныхъ страницахъ «Исторіи Карамзина».

Въ отношеніи собственно къ нашему по-

эту, въ исторіи развитія литературныхъ симпатій самого Жуковскаго, господствовавшій въ «Арзамасъ» тонъ пародіи и шутки не могъ не имѣть своего весьма благотворнаго значенія. Арзамасскіе друзья Жуковскаго не могли сочувствовать вычурнымъ крайностямъ нѣмецкой романтики, и своимъ авторитетомъ, конечно, въ значительной степени должны были предостеречь поэта отъ излишнихъ увлеченій ея.

Новое романтическое направленіе поэтической дѣятельности Жуковскаго — если не самымъ возникновеніемъ своимъ, то во всякомъ случаѣ своимъ быстрымъ усиленіемъ и развитіемъ въ значительной степени зависѣло отъ особыхъ, чисто личныхъ обстоятельствъ за это время жизни поэта. Многое, что для посторонняго читателя въ новыхъ произведеніяхъ нашего поэта казалось «романтикой» — имѣло реальное, положительное значеніе.

Новыя романтическія струны, особенно выступавшія теперь въ поэзіи Жуковскаго, — въ значительной степени объяснились совершившеюся около этого времени въ его жизни «сердечной катастрофой».

Мы должны вернуться нѣсколько назадъ.

Еще въ 1805 году у 22-лѣтняго Жуковскаго началось педагогическія занятія съ его племянниками — Протасовыми. Незадолго передъ этимъ, Екатерина Аванасьевна Протасова овдовѣла, и, вслѣдствіе разстроенныхъ обстоятельствъ, поселилась съ двумя своими дочерьми въ Вѣлевѣ, уѣздномъ городкѣ, въ трехъ верстахъ отъ Минскаго, гдѣ жило семейство Бунинныхъ и Жуковскій. Дочерямъ Протасовой, Маріи и Александрѣ, было 10—12 лѣтъ; мать хотѣла дать имъ домашнее образованіе. Видя разстроеныя дѣла Протасовой, Жуковскій вызвался давать уроки своимъ племянникамъ. Это было въ 1805 году. Поэтъ принялся за дѣло съ большимъ усердіемъ; въ дневникѣ поэта сохранился отрывокъ программы этихъ занятій. Онъ говоритъ тутъ и о серьезности, съ какой смотрѣлъ на свое дѣло. Но, на самомъ дѣлѣ, преподаваніе уже скоро приняло «поэтическій характеръ»: поэтъ — учитель скоро страстно полюбилъ свою старшую ученицу... Новыя чувства какъ нельзя лучше подходили къ общему тону его поэзіи, — и скоро самымъ рѣшительнымъ образомъ начинаютъ сказываться въ его произведеніяхъ.

Увѣжая въ 1808 году изъ деревни въ Москву, для изданія журнала, молодой редакторъ, на прощаніе съ своими ученицами, написалъ ко дню рожденія старшей изъ нихъ, Марьи Андреевны Протасовой, аллегорическую повѣсть. «Въ этомъ подаркѣ ко дню рожденія — замѣчаетъ д-ръ Зейдлицъ: — видѣлась заря восходящаго солнца любви. Поэтъ наме-

касть на счастье, не обозначая его точнѣе...» Статы, написанныя Жуковскимъ въ это же время и напечатанныя въ первыхъ книжкахъ его журнала, вполне объясняютъ намъ новыя чувства автора. Разумѣемъ два его этюда: *Кто истинно добрый и счастливый человекъ?* и *Писатель въ обществѣ*. Содержаніе статей имѣетъ непосредственный биографическій интересъ.

«Одинъ тотъ, — начинаетъ свою первую статью Жуковскій: — кто способенъ наслаждаться семейственною жизнью, есть прямо добрый и слѣдовательно прямо счастливый человекъ... Быть счастливымъ, есть наслаждаться самимъ собою — гдѣ же сіе счастье, какъ не въ семействѣ? Почитай обязанностію быть дѣятельнымъ для пользы отечества, — продолжаетъ авторъ: — но лучшія твои наслажденія, но самыя драгоцѣнныя награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства: если душа твоя невинна, если пылаетъ въ ней тихое пламя добра, то въ мирномъ семействѣ найдешь безмятежное, постоянное счастье. Гдѣ можешь любить съ такою полнотою, съ такою взаимностію, съ такимъ забвеніемъ самого себя?.. Въ семейныхъ чувствахъ человекъ хранитъ источникъ и его гражданскихъ добродѣтелей: какъ можетъ онъ не дорожить непорочною своего имени, — котораго слава есть слава его любимыхъ?» Въ статьѣ *Писатель въ обществѣ* авторъ, рассуждая объ общественномъ положеніи писателя, доказываетъ, что для писателя, больше чѣмъ для кого другого, необходимо вліяніе семьи, — «семейственной связи». Привязанный къ одному мѣсту своимъ упражненіями, онъ долженъ около себя находить тѣ удовольствія, которыя природа сдѣлала необходимыми для души человѣческой. — въ уединенномъ жилищѣ своемъ, послѣ продолжительнаго умственнаго труда, онъ долженъ слышать трогательный голосъ своихъ любимыхъ; онъ долженъ въ кругу ихъ отдыхать, въ кругу ихъ находить новыя силы для новой работы; не имѣя вдали ничего достойнаго исканія, онъ долженъ вблизи, около себя соединить все драгоцѣннѣйшее для его сердца, — вселенная со всеми ея радостями, должна быть заключена въ той мирной обители, гдѣ онъ мыслить и гдѣ онъ любить...»

Съ такими чувствами поэтъ отправился въ Москву. Двухлѣтнее занятіе журналомъ не измѣнило ихъ, и, по возвращеніи въ 1810 г. въ деревню, мечты о счастьи семейной жизни становятся любимыми мечтами поэта, все сильнѣе начинаютъ сказываться въ его произведеніяхъ этого времени... Любовь поэта была обставлена особыми, исключительными условіями. «Тѣсныя связи родства усиливали чувство всею близостью родственной приви-

заинности; въ то же время эти самыя связи дѣлали любовь невозможною, въ глазахъ тѣхъ людей, отъ которыхъ зависло рѣшеніе вопроса...» Поэту приходилось скрывать свою любовь,—и она находить себѣ выходъ только въ поэтическихъ изліяніяхъ, еще болѣе увеличивая грустный, меланхолическій тонъ его поэзіи.

Она была любовь—говорить поэтъ о себѣ —
но была печалень гласъ;
Увы! Она знала любви одну лишь муку...

Поэтъ жалуется, что любовь принесла ему одну «мечту».

Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье...

Тоска эта тѣмъ сильнѣе, что нельзя даже заявить о своемъ чувствѣ:

О, незабвенная, другъ милый, вѣчно милый!—
обращается поэтъ къ предмету своей любви:

Почто, повергнувшись въ слезахъ къ твоимъ
ногамъ,

Почто, любая ихъ горящими устами,
Отъ сердца не могу воскликнуть къ небесамъ:
Все въ жертву за нее. Вся жизнь моя предъ
вами.

Почто и небеса не могутъ внять мольбамъ?..

Въ 1809 г., въ одной изъ книжекъ «Вѣстника Европы», молодой редакторъ печатаетъ стихотвореніе: *Письмъ* — безъ подписи, но съ краснорѣчивой пометкой: *1-го апрѣля*. 1-е апрѣля было днемъ рожденія Маріи Протасовой. Стихотвореніе выражало всю силу юношескаго чувства:

Мой другъ, хранитель-ангелъ мой!
О ты, съ которой нѣтъ сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой!..
Во всѣхъ природы красотахъ
Твой образъ милый я встрѣчаю,
Прелестныхъ вижу—въ ихъ чертахъ
Одну тебя воображаю.
Веру перо—имѣ начертать
Могу лишь имя незабвенной,
Одну тебѣ лишь прославлять
Могу на лирѣ восхищенной:
Съ тобой, одинъ, вблизи, вдали,
Тебя любить—одна мнѣ радость;
Ты мнѣ всѣ блага на землѣ,
Ты сердцу—жизнь, ты жизни—сладость!..
Ахъ! мнѣ ль разлуку знать съ тобой?
Ты всюду спутникъ мой незримый.
Молчишь—мнѣ взоръ понятенъ твой,
Для всѣхъ другихъ неизяснимый;
Я въ сердце твой пріемлю гласъ,
И нью любовь въ твоемъ дыханьи!..
Тобой и для одной тебѣ
Живу и жизнью наслаждаюсь!..

По прекращеніи, въ 1810 году, редактор-

ской дѣятельности и по возвращеніи въ деревню,—поэтъ снова увидѣлъ предметъ своей любви. Къ этому времени относится стихотвореніе Жуковскаго, озаглавленное *Къ ней*, не вошедшее въ собраніе его сочиненій, и найденное въ портфель Маріи Протасовой послѣ ея смерти:

Имя гдѣ для тебя?

Несильно смертныхъ искусство —
Выразить предель твою!

Лиры нѣтъ для тебя!

Что ибси? Отзывъ невѣрный

Поздней молвы объ тебѣ.

Если бы сердце могло бытъ

Имъ слышно, каждое чувство

Было бы—гимномъ тебѣ!..

Повидимому, къ 1810 году относилось первое объясненіе Жуковскаго съ Екатериной Аванасьевой Протасовой,—встрѣтившее самый рѣшительный отказъ. При этомъ Екатерина Аванасьева самымъ рѣшительнымъ образомъ запретила поэту говорить о его любви кому бы то ни было, особенно ей дочерямъ...

Несвоевременно наступили для поэта. Онъ еще нѣсколько разъ возобновлялъ свои исканія и пытался смягчить сердце Екатерины Аванасьевны, но напрасно. Между тѣмъ, Марья Андреевна Протасова исполнѣ раздѣляла чувства къ ней Жуковскаго, и когда узнала о всемъ происшедшемъ между Жуковскимъ и ея матерью (это относилось уже къ началу 1813 года)—она опасно заболѣла. Еще болѣе страдалъ поэтъ. Его дневникъ отчасти открываетъ передъ нами то тягостное душевное состояніе, которое онъ переживалъ за это время. Надежда смѣнилась отчаяніемъ и обратно. Черезъ мѣсяць, по выходѣ изъ военной службы, Жуковскій рѣшился посовѣтоваться о своемъ дѣлѣ съ Ив. Вл. Лопухинымъ, извѣстнымъ масономъ, къ которому съ большимъ уваженіемъ относилась и Екатерина Аванасьевна. «Я бхаль, — пишетъ поэтъ въ дневникѣ объ этой побѣдѣ: — съ веселыми мыслями. Болѣе, нежели когда-нибудь, мнѣ весело было смотрѣть на ясно небо... О! я въ эту минуту только чувствовалъ, что можно быть счастливымъ въ этой жизни. Я съ восхищеніемъ давалъ Создателю своему сердечное обѣщаніе—быть Его достойнымъ своею жизнью... Другая мысль неказанно меня радовала. Я видѣлъ въ будущемъ не одно неизяснимое счастье принадлежать ей, дѣлать съ нею жизнь и все; я видѣлъ тамъ самого себя совсѣмъ не такимъ, каковъ я теперь, — лучшимъ, новымъ, живымъ, а не мертвымъ. То счастье, которое даетъ мнѣ она — совсѣмъ должно меня преобразовать... Эта надежда нѣкогда уви-

дѣть самого себя лучшимъ,—восхитительна... Съ потеряннѣмъ жду той минуты, когда счастье дастъ мнѣ новую жизнь. Это возможное преобразование самого себя радуетъ меня наравнѣ съ тою надеждой, которая представляетъ мою Машу ангеломъ-сущностию, участникомъ чистой, невинной жизни... Такъ, ангелъ Маша, вѣра — источникъ всякаго добра, освѣтитель всякаго счастья. Что сравнится съ такимъ приобретеньемъ? И какъ не обожать того, кому будешь имъ обязанъ, а это—ты...» Уже изъ этого отрывка—а такихъ можно найти въ его дневникѣ нѣсколько—нельзя не видѣть, что реальная любовь поэта уже теперь начинала принимать характеръ какого-то мистическаго поклоненія. Лопухинъ вполне одобрилъ намбренія Жуковскаго,—хотя и это одобреніе со стороны чловѣка, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ, не помогло... Тщетны были попытки друзей помочь Жуковскому; тщетно самъ московскій митроп. Филаретъ заявлялъ, что, по церковнымъ книгамъ, нѣтъ причины не допускать брака. Екатерина Аоанасьевна оставалась непреклонной... Поэтъ продолжалъ жить въ томительномъ ожиданіи. «Будущее пугаетъ меня невѣдѣнностью,—пишетъ онъ въ дневникѣ.—Спокойствіе души, усовершенствованіе сердца, дѣятельность мнѣ свойственная, самая религія—все для меня въ одномъ! Какъ же не желать его всѣми силами души! Что иное можетъ быть мнѣ замѣною?... Самъ бросить своего счастья не могу; пускай его у меня вырвутъ, пускай его мнѣ запретить; тогда, по крайней мѣрѣ, не буду причиной своей утраты...» Поэтъ иногда груститъ о своемъ счастьи, какъ уже о навсегда потерянномъ,—онъ какъ бы предчувствуетъ его несбыточность: «Исполнится ли то, что одно можетъ дать мнѣ счастье—зависитъ не отъ меня. Но я искалъ его не въ низкомъ, не въ томъ, что противно Творцу и человѣческому достоинству, а въ лучшемъ и благороднѣйшемъ; я привязывалъ къ нему все лучшее въ жизни. Жаль жизни такой, какою я ее представилъ себѣ—тихой, ясной, дѣлительной, посвященной истинному добру... Другимъ нужно несчастье, чтобы привести въ силу ихъ душевные качества; мнѣ, напротивъ, нужно счастье,—то счастье, которое, можетъ быть моимъ...» Въ борьбѣ съ неодолимыми препятствіями, не имѣя силъ и не желая ихъ разрушить насильственно, любовь поэта принимаетъ постепенно все болѣе и болѣе платоническій характеръ. «Развѣ мы съ Машей,—пишетъ поэтъ въ 1814 году:—не на одной землѣ?... Развѣ не можемъ другъ для друга жить и имѣть всегда въ виду другъ друга? Одинъ домъ—одинъ свѣтъ; одна кровля—одно небо. Не все ли равно?»

Поэтъ переживаетъ періодъ сердечныхъ

томленій, а скорѣе и скитальческой жизни... Правда, онъ не рѣдко окруженъ родными и близкими друзьями, принимая участіе въ ихъ праздникахъ и увеселеніяхъ,—ополо этого времени онъ особенно сближается съ Шенцевыми,—у которыхъ концерты чередовались съ театральными представленіями и литературными вечерами,—но вообще душа поэта болѣетъ и сердце ноетъ. Новое объясненіе съ Екатериной Аоанасьевой заставляетъ его въ 1812 году поступить въ военное ополченіе. Во время своей жизни въ лагерѣ подъ Тарутиньмъ, увлеченный всеобщимъ, господствовавшимъ и въ арміи, и въ обществѣ, патриотическимъ водухомъ, Жуковскій пишетъ своего знаменитаго *Пивца въ стать русскихъ воиновъ*. Новое произведеніе доставило ему несравненно болѣшую извѣстность, чѣмъ всл предшествовавшей его литературная дѣлательность. Въ тысячахъ списковъ стихотвореніе разошлось по арміи и всей Россіи. Императрица выразила желаніе видѣть поэта... Военная жизнь Жуковскаго однако продолжается недолго: въ концѣ того же года онъ заболѣлъ тифомъ,—а въ первыхъ числахъ января 1813 года былъ уже на родинѣ. Два слѣдующіе года мы видимъ его то въ Миньенскомъ, то въ Долбинѣ: съ 1815 года, когда Протасовы по семейнымъ обстоятельствамъ, переселились въ Дерптъ,—за Воейкова, бывшаго въ Дерптѣ профессоромъ, вышла замужъ вторая племянница Жуковскаго, А. А. Протасова,—мы видимъ Жуковскаго въ постоянныхъ поѣздкахъ сюда,—уѣзжая изъ Петербурга, гдѣ съ 1815 года онъ имѣетъ официальное положеніе члена при императрицѣ, Жуковскій въ періодъ 1815—1816 гг. живетъ въ Дерптѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ... Незадолго передъ этимъ патриотическое возбужденіе еще разъ охватываетъ Жуковскаго: въ 1814 г. имъ написано было извѣстное *посланіе Императору Александру* (1814 г.). Тогда же императрица поручила Тургеневу и Уварову—«подумать, что сдѣлать для поэта». Въ 1815 г. онъ представляется императрицѣ, и скорѣе получаетъ назначеніе при дворѣ. Періодъ деревенскаго уединенія для нашего поэта долженъ былъ скоро и навсегда окончиться... Въ 1815—1816 гг. выходитъ первое собраніе «стихотвореній» Жуковскаго; министръ народнаго просвѣщенія представилъ изданіе императору,—и поэту назначена была пенсія въ 4000 р.

Въ 1816—1817 гг. заканчивается и романъ Жуковскаго. Уже въ ноябрѣ 1815 года Марія Протасовой сдѣлала предложеніе проф. Мойеръ. Екатерина Аоанасьевна благосклонно приняла его искательство, а дочь попросила нѣсколько времени на размысленіе; она написала Жуковскому и попросила его совѣта: «Я рѣшаюсь писать къ тебѣ,—обращается она

къ нему:—просить у тебя совѣта, какъ у самаго лучшаго друга. О, мой добрый Жуковскій! Я у тебя прошу совѣта, какъ у отца,—прошу рѣшить меня на самый важный шагъ въ жизни; я съ тобой съ первымъ послѣ маленькии хочу говорить объ этомъ и жду отъ тебя, отъ твоей ангельской души, своего спокойствія, счастья и всего добраго... Еще за полгода до этого, въ мартѣ 1815 года, попытавши передъ этимъ еще разъ и тщетно говорить съ Екатериной Аванасьевной, Жуковский писалъ Марьѣ Андреевнѣ, повидимому теперь уже вполне примирившись съ своей судьбой: «Милый другъ, Маша! Надобно сказать тебѣ что-нибудь въ послѣдній разъ. У тебя есть добрый товарищъ—твоя смиренная покорность Провидѣнью. Она у тебя не на словахъ, а въ сердцѣ и на дѣлѣ... Я никогда не забуду, что всѣмъ тѣмъ счастьемъ, какое имѣю въ жизни, обязанъ тебѣ, что ты давала лучшія намѣренія, что все лучшее во мнѣ было соединено съ привязанностью къ тебѣ, что, наконецъ, тебѣ же я обязанъ самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на жертвованіе тобою... Въ этомъ воспоминаніи о тебѣ заключены будутъ въ мнѣ дѣятельности... Въ мысляхъ и чувствахъ постараюсь быть тебѣ достойнымъ. Все въ жизни—къ прекрасному средство. Я прошу тебя только одно: не позволяй тобою жертвовать. Этимъ не обмани меня.. Мои тетради береги. Въ нихъ ничего не перемѣняй, кромѣ развѣ одного—вездѣ: сестра. Помни же своего брата, своего истиннаго друга; не помни такъ, какъ онъ того требуетъ, т. е. знай, что онъ, во всѣ минуты жизни, если не живетъ, то по крайней мѣрѣ желаетъ жить такъ, какъ велитъ ему его привязанность къ тебѣ—теперь вѣчная и болѣе, нежели когда-нибудь, чистая и сильная. Не бойся.. Жизнь моя будетъ тебѣ достойна!»...—Какъ ни готовилъ однако себя поэтъ къ подобному исходу,—письмо Протасовой его поразило; онъ не вѣрилъ тому, чтобы его Маша рѣшилась идти замужъ добровольно, безъ принужденія; онъ подозрѣвалъ Екатерину Аванасьевну, что она неволитъ дочь. Жуковский тотчасъ же отправился въ Дерптъ, гдѣ жилъ въ это время Протасовы, чтобы лично удостовѣриться въ случившемся. Въ январѣ онъ прѣхалъ туда—и разувѣрился въ своихъ подозрѣніяхъ... Послѣ долгой и тяжелой внутренней борьбы, послѣ различныхъ колебаній и сомнѣній,—поэтъ согласился на бракъ Марьи Андреевны съ Мойеромъ... Въ 1817 году Марія Протасова вышла замужъ.

«Романъ моей жизни конченъ, пачку ея исторію»—говорилъ поэтъ друзьямъ, вернувшись послѣ свадьбы изъ Дерпта. Но поэтъ ошибся. Окончившись въ дѣятельности, въ поэтической дѣятельности поэта «романъ» продолжался долгое время, — даже послѣ

смерти предмета его любви... Мечты любви—грустной меланхолической—долго еще продолжаютъ звучать въ его поэзіи. Какъ мы уже замѣтили, любовь поэта постепенно преобразовалась: вначалѣ влюблѣ реальная, она под конецъ дѣлалась все болѣе и болѣе мистической. Съ любовью Жуковскаго совершилось отчасти то же, что нѣкогда произошло съ любовью Данта: подобно тому, какъ Беатриче изъ флорентинской дѣвушки мало-по-малу превратилась въ высокое олицетвореніе католическаго богословія,—такъ и здѣсь: предметъ любви Жуковскаго все болѣе и болѣе терялъ свою тѣлесность, пока не сдѣлался для поэта символомъ всего высокаго, идеальнаго:

Скорбь о неизвѣстномъ,
Стремленіе вдалъ, любви тоска,
Томленіе разлуки—

продолжаютъ оставаться надолго существенными нотами его поэзіи...

Новая дѣятельность была по сердцу Жуковскому; «онъ не только нашелъ себя,—замѣчаетъ его біографъ:—дѣятельность, соответствовавшую его вѣкусамъ, дававшую ему довольно времени предаваться и поэтическому творчеству,—но нашелъ еще и то, чего тщетно искалъ въ семьѣ Екатерины Аванасьевны Протасовой—искренность семейнаго круга, теплое расположеніе къ себѣ...» Мало того: по свидѣтельству того же біографа, близкаго друга поэта, послѣдній здѣсь же, въ новой своей дѣятельности, нашелъ нѣкоторую поддержку для своей поэзіи: «въ своей высокой учености,—замѣчаетъ біографъ:—поэтъ встрѣтилъ такую же поэтическую и романтическую душу». «По ея желанію» Жуковский переводитъ многія стихотворенія Шиллера, Гете, Уланда, Гебеля на русскій языкъ. Переводы печатались въ особомъ изданіи, выходившемъ маленькими брошюрами, лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, подъ заглавіемъ: *Für Wenige. Для немногихъ* (вышло шесть книжекъ). Но вообще у поэта теперь уже мало оставалось времени для чисто поэтической дѣятельности... Въмѣстѣ съ царской семьей зиму 1817—1818 г. Жуковский проводитъ въ Москвѣ,—и здѣсь, въ апрѣлѣ 1818 г., привѣтствуя своими знаменитыми словами рожденіе великаго князя Александра Николаевича, своего будущаго питомца:

Да! Онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскреснаго Кремля...
Да встрѣтитъ онъ обильный чествомъ вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудеть—
Святѣйшаго изъ званій: челоуѣкъ!.

По совѣту врачей, на зиму 1820 г. великая княгиня Александра Феодоровна Оеодоровна должна была ѣхать заграницу; сопроводить свою ученицу

долженъ былъ и Жуковский. Такъ только теперь впервые осуществились мечты его юности... Въ сентябрѣ 1820 г. онъ выѣхалъ въ Берлинъ. Онъ ѣхалъ съ восторгомъ. «Порадуйтесь за меня, и благословите меня дружескою рукою,—пишетъ онъ А. П. Кирѣевской:—наконецъ, нѣкоторыя желанія сбываются: увижу прекрасныя стороны, въ которыхъ иногда бѣгло воображеніе... Путешествіе оживитъ и расширитъ душу,—будетъ и физически, и нравственно полезнымъ: можетъ-быть, вялость душевная побавится, и я опять освѣжусь и примусь за свою поэзію...» Эти надежды вполне оправдались. Съ періодомъ этого заграничнаго путешествія Жуковского связаны, отчасти или вполне, цѣлый рядъ его поэтическихъ произведеній: *Орланская дѣва* Шиллера, *Шилонскій узникъ* Байрона, *Пери* и *ангелъ* Мура, переводы изъ Вальтеръ-Скотта, Уланда,—поэтъ готовится къ переводу *Вильгельма Телля* Шиллера и т. д. Путешествіе дѣйствительно «оживляетъ и расширяетъ» его душу,—онъ знакомится съ лучшими произведениями западно-европейскаго искусства, испытываетъ цѣлый рядъ недоступныхъ для него прежде умственныхъ наслажденій. «Самая лучшая эпоха моей жизни, послѣ моей разлуки съ вами,—пишетъ поэтъ одной изъ подругъ своего дѣтства:—есть 1821 годъ. Я постраниствовалъ по Европѣ: провель веселые полгода въ Берлинѣ; потомъ видѣлъ часть Германіи, прелестный Дрездель, съ его живописными окрестностями; обошелъ пѣшикомъ Швейцарію: прошелъ черезъ Сенъ-Готардъ въ Италію; былъ въ Миланѣ; плавалъ по Lago Maggiore; черезъ Симплонъ и Валлисъ прошелъ къ подошвѣ Montblanc, видѣлъ великолѣпныя и прелестныя природы на берегахъ восхитительныхъ ивейнарскихъ озеръ; плавалъ по Рейну; любовался его великолѣпнымъ водопадомъ, его замками, его богатыми виноградниками—и все это оставило на душѣ то волненіе, какое оставляетъ быстрый сонъ, исчезающій въ минуту удовлетворенія... Путешествіе сдѣлало меня и рисовщикомъ: я нарисовалъ au trait около 80 видовъ, которые самъ выгравировалъ, также au trait... Обширныя письма, которыя Жуковский пишетъ въ это время (отрывки изъ нихъ тогда же печатались въ журналахъ, напр. Рафаэлева Мадонна и др.)—показываютъ, какой полной и широкой жизнью онъ жилъ за это время...

Но и среди новыхъ обстоятельствъ жизни, потока новыхъ впечатлѣній,—воспоминаній о прошломъ не покидаютъ поэта: Эльба напоминаетъ ему иногда Оку при Влѣвѣ, и при этомъ передъ поэтомъ много встаетъ мыслей тѣней этого прошлаго... Отголоски сердечныхъ томленій по временамъ продолжаютъ отзываться и теперь въ произведенияхъ нашего поэта,—воспоминанія о ней продолжаютъ его посѣщать.

Въ тѣни деревъ, при звукѣ струнъ, въ Вечернихъ гаснущихъ лучей, [сіяньиъ
Какъ первая любви очарованье,
Какъ прелестъ первыхъ юныхъ дней—
Являлся она передо мною ..

Вскорѣ, по возвращеніи въ Россію, поэту суждено было перенести и послѣднее сердечное потрясеніе, связанное съ его несчастной любовью: 19-го марта 1823 г. въ родахъ неожиданно скончалась Марья Андреевна Протасова. «Событіе это,—замѣчаетъ д-ръ Зейдлицъ:—потрясло душу Жуковского и погрузило его на многіе годы въ тихую меланхолическую грусть. Нельзя описать словами того, что происходило въ душѣ несчастнаго поэта...» Приводимъ относящееся къ этому моменту его письмо къ Кирѣевской, писанное изъ Дерпта, куда по полученіи извѣстія, Жуковский немедленно отправился: «Кому могу уступить святое право, милый другъ, милая сестра (и теперь—вдвое противъ прежняго), говорить о послѣднихъ минутахъ нашего земного ангела, теперь небеснаго, вѣчно, безъ измѣненія, нашего... Съ ея святыхъ переселеніемъ въ неизмѣняемость, прошедшее какъ будто ожило и пристало къ сердцу съ новой силой. Она съ нами—пока здѣсь еще пробудемъ, не видя глазами ея; она съ нами, и болѣе наша—наша спокойная, радостная, то вѣришь души, прекрасный, удаленный отъ всякаго страданія! Душаша, другъ!—Дайте мнѣ руку во имя Маши, которая для насъ все существуетъ. Не будемъ говорить: ея нѣтъ! «Это богохульство!» Слезы льются, когда мы вмѣстѣ и не видимъ ея между нами; во эти слезы по себѣ... 10 числа (марта) Жуковский, передъ этимъ, проводивши А. А. Воейкову съ дѣтьми въ Дерптъ, пробылъ здѣсь двѣ недѣли и 10-го марта вернулся въ Петербургъ) я съ ними простился, безъ всякаго предчувствія, съ какою-то непонятной безпечностью... Я пробылъ съ ними двѣ недѣли, недѣлю лишнюю противъ даннаго мнѣ срока: должно было уѣхать. Но, Боже мой! я могъ бы остаться еще 10 дней: эти дни были послѣдніе здѣшніе дни для Маши! Боюсь останавливаться на этой мысли. Бывають предчувствія для того, чтобы мутить душу: для чего же здѣсь не было никакого милосерднаго предчувствія!.. Было поздно, когда я выѣхалъ изъ Дерпта,—долго ждалъ лошадей, всѣхъ клонилъ сонъ. Я сказалъ имъ, чтобы разошлись, что я засну самъ. Маша пошла наверхъ съ мужемъ. Сашу (А. А. Воейкову) я проводилъ до ея дома,—услышалъ еще голосъ ея; когда готовъ былъ опять войти въ дверь, услышалъ въ темнотѣ: «прости!» Возвратясь, проводилъ Машу до ея горницы; они взяли съ меня слово разбудить ихъ въ минуту отъѣзда. И я заснулъ. Черезъ пол-

часа все готово къ отъѣзду,—встаю, подхожу къ ея лѣстницѣ, думаю—идти ли? хотѣла даже не идти, но пошла. Она спала, но мнѣ приходъ ее разбудилъ; хотѣла встать, но я ее удержалъ. Мы простились; она просила, чтобы я ее перекрестилъ, и спрятала лицо въ подушку,—и это было послѣднее на этомъ свѣтѣ!.. И черезъ десять дней я опять на той же дорогѣ, по которой мы вмѣстѣ съ Сашей ѿѣхали—и съ чѣмъ же я ѿѣхалъ?.. Ея могила недалеко отъ дороги, — и ее первую посетилъ я... Покой божественный, — вотъ встрѣча Машин! Право, въ небѣ, которое было ясно, было что-то живое. Я смотрѣлъ на небо другими глазами: это было милое, утѣшительное, Машино небо. Ея могила будетъ для насъ мѣстомъ молитвы... Послѣдніе дни ея были веселы и счастливы. Но не пережить родни своихъ было ей назначено, и ничто не должно было ее спасти. Въ субботу 17-го марта она почувствовала приближеніе рѣпительной минуты. Ребенокъ родился мертвый, мальчикъ. Она потеряла память, пришла черезъ несколько времени въ себя; но силы истощились и черезъ полчаса все кончилось. Они всѣ сидѣли подлѣ нея, смотрѣли на ангельское спящее молодѣвшее лицо, и никто не смѣлъ четыре часа признаться, что она скончалась. Боже мой! а мѣня не было!.. Въ эти минуты была вся жизнь,—и я долженъ былъ не видать ея лица,—яснаго, милого, веселаго, увѣряющаго въ безсмертіи, ободряющаго на всю жизнь!.. Саша говоритъ, что она не могла на нее наглядѣться. «Это была прелестная головка спящаго ангела, существа неземного!..» Она казалась точно такою, какова была 17-ти лѣтъ: въ голубомъ платьѣ,—подлѣ нея младенецъ, миловидный, точно заснувшій... Знакомый и незнакомый прислали цвѣты, чтобы украсить столъ, на которомъ лежали наши два ангела, и живши, и не живши! Она казалась сияющей въ цвѣтахъ. Всѣ проводили ее, не было никого, кто бы о ней не вздохнулъ. Ангелъ мой! Душаша! подумайте,—обо всемъ этомъ никуда къ вамъ я, и поберегите свою жизнь! Другъ милый, примемъ вмѣстѣ Машину смерть, какъ увѣреніе Божіе, что жизнь — святиня. Увѣрю васъ, что это для меня теперь понятнѣе; мысль о товариществѣ съ существомъ небеснымъ не есть теперь для меня одно дѣйствіе воображенія; нѣтъ, это опытъ! Я какъ будто вижу глазами этого товарища и увѣренъ, что мысль эта будетъ часъ отъ часу живѣе, яснѣе и ободрительнѣе. Самое прошедшее сдѣлалось болѣе моимъ; промолкуютъ послѣдніе лѣтъ, какъ будто бы не существовать, и прежнее яснѣе. Ближе. Времени ничего не сдѣлаетъ, развѣ только одно: нашъ милый товарищъ будетъ часъ отъ часу все оупутительнѣе своимъ присутствіемъ, а въ этомъ

увѣренъ. Мысль о ней, полная ободренія для будущаго, полная благодарности за прошедшее, словомъ,—религія!..» «Муза поэта умолкла на цѣлые шесть лѣтъ» — прибавляетъ къ этому письму его другъ и биографъ.

За длинный послѣдующій періодъ 1823—1828 гг. Жуковский почти ничего не пишетъ. Его душевное настроеніе этого времени съ необычайной силой вылилось въ извѣстномъ, превосходномъ стхтвореніи его, написанномъ при посвященіи вышедшаго около этого времени собранія его сочиненій своей ученицѣ императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ:

Я Музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
И вдохновеніе слетало
Съ небесъ, незваное, ко мнѣ;
На все земное наводило
Животворящій лучъ оно,
И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія—одно.

Но дарователъ пѣснопѣный
Меня давно не посѣщаль;
Бывалыхъ цѣтъ въ думѣ вдлѣный,
И голось арфы замочалъ!
Его желаннаго возврата
Дождатся ль мнѣ когда опять?
Или навѣкъ моя утрата,
И вѣчно арфѣ не звучать?

Но все, что отъ времянь прекрасныхъ,
Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,
Все, что отъ милыхъ темныхъ, ясныхъ
Милувшихъ дней я сохранилъ—
Цвѣты мечты уединенной
И жизни лучшіе цвѣты—
Кладу на твой алтарь священный,
О, гений чистой красоты!..

Не знаю,—свѣтлыхъ вдохповеній
Когда воротится череда;
Но ты знакомъ мнѣ, чистый гений,
И свѣтитъ мнѣ твоя звѣзда!
Пока еще ея сіянье
Душа умѣетъ различать,—
Не умерло очарованье,
Былое сбудется опять!..

Въ 1825 году Жуковский назначается наставникомъ и воспитателемъ паслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Въ этомъ высокомъ назначеніи, отъ котораго долго отказывался,—принявши его на себя, Жуковский увидѣлъ окончательную цѣль своей жизни. «Можетъ-быть, послѣ добродѣтельнаго Фенелона,—замѣчаетъ одинъ изъ близкихъ друзей Жуковского:—ни одно лицо не приступало къ исполненію этой должности съ такимъ страхомъ и благоговѣніемъ, какъ Жуковский».

«Въ головѣ—одна мысль, въ душѣ—одно желаніе!», пишетъ онъ Киревской. «Цѣль для цѣлой остальной жизни!.. Прощай навсегда поэзія съ приемами! Поэзія другого рода со мною, — миѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь...» — «Счастью я давно далъ другое имя, замѣчаетъ по тому же поводу поэтъ въ другомъ письмѣ: я называю его: должностію...» Жуковскому было поручено общее руководство всего хода ученія и воспитанія; другіе преподаватели были назначены по его выбору. Известно, какъ выполнили Жуковскій свое великое дѣло. «Воспитаніе наследника престола—многозначительная страница изъ исторіи не только русскаго народа, но и человѣчества, по торжеству тѣхъ общечеловѣческихъ началъ, которое для Россіи представляетъ царствованіе Царя-Освободителя,—замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей.—Любовь, состраданіе къ падшимъ и несчастнымъ, уваженіе къ свободѣ, наконецъ, этотъ великій актъ освобожденія 19-го февраля 1861 года и реформы, сулившія страсть такое широкое общечеловѣческое развитіе въ будущемъ, весь этотъ радостный и дѣятельный порывъ въ жизни,—это, по выраженію Пушкина, «дней Александровыхъ прекрасное начало» — находится въ непосредственной связи съ воспитаніемъ, какое дано было будущему императору Жуковскимъ...» Вѣяніе послѣдняго изъ царской учебной комнаты самымъ могущественнымъ образомъ сказалось на цѣломъ двадцатилѣтіи въ жизни русскаго народа...

Въ 1837 г. Жуковскій въ свѣтъ послѣдника-цесаревича совершилъ поѣздку по Россіи, захватывая и Сибирь; годъ 1838—1839 проводитъ съ нимъ въ путешествіи по Западной Европѣ. Около этого времени, въ Римѣ, Жуковскій сближается съ Гоголемъ: обстоятельство это не осталось, повидимому, безъ своей доли вѣянія на развитіе все болѣе усиливавшагося теперь въ нашемъ поэтѣ мистическаго настроенія.

Собственно поэтическая дѣятельность Жуковскаго въ это время имѣетъ по-прежнему болѣе или менѣе случайный характеръ. Особошло плодотворными, въ смыслѣ поэтическаго творчества, были для нашего поэта годы 1831—1832. Къ началу 1831 г. относится нѣкій рядъ превосходныхъ переводовъ Жуковскаго изъ Гердера, Шиллера, Гётеля, Саути, Уланда... Около этого же времени мы видимъ сближеніе Жуковскаго съ Пушкинымъ: они вмѣстѣ проводятъ лѣто 1831 г. на дачѣ въ Парскомъ Селѣ,—и общество «ученика» нѣсколько оживляетъ его стараго «учителя»; въ Жуковскомъ съ особой силой пробуждается врожденный его юморъ и влеченіе

къ творчеству. Къ этому времени относятся: *Стишии Царевна, Война мышей и лягушекъ, Сказка о царѣ Берендѣѣ*. Въ 1833—1836 гг. Жуковскій оканчиваетъ *Удину*, начатую еще въ 1817 г. Къ 1839 г. относится переводъ драматической поэмы Ф. Гальма *Цамониса*, — не столько, впрочемъ, переведенной, сколько передѣланной нашимъ поэтомъ; къ 1837—1841 гг.—переводы *Ниль и Дамаянти*. Изрѣдка отзывается въ своихъ стихахъ поэтъ и на различныя событія и обстоятельства окружающаго времени,—таковы его произведенія: *Народный митингъ, Бородинская годовщина, На взятіи Варшавы* и др.

Въ 1839—1840 гг. заканчивается дѣятельность Жуковскаго по воспитанію наследника. Награды царя превзошли всѣ ожиданія. Государь соизволялъ, чтобы Жуковскому до смерти предоставлено было все, чѣмъ пользовался онъ по должностн наставника — 10,000 жалованья, обращеннаго въ пенсію, окладъ по мѣсту — 18,000 и 4,000 р., которые были пожалованы Жуковскому еще Императоромъ Александромъ. Жуковскому позволено жить тамъ, гдѣ онъ найдеть лучшимъ, — съ оставленіемъ «на службѣ» при Цесаревичѣ...

Кончивши свое великое дѣло, Жуковскій около этого времени навсегда покидаетъ сямую Россію: 21-го мая 1841 года въ Штутгардѣ совершается бракосочетаніе его съ дочерью нѣмецкаго живописца Е. А. Рейтернъ, и послѣдніи 12 лѣтъ своей жизни нашъ поэтъ проводитъ въ Германіи, въ кругу новыхъ родныхъ своей жены. Художникъ Г. Р. Рейтернъ, жившій въ Дюссельдорфѣ, былъ давнишній пріятель Жуковскаго. Во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ, поэтъ нерѣдко у него останавливался, считался въ этой семьѣ какъ бы роднымъ. «Жуковскій,—разсказываетъ его другъ, д-ръ Зейдлицъ:—познакомился съ дѣвицею Рейтернъ зимою 1832—1833 года, когда Елизаветъ Алексѣевнѣ было всего 11—12 лѣтъ. Поэтъ жилъ тогда, полюбленной на берегу Женевскаго озера, въ Верне, вмѣстѣ съ семействомъ Рейтерна. Проѣзжая лѣтомъ 1840 года изъ Дармштадта въ Дюссельдорфъ, для свиданія съ Рейтерномъ, Жуковскій, въ минуту поэтическаго воодушевленія, забылъ прежнія свои мечты, забылъ свое прошлое, и обручился съ прекрасною восемнадцатилѣтнею дочерью своего друга...» Жуковскому въ это время было 58 лѣтъ. Вотъ что писалъ онъ самъ, въ письмѣ къ А. П. Зонтагъ, по поводу этого событія въ своей жизни: «Благословите ваше старое товарища съ колѣсели вашей! Счастье жизни, наконецъ, съ нимъ встрѣтилось, хотя поздно, но такое, каковаго онъ желалъ, о какомъ мечталъ такъ часто и о ко-

торомъ пересталь мечтать. Это счастье пашло его само. Онъ видѣлъ его мимоходомъ, плѣтился низъ мимоходомъ, и не позволялъ себѣ ни искать его, ни желать его! А милостивый Богъ даль ему это счастье безъ его исканія. Помолитесь же, чтобы Онъ благоволилъ и сохранить ему!.. За годъ передъ этимъ мы были вмѣстѣ въ Москвѣ. Мы между вами было такъ приятно, какъ дома! Теперь я на чужбинѣ; но мы и теперь такъ же приятно, какъ было тогда,—съ тою только разницею, что вся моя личная жизнь помолодѣла, и въ душу мою влилось никогда не испытанное чувство двойной жизни, которая всему на свѣтѣ даетъ настоящее значеніе и достоинство. Я теперь въ Дюссельдорфѣ, подлѣ моей невѣсты, Die Seele ist getheilt. Это слово—которое «нездѣи ни на русскій, ни на французскій переводъ—довольно вѣрно выражаетъ мое теперешнее положеніе...» «За четверть часа до рѣшенія судьбы моей,—пишетъ Жуковскій къ Екатеринѣ Ивановнѣ Мойеръ, дочери его «Маши»:—черезъ нѣсколько лѣтъ позднѣе у меня и въ умѣ не было почитать возможнымъ, а потому и желать того, что теперь составляеть мое истинное счастье. Оно подошло ко мнѣ безъ моего вѣдома, безъ моего знанія, послано свыше,—я съ полною вѣрою въ него, безъ всякаго колебанія, подаль ему руку...»

«Грустное чувство овладѣваетъ нами,—пишетъ д-ръ Зейдлицъ:—когда мы перечитываемъ письма, писанныя нашимъ другомъ на родину, въ теченіе двѣнадцати послѣднихъ лѣтъ его жизни—съ береговъ Рейна и Майна. Мы не должны впадать въ обманъ, читая нѣкоторыя изъ этихъ писемъ. Жуковскій глупо старался оправдывать любимое свое изреченіе: «Все въ жизни къ прекрасному средство...» Скоро почувствовали поэтъ разладъ съ самимъ собою. Новая жизнь не вилалась съ тѣмъ, что составляло внутренній его міръ, не шла къ тому, что выработалось въ немъ, съ чѣмъ онъ сжился—она отрывала его отъ прежнихъ образовъ, свизей и мечтаній. Сколько ни старался онъ увѣрить себя и друзей своихъ, что именно теперь счастливъ, и въ семейныхъ заботахъ умиротворилъ свой духъ, узналъ, что такое истинное счастье на землѣ,—сквозъ подобныя увѣренія всегда слышалось, что счастье, имъ достигнутое, не есть вполне то, къ которому онъ стремился въ своей молодости...»

Готовясь къ свадьбѣ, Жуковскій, изъ Дюссельдорфа отправился въ Петербургъ, чтобы затѣмъ проѣхать въ Москву,—гдѣ къ этому времени условились собраться всѣ его близкіе и родные. Въ январѣ 1841 года онъ былъ уже въ Москвѣ,—свиданіе это было уже послѣднимъ. Весной 1841 года, Жуковскій, спѣша къ ожидавшей его въ Дюссельдорфѣ невѣстѣ,

навсегда покинулъ Россію... «Приближался день отъѣзда Жуковского, — рассказываетъ д-ръ Зейдлицъ.—Въ послѣдній разъ хотѣлъ онъ отобѣдать у меня и отбѣдать своего любимого блюда, крутой гречневой каши. Послѣ обѣда, подошелъ онъ грустный къ своему письменному столу (Жуковскій незадолго передъ этимъ продалъ Зейдлицу свое имѣніе и съ нимъ всю свою домашнюю обстановку, которую Зейдлицъ немедленно перевезъ въ свою петербургскую квартиру).—«Вотъ,—сказалъ онъ:—мѣсто, обожженное свѣчей, когда я писалъ лютую главу *Удинои*.—Здѣсь я проплачь чернила, именно оканчивая послѣднія слова *Леоноры*: «Терпи, терпи, хоть ноеть груди!»—И въ его глазахъ навернулись слезы. Вынувъ изъ бокового кармана бумагу, онъ сказалъ: «Вотъ, старый другъ, подпиши здѣсь же, на этомъ мѣстѣ, какъ свидѣтель, мое заявленіе, что я облизываюсь крестить и воспитывать дѣтей своихъ въ лоуѣ православной церкви... Дѣтей моихъ! Странно!..» — «Пока я подписывалъ эту бумагу,—продолжаетъ Зейдлицъ:—Жуковскій, опершись на руку, задумчиво смотрѣлъ на три картины, которыя всегда висѣли у него надъ письменнымъ столомъ, и которыя и здѣсь, какъ прежде, занимали то же мѣсто... Это были: пресвосходный портретъ Марьи Андреевны Протасовой, гробница ея на Дертскомъ кладбищѣ и гробница покойной А. А. Воейковой... Вдругъ онъ вскинулся: «Нѣтъ, я съ вами не разстанусь!» И съ этими словами вынулъ ихъ изъ рамъ, сложилъ вмѣстѣ и велѣлъ отнести въ свою карету. При прощаніи онъ подарилъ мнѣ рельефный свой портретъ, который былъ сдѣланъ въ 1833 году, въ Римѣ. «Береги его,—сказалъ онъ:—и цовѣрь словамъ, которыя я вырѣзалъ на немъ:

Для сердца прошедшее вѣчно!»

Несмотря на приведенныя выше слова его друга, мы должны все же признать, что семейная жизнь поэта все же дала ему нѣкоторое нравственное удовлетвореніе, и онъ не безъ основанія иногда въ своихъ произведеніяхъ утрапаетъ такимъ поэтическимъ оредомъ свою жизнь «на берегахъ Рейна и Майна»... Не можемъ не привести нѣсколькихъ строкъ изъ одного его произведенія этого періода,—отрывокъ имѣеть непосредственное автобіографическое значеніе:

... Я увидѣлъ,—

говорить поэтъ:—

Себя на берегу рѣки широкой;
Садилось солнце; тихо по водамъ
Суда сѣія лыли, и за ними
Серебряный тупуся слѣды; близки
Въ кустахъ свѣтили домики; на дорогѣ
Его дверей хозяйка моаодал,

Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ, стояла...
 И то была—моя жена съ моею
 Малюткой дочерью...
 И мнѣ тихо, безъ волненія, льется
 Потокъ моей удивленной жизни.
 Смотри въ лицо подруги, данной Богомъ
 На освященнѣ сердца моего,
 Смотри, какъ спитъ сномя ангела на лонѣ
 У матери младенецъ мой прекраснѣ,
 Я чувствую глубоко тотъ покой,
 Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
 Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
 Земляя всѣ смиряющій тревоги:
Да не смущается твоя душа,
 Онъ говоритъ мнѣ, *взвруй оъ Бога, взвруй*
Въ меня...

Литературная дѣятельность Жуковскаго за послѣднія 12 лѣтъ значительно усиливается. Въ первые же мѣсяцы своей брачной жизни онъ оканчиваетъ *Налъ и Дамьянти*, начатую еще въ 1836 г., и немедленно, въ 1842 г. приступаетъ къ своему гигантскому труду, переводу *Одиссеи*, надъ которымъ работаетъ съ перерывами шесть лѣтъ (1842—1848). Почти одновременно оканчивается Жуковскимъ и другой обширный трудъ—переводъ *Рустема и Зораба* (1846—1847). Уже давно начата была Жуковскимъ поэма, къ созданію которой онъ подготовлялъ себя продолжительнымъ и усерднымъ чтеніемъ, — *Странствующій Жидъ* — ей посвящаетъ онъ послѣдніе годы, даже дни своей жизни. Первая мысль объ этой поэмы у поэта зародилась еще въ 1831 г.; въ началѣ 40-хъ годовъ Жуковский вернулся къ ней было, — но скоро оставилъ; труды по переводу «Одиссеи» надолго отвлекаютъ его отъ всѣхъ другихъ работъ. Окончательно поэтъ принимается за поэму лишь за годъ до своей смерти, — и она остается не оконченной... Среди другихъ трудовъ въ эти же 12 лѣтъ поэтъ съ особой любовью занимается работами педагогическаго характера. «Я теперь имѣю на рукахъ большую работу, — пишетъ Жуковский пріятелю въ февралѣ 1851 года. — Если бы вы повидимую тѣню постигли меня въ моемъ кабинетѣ — за чѣмъ бы вы меня застали? За азбукою и четырьмя правилами ариметики: за приведеніемъ въ порядокъ бунтъ, складовъ, за составленіемъ живописной азбуки, за облегченіемъ первыхъ уроковъ счета, за составленіемъ полного систематическаго курса домашняго ученія, который систематически долженъ обнять всѣ тѣ предметы, которые дѣти могутъ и должны изучитъ дома, отъ самихъ родителей...» Къ сожалѣнію эти педагогическія работы не были доведены до конца. Къ послѣднимъ годамъ жизни поэта относится попытка поэтическаго пересказа *Апокалиптика*; около этого же времени, нѣ-

сколько разѣе, поэтому совершается еще особый трудъ — переводъ на русскій языкъ *Новаго Завета*... «Всего изумительнѣе, — замѣчаетъ его другъ и биографъ Плетневъ, говоря объ этомъ послѣднемъ періодѣ жизни Жуковскаго: — быстрота въ исполненіи его предпріятій, жажда къ трудамъ новымъ, неистощимость въ начертаніи плановъ, день ото дня разнообразившихся...» И дѣйствительно, относящаяся къ этому времени письма поэта къ друзьямъ ярко рисуютъ передъ нами необычайную умственную энергію, не покидающую поэта до самыхъ послѣднихъ моментовъ жизни... Если буду здоровъ, — пишетъ поэтъ въ июнѣ 1848 г.: — и ничего не случится въ моей семьѣ, кончу *Одиссею*. Работа пошла живо... По окончаніи *Одиссеи* примусь за прозу... Будущія прозаическія занятія мнѣ улыбаются. Уже у меня готово на цѣлый тоlstый томъ. Матеріаловъ довольно для будущаго — и есть великій замыселъ, о которомъ поговоримъ, когда Богъ велитъ свидѣться. И еще для одного поэтическаго созданія есть планъ (поэтъ говоритъ о поэмѣ *Витый Жидъ*). Онъ былъ бы достойнымъ заключеніемъ моей поэтической дѣятельности... Приходило въ голову не разъ, некушение пріяняться за *Илиду*, — здѣсь же прибавляетъ поэтъ: — дабы оставить по себѣ, полного собственнаго Гомера». «Скажите мнѣ, — пишетъ онъ тому же другу, въ октябрѣ 1849 г., когда только-что окончился печатаніемъ второй томъ «Одиссеи»: — слова два о второй части; я переводилъ ее соп атоге... Мнѣе, нежелая въ сто дней, переведены были и даже отпечатаны всѣ двѣнадцать пѣсней...» И далѣе, въ томъ же письмѣ: «Съ поэзіей пора проститься. Надобно приниматься за прозу. У меня довольно написано философскихъ отрывковъ: они могутъ составить тоlstый томъ — и еще многое хочется написать. На это можетъ быть употреблена нынѣшняя зима, если только Богъ дастъ здоровья...»

Здоровье однако уже замѣтно стало измѣнять маситому писателю. Уже съ 1848 г. у него начали сильно болѣть глаза; одно время болѣзнь заключила его даже на нѣсколько мѣсяцевъ въ темную комнату, — хотя и въ ней поэтъ не хотѣлъ совершенно разстаться съ умственнымъ трудомъ. «Вотъ уже болѣе осьми недѣль, какъ сижу въ заперти въ темницѣ, — пишетъ онъ одному изъ друзей въ сентябрѣ 1851 г.: — не могу ни читать, ни писать, ни пользоваться воздухомъ... И страшное дѣло! Почти черезъ два дня послѣ начала моей болѣзни загомоzилась во мнѣ поэзія, — и я принялся за поэму, которой нервные стихи были мною написаны назадъ тому десять лѣтъ, которой идея лежала съ тѣхъ поръ въ душѣ не развѣтая, и которой созданіе я от-

лагал до возвращенія на родину (разумеется упоминавшаяся выше поэма *Вятный Жидъ*)... Полуслѣпой больной почти семидесятилѣтній поэтъ однако не падалъ духомъ, и въ томъ же письмѣ полуиронически продолжаетъ: «Моя болѣзнь можетъ продолжиться еще недѣли; постараюсь взять противъ этого мѣры: я человѣкъ изобрѣтательный,—и давно уже приготовилъ машинку для писанія на случай угрожающей мнѣ слѣпоты. Эта машинка пригодилась мнѣ полуслѣпому. Могу писать съ закрытыми глазами. Правда, написанное мнѣ трудно самому читать. Въ этомъ мнѣ помогаетъ мой камердинеръ... Что напишу съ закрытыми глазами, то мнѣ читаетъ вслухъ мой камердинеръ и поправляетъ по моему указанію... Въ связи же читать не могу безъ него...» Старику стали напоминать о себѣ и другія помощи,—но энергія не оставляетъ его,—и въ одномъ изъ писемъ къ этому же другу онъ опять иронически замѣчаетъ: «Я уже выдумалъ себѣ машину для писанія на случай слѣпоты. Надобно придумать отводъ и отъ глухоты... Постараюсь воспользоватьсяя,—прибавляетъ онъ дабѣ совершенно серьезно:—сколько можно собою, пока еще цѣль... Надобно строго экономить временемъ...»

Живя на чужбинѣ, поэтъ сердцемъ тосковалъ по родинѣ и стремился вернуться въ Россію; но болѣзнь жены, а потомъ начавшіяся усиливаться припадки и собственного нездоровья—изъ года въ годъ заставляли откладывать исполненіе завѣтнаго желанія. Но сборы были почти непрерывные. Весной 1851 г. поэтъ поручаетъ даже одному изъ друзей заказать мебель къ его прїѣзду,—но упомянутая выше продолжительная болѣзнь глазъ разстроила планы... «Моя заграничная жизнь—невеселая,—горько замѣчаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ:—невеселая уже и потому, что не произвольная...»

Жуковскому не суждено было увидѣть Россію. Онъ скончался въ Ваденъ-Баденѣ 12-го апрѣля 1852 г. Передъ своею смертью поэтъ оставилъ прощальное письмо къ своей женѣ, въ которомъ писалъ: «Изъ мысли, что мой послѣдній часъ, можетъ быть близокъ, я пишу тебѣ и хочу сказать нѣсколько словъ. Изъ глубины моей души благодарю тебя за то, что ты пожелала стать моею женою: время, которое я провелъ въ нашемъ союзѣ, было счастливѣйшимъ и лучшимъ въ моей жизни. Несмотря на многія грустныя минуты, происшедшія отъ вѣдшихъ причинъ или отъ насъ самихъ,—и отъ которыхъ не можетъ быть свободна ничья жизнь, ибо онѣ служатъ для нея благотвѣтельными испытаніями,—и съ тобою наслаждался жизнью, въ полномъ смыслѣ этого слова: я лучше понималъ ея цѣну и становился все тверже въ стремленіи къ

ей цѣли, которая состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, чтобы научиться повиноваться волѣ Господней. Этимъ я обязанъ тебѣ, прими же мою благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣреніе, что я любилъ тебя, какъ лучшее сокровище души моей... Полагайся на Бога и заботься о нашихъ дѣтяхъ; въ нихъ сердцахъ я завѣваю тебѣ свое,—проще же въ руки Божіей. Благословляю тебя, думай обо мнѣ безъ печали, и въ разлукѣ со мною утѣшай себя мыслью, что я съ тобою ежеминутно и дѣлю съ тобою все, что происходитъ въ твоей душѣ»...

Въ томъ же году, по повелѣнію императора Николая Павловича, тѣло Жуковского было перевезено въ Россію и положено въ Александровской дѣлрѣ, рядомъ съ могилкою Карамзина.

Жуковский былъ и остался по преимуществу поэтомъ субъективнаго чувства. Характеръ всей его поэзіи—какъ въ началѣ, такъ и до самаго конца—почти исключительно зависѣлъ отъ личнаго, идеальномистическаго настроенія поэта. Природная предрасположенность къ меланхолическому, семейнымъ обстоятельствамъ первыхъ лѣтъ жизни, вѣчно не, неуосуществившіяся мечты любви, въ связи съ общей глубокой религіозностью поэта—все это самымъ рѣшительнымъ образомъ опредѣляло направленіе и оригинальную и пероводную его поэтическую дѣятельности. Обстоятельства времени, сентиментально-меланхолическіе литературные вкусы, развившіеся въ нашемъ обществѣ къ этому времени,—какъ нельзя лучше припались къ субъективному, личному настроенію поэзіи Жуковского. Внесемъ романтическаго содержанія въ свою поэзію Жуковский значительно расширилъ утвердившіяся до него сентиментализма нашей литературы; но, и развивалъ романтическіе мотивы, Жуковский слѣдовалъ, главнымъ образомъ и больше всего, указаніямъ того же субъективнаго чувства. Содержаніе средневѣковаго романтизма лучше всего отвѣчало его собственнымъ идеальномистическимъ стремленіямъ и чаяніямъ... Въ общемъ ходѣ нашего литературнаго развитія великое значеніе поэзіи Жуковского состояло въ томъ, что поэзія его, служба его личнымъ чувствамъ, оставаясь почти исключительно субъективною; въ то же время, этимъ самымъ служила общимъ интересамъ нашего умственнаго развитія. Его субъективно-романтическая поэзія значительно расширила содержаніе литературныхъ идей, какъ онѣ были внесены Карамзиннымъ: была важнымъ шагомъ впередъ по пути отрѣшенія русской литературы отъ холода псевдо-классицизма. Идеальная поэзія Жуковского вносила въ содержаніе русской литературы цѣлый новый—мало извѣстный у

насть дотоль — міръ ощущеній внутренней жизни. Въ меланхолическомъ тонѣ его поэзіи высказывалась мягкая человѣчность, задумчивое чувство, необычайно возвышавшее нравственныя требованія и идеалы. Эта дорога была отчасти уже открыта сентиментальностью карамзинскаго направленія; но тамъ еще слишкомъ часто слышалась натянутая искусственность, — потребность чувства переходила въ плаксивость или въ приторную чувствительность... У Жуковскаго это чувство, правда, иногда слишкомъ исключительное, выражалось съ такою полнотою искренности, исходило изъ такихъ глубокихъ тайниковъ души, принимало при своемъ выраженіи такое изящество высшей формы, что здѣсь поэзія внутренняго чувства — впервые у насъ — вполне вступала въ свои права...

Общій субъективно-романтической характеръ поэзіи Жуковскаго совершенно опредѣленно выяснился уже въ ранній періодъ его поэтической дѣятельности, приблизительно къ 1815—17 гг.; позднѣе его оригинальное творчество почти изсякаетъ, и воздѣйствіе его на русскую литературу выражается почти исключительно въ переводахъ. Здѣсь была другая, чрезвычайно важная — въ общемъ ходѣ нашихъ литературныхъ идей — сторона его поэтической дѣятельности. Переводы Жуковскаго, правда, чаще всего носили тотъ же субъективный характеръ; Жуковскій не столько переводилъ, сколько самъ создавалъ въ томъ направленіи, къ которому принадлежало переводимое имъ литературное произведеніе; тѣмъ же личнымъ, субъективнымъ настроеніемъ часто руководился онъ и въ самомъ выборѣ переводимаго матеріала, — изъ неисчерпаемыхъ богатствъ иноземныхъ литера-

туръ Жуковскій чаще всего бралъ то, что ближе подходило къ его собственному душевному чувству; тѣмъ не менѣе, и то, что бралось имъ оттуда, при всей субъективности, заключало въ себѣ чрезвычайно много цѣннаго обще-культурнаго, гуманизирующаго, содержанія, — необыкновенно расширявшаго наши прежнія, старыя литературныя рамки, могущественно подвигая впередъ дѣло, начатое Карамзинымъ. Жуковскій внесъ въ нашу литературу такую массу свѣжаго матеріала, какъ никто до него; своими переводами онъ фактически помогъ русскимъ читателямъ сблизиться съ тѣми крупнѣйшими фактами западно-европейскихъ, а частью и другихъ, литературъ, о которыхъ они раньше только слышали или были знакомы отрывочно, случайно. Съ другой стороны, самая субъективность переводовъ, близость переводныхъ произведеній души переводчика, придавала имъ особенное совершенство: она дѣлала ихъ образцовыми, — не въ смыслъ вѣрности самымъ оригиналамъ, которые переводились, а тому общему литературному теченію, выраженіемъ котораго были эти оригиналы. Въ этомъ отношеніи переводы Жуковскаго являлись какъ бы оригинальными произведеніями, — въ томъ стилѣ, жанрѣ, къ которому принадлежали оригиналы... Замѣчаніе Вѣлинскаго: «Благодаря Жуковскому, нѣмецкая поэзія — намъ родная», можетъ быть принято въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ: переводы Жуковскаго сдѣлали намъ «родною» не одну нѣмецкую литературу; въ известной степени они сроднили русскаго читателя съ цѣлою литературной эпохой западно-европейскаго духовнаго развитія... По своему времени, это была высокая задача и еще болѣе великая заслуга...

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В. А. ЖУКОВСКАГО.

I.

1797.

ОДА. БЛАГОДЕНСТВІЕ РОССИИ,
УСТРОЯЕМОЕ ВЕЛИКИМЪ БЯ
САМОДЕРЖЦЕМЪ ПАВЛОМЪ ПЕРВЫМЪ.

Peuple! à vos intérêts je soumettrai les miens,
Et les besoins du trône à ceux des citoyens.
Si mes soins vigilans vous font des jours
propices,
Je serai trop payé des tous mes sacrifices.

Откуда тишина златая
Въ блаженной сѣверной странѣ?
Чьей мощною рукою покрыта,
Ликуеть въ радости она?
Въ ней воздухъ свѣтелъ, небо ясно;
Не видно тучъ, не слышно бурь.
Какъ рѣки въ долахъ тихо льются:
Такъ счастья льются въ ней струи.

Умолкла брань, престали сѣчи;
Россъ на трофеяхъ опочилъ;
Тамъ щитъ, и мечъ, и шлемъ пернатый,
И булава его лежать...
Съ улыбкой ангельской, прелестной,
Въ вѣнцѣ, сіяющемъ изъ оливъ,
Нисшелъ отъ горнихъ странъ ээра
Сынъ неба, животворный миръ.

Нисшелъ—Россія восплескала,
Пресвѣтлый зри его приходъ;
И миллионы погрузились
Въ восторгъ, въ забавень, въ тишину.
Спокоились моря пространны;
Съ весельемъ рѣки потекли;
Зіять престали жерла мѣдны;
Молчать все, тихо. Громъ заслулъ.

И кто же сей—вѣщай, Россія!—
Кто сей, творящій чудеса?

Кто долу миръ съ небесъ призводитъ
И нову жизнь тебѣ дать?—

«То Павелъ, ангель мой хранитель,
Примѣръ, краса вѣчныхъ главъ;
Покровъ мой, щитъ мой и отрада,
Владыка, пастырь, іерархъ.»

Рекаа—и перстомъ указываетъ
Одѣявъ славою мирной тронъ.
О, коль видѣніе прекрасно
Открылось взору моему!...
Тамъ возсѣдитъ, въ сіяньи солнца,
Великій Павелъ, будто Богъ.
Престолъ его поставленъ твердо
На росенихъ пламенныхъ сердцахъ.

Блестящимъ служить балахиномъ
Ему святой его законъ;
Его скитръ—кротость, а держава
Есть благо подданныхъ его.
Вѣнецъ—премудрость составлять,
Блестая ярко на главъ;
Ея лучами освѣщаетъ
Полевѣга Павелъ съ высоты.

Въ его десницѣ зрится чаша,
Изъ коей милости оупъ льетъ,
Она во вѣкъ не истощится:
Источникъ то воды живой.
Какъ тихій дождь, шумя въ день знойный.
Собой тварь жаждущу свѣжитъ:
Такъ оупъ струитъ токъ благотворный
Въ сердца приверженны къ нему.

Его чертомъ есть храмъ священный,
Храмъ правосудія, любви.
Вельможа въ золотой одѣждѣ,
И бѣдный въ рубницѣ простомъ,

Герой съ побѣдоноснымъ лавромъ,
Вдова съ горящею слезой,
Невинный, сильными гнетомъ —
Всѣ, всѣ равно къ нему текутъ.

Его недремлющее око
Всегда на чадъ устремлено.
О ихъ блаженствѣ онъ печется
И славу возвышаетъ ихъ.
Онъ все содержитъ, устрояетъ,
Хранитъ все, движитъ и живитъ;
Онъ сердце, онъ душа Россіи;
Для ней онъ жертвуетъ собой.

И музы Павломъ не забыты:
Онъ имъ отрада и покровъ.
Его порфирой осѣнены,
Онѣ ликуютъ въ тишинѣ.
Ихъ гласы стройны раздаются,
Златяя лиры ихъ звучатъ;
Онѣ свой жребій ублажаютъ,
Въ восторгѣ сладостномъ поютъ:

«О Павелъ! о монархъ любезный!
Подъ сильною твоей рукой
Бы не страшимся бурь, ненастья:
Спокойны и блаженны мы.
Ты царствуй—мы дѣла прославимъ
Твои въ грядущи времена;
Изъ лучезарныхъ звѣздъ соизведемъ
Безсмертія тебѣ вѣнецъ.»—

И Павелъ кротко пѣсню внемлетъ,
Склоня къ нимъ съ престола слухъ.
«Такъ, юны музы,—онъ вѣщаетъ:—
Я буду царствовать; а вы
Скажите поздному потомству:
— Онъ подѣлалъ быль человѣкъ;
О подданныхъ, какъ чадахъ, нека;,
Для нихъ, для нихъ лишь онъ и жить.»

Гнушася лести и коварства;
На тронѣ истинѣ внималъ;
Для блага общаго покосмъ
Онъ собственнымъ не дорожилъ.»—
Вѣщаль—и новыя щедроты
Рѣкою шумной полились;
Вѣщаль—и новыя законы
Сама премудрость изрече.

О россы! о дражайши россы!
Какихъ блаженныхъ, красныхъ дней,

Какихъ отрадъ, какихъ восторговъ
Не можете вы ожидать?
Не царь—отецъ, отецъ вамъ Павелъ;
Ко благу, къ славѣ вѣрный вождь.
Ступайте вѣдѣ за нимъ, съѣштите:
Онъ въ храмъ безсмертія васъ введетъ!

А вы, избранныхъ россовъ чада!
Отечества надежда, цвѣтъ!
Растите, въ силахъ укрѣпляйтесь;
Учитесь сердцемъ Павла чтить;
Питайте огонь къ нему любви,
Питайте съ самыхъ юныхъ лѣтъ,
Чтобъ послѣ быть его сынами,
И жизнью жертвовать ему.

МАЙСКОЕ УТРО.

Вѣлорумяна
Всходитъ заря,
И разгоняетъ
Блескомъ своимъ
Мрачную тьму
Черныя ночи.

Февъ златозарной,
Ликъ свой явивши,
Все оживилъ.
Вся ужъ природа
Свѣтомъ одѣлась,
И провѣла.

Сонъ ветренецулся,
И отлетаетъ
Въ царство свое.
Грезы, мечтанья,
Рой какъ пчелиный,
Мчатся за нимъ.

Смертны, вспряните!
Съ благоговѣньемъ,
Съ чистой душой,
Надъ предъ Всевышнимъ,
Пламень сердечный
Мы издежъ.

Радужны крылья
Распростиряя,
Бабочка цестра
Вьется, кружится,
И лобызаетъ
Нѣжно цвѣтки.

Трудолюбива
Пчелка златая
Мчится, жужжитъ.
Все, что безплодно,
То оставляетъ—
Къ розѣ свѣшгтъ.

Горлица пѣзна
Лѣсъ наполняетъ
Стономъ своимъ.
Ахъ! знать, любезна,
Сердцу драгова,
Съ ней уже нѣтъ! —

Вѣрна подружка!
Для чего тщетно
Въ грусти, тоскѣ,
Время проводишь?
Рвешь и терзаешь
Сердце свое?

Можно ль о благѣ
Плакать другого?...
Онъ вѣдь заснулъ,
И не страшится
Лука и злобы
Хитра стрѣлка.

Жизнь, мой другъ, бездна
Слезъ и страданій...
Счастливъ стократъ
Тотъ, кто, достигнувъ
Мирнаго берега,
Вѣчнымъ спать сномъ.

1798.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Подъ звѣзднымъ кровомъ тихой ночи,
При свѣтѣ блѣдныя луны,
Въ тѣни вѣтвистыхъ кипарисовъ,
Брожу межъ множества гробовъ.
Повсюду зрю сооруженны
Богатыя памятники тамъ,
Порфиромъ, златомъ обложенны;
Тамъ мраморны столпы стоятъ.
Обитель смерти тамъ—покоя;
Усопшихъ прахъ тамъ лежать;
Ничто ихъ спа не прерываетъ;
Ничто не грезится во снѣ...

Но все ль такъ мирно почиваютъ,
И все ли такъ покойно спятъ?...
Не монументы отличаютъ
И не блестяща пышность насъ!

Порфиру надгробный не являютъ
Душевныхъ истинныхъ красотъ;
Гробницы, урны, пирамиды—
Не знаки ль суетности то?
Они блаженства не доставятъ.
И здѣсь, ни въ новомъ бытїи,
И царь сравняется съ убогимъ,
Герой тамъ станеть, гдѣ настухъ.

Съ косою острой, кровожадной,
Съ часами быстрыми въ рукахъ,
Съ сѣдой вежлокоченной бородою,
Кидая веюду страшныя взоры,
Сатурнъ несмытый и свирѣлый
Паритъ черезъ вселенну всю;
Паритъ—и груди оставляетъ
Развалины сѣдомъ за собой.

Валятся дубы вѣковые,
Трясутся горы предъ нимъ сердца,
Трещать забрала и твердыни,
И мѣдны рушатся врата.
Падутъ и троны, и начальства,
Истлѣветъ посохъ, какъ и скиптръ;
Вѣщи лавровые поблекнутъ,
Трофея гордые сгнютъ.

Стоялъ гдѣ памятникъ герою,
Увы! что видимъ мы теперь?—
Однѣ развалины ужасы,
Шинять межъ коими змѣи,
Остались вмѣсто обелиска,
Что гордо высиленъ за вѣкъ,
За вѣкъ предъ симъ—и пѣть его...
И слава тщетная молчать.

И что жъ покажетъ, что мы жили,
Когда все время рушить такъ?—
Не камень гибнущїи величїя
Въ потомствѣ поздномъ намъ придастъ;
И не порфирны обелиски
Проелавятъ насъ, превознесутъ.
Увы! несчастелъ, кто оставилъ
Лишь ихъ—и болѣ ничего!

Исчезнуть тщетны украшенїя,
Когда застонеть вся земля,

Какъ заревуть ужасны громы,
Падеть, разрушится сей міръ.
И тѣни ихъ тогда не будетъ,
И самый прахъ ихъ пропадетъ.
Все, все развѣтаетъ, погибнетъ,
Какъ пыль, какъ дымъ, какъ тѣнь, какъ
сонъ!

Тогда останутся пепѣлины
Одни лишь добрыя дѣла.
Ничто не можетъ ихъ разрушить,
Ничто не можетъ ихъ затмить.
Предъ Богомъ насъ они прославятъ,
Въ одежду правды облакутъ;
Тогда мы съ радостью явимся
Предъ тронъ всемогнута Творца.

О сколь священна, добродѣтель,
Должна ты быть для смертныхъ всѣхъ!
Рабы, какъ и владыки міра,
Должны тебя боготворить...
На что мнѣ памятники горды? ⁷
И скиптръ, и посохъ—все равно:
Равно подъ мраморомъ въ могилѣ,
Равно подъ дерномъ прахъ лежить.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Отъ свѣта свѣтовъ лучъ изшелъ,
И добродѣтель родилась!—
Въ тьмѣ міръ дремавшій пробудился,
Земля всеземь облеклась;
Въ священномъ торжествѣ природа
Объемлетъ даръ для смертныхъ рода;
Отъ горнихъ, свѣтлыхъ странъ небесъ
Златый, блаженный вѣкъ спустился,
Восторгъ божественный вселися
Во глубинѣ святыхъ сердецъ.

На землю дщерь Творца предстала,
Твореній хоръ ей гимнъ воспѣлъ;
Пустыня свѣтлымъ раемъ стала;
Какъ крикъ, повсюду миръ процвѣлъ;
Любовь, невинность, кротость правовъ;
Безъ строгости и безъ уставовъ,
Исправность, честность всемъ эгидъ;
Повсюду дружба водворилась,
Повсюду истина явилась,
Преданность, вѣрность, совѣсть, стыдъ.

Дохла злоба—и родился
Кривавый, яростный раздоръ;

Вздохнулъ онъ—вдохъ сей повторился
Среди сердецъ кремнистыхъ горъ;
Ужасный ядъ—его дыханье,
Убийство, смерть—его желанье,
И мракъ—блестанье очей.
Взглянулъ—и брани восплазалъ,
Несчастны жертвы застопалъ,
Кровь быстрой полилась струей.

Одѣянъ бурей вѣкъ желѣзный,
Потряси кругъ земли, предстань;
Померкъ патуры видъ любезный,
И смертный счастливъ быть престань.
Съ дѣпой своихъ Борей сорвался,
Въ поляхъ небесныхъ громъ раздался,
Завылъ и лѣсъ и сонмъ морей!
Съ луговъ зефиры улетѣли,
По рошамъ птицы онѣмѣли,
И свѣтлый не журчить ручей.

—Дщерь ада, злоба есть содѣтель
Безчисленныхъ, лютейшихъ бѣдъ;
Но не исчезла добродѣтель!
Она еще, еще живетъ,—
Еще ей созидаютъ храмы,
Еще курятъ ей омиамы;
Но, ахъ! златой ужъ вѣкъ исчезъ,
Въ лучинѣ вѣчности сокрылся,
Одинъ лишь лучъ къ намъ отдѣлился,
И добрымъ миръ съ собой принесъ!

Иной гордыни чтитъ законы,
Идетъ неправды по стезямъ;
Иной коварству зиждетъ троны
И дышетъ лестію къ царямъ;
Иной за славою стремится;
Тотъ злата алчностью томится,
Тотъ ратуетъ съ врагомъ своимъ,
И всякъ путь ложный избираетъ,
Въ пощи какъ будто бы блуждаетъ;
Его дѣла—ничтожный дымъ.

И мужъ, премудростью почтенный,
Во испытаньяхъ посѣдѣвъ,
Мужъ праведный и просвѣщенный
Вздохнетъ, на все сіе возрѣвъ;
Въ мечтаньяхъ сихъ онъ тѣньность видитъ,
Порокъ и зло онъ ненавидитъ,
А добродѣтели кумиръ
Въ своей душѣ онъ обожаетъ,

Свою всю жизнь ей посвящать,
Его чертогъ—пространный міръ...

Кто правды, честности уставы,
Въ теченія дней своихъ блюдетъ,
Тотъ къ счастью обрѣтетъ путь правый,
Корабль свой въ пристань приведетъ;
Среди оныхъ бѣдствій не погибнетъ,
Въ гошеи рока оныхъ возникнетъ,
Его перунъ не устрашитъ!
Когда и смерть къ нему явится,
То духъ его возвеселится,
Къ блаженству спѣшно полетитъ.

О вы, подобье юныхъ кринь!
Въ васъ пламень бодрости горитъ,
Въ васъ зрю я доблесть славяниновъ—
Учитесь добродѣтели чить;
Въ душѣ ей храмъ соорудите,
Ей мысли, чувства посвятите;
Стремитесь мудрыхъ по стезямъ!
Кругъ жизни вашей совершится,
Но солнце вашихъ дней затмится, —
Зарю оставя по слѣдамъ.

1799.

Его превосходительству, господину тайному совѣтнику, Императорскаго Московскаго университета куратору и кавалеру, МИХАИЛУ МАТВѢЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ, на случай полученія имъ ордена св. Анны 1-ой степени, отъ воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго пансіона.

Еще, Херасковъ, другъ Минервы!
Еще вѣнецъ ты получилъ!
Сердца въ восторгѣ пламенютъ
Приверженныхъ къ тебѣ дѣтей,
Которыхъ вѣжною рукою
Ведешь ты въ храмъ святой наукъ, —
Въ тотъ храмъ, гдѣ муза озарила
Тебя безмергя лучомъ.
Дѣла благія—вѣчно-живы;
Плоды ихъ зрѣютъ въ небесахъ;
И забѣе и тамъ ихъ ждетъ награда:
Здѣсь царь вѣщаетъ ихъ, тамъ—Богъ!

1799 года, марта 16 дня.

МОГУЩЕСТВО, СЛАВА И БЛАГОДЕН- СТВОЕ РОССИИ.

На тронѣ свѣтломъ, лучезарномъ,
Что полвселенной на столнахъ
Внесенъ, нозыблемо поставленъ,
Россія въ славу возсѣдять—
Златый шеломъ, огнеспернаты
Влѣстаетъ на главѣ ея;
Вѣнецъ лавровый обѣявъ
Ея высокое чело;
Ложить на шуйцѣ пять алмазныхъ;
Расширивши крылья свои,
У ногъ ея орелъ полночный
Почіеть—громъ его молчать.

Окрестъ блестящаго престола,
Въ безчисленный собравшись сонмъ,
Стоять полночные народы,
Съ почтеньемъ долу преклонясь:
Славянинъ въ шлемѣ златовидномъ,
Татаръ съ свинцовой булавой,
Черкесь въ булатныхъ, тяжкихъ латахъ,
Бобромъ одѣтый камчадалъ,
Съ сѣтями финнъ, живущій въ нордѣ,
Съ сѣкярой острой алеутъ,
Киргизецъ съ лукомъ напряженнымъ,
Съ стальною саблею сарматъ.

Она сидитъ—и свѣтлымъ окомъ
Зритъ на владычество свое;
Прелестный юноша предъ нею,
Склоняющъ слухъ къ ея словамъ:
«Мой сынъ!»—гласитъ ему Россія: —
Простри свой взоръ окрестъ себя;
Простри, и виждь страны цвѣтущи,
Подвластны сѣнтри моему:
Ты въ пѣдрѣ ихъ рожденъ, воспитанъ,
Въ ихъ пѣдрѣ счастье—жребій твой;
Въ ихъ пѣдрѣ ты свое теченье
Со славою долженъ совершать!

«Воззри, и въ радостномъ восторгѣ
Клянись и сердцемъ и душой
Быть сыномъ мнѣ вѣжѣйшимъ, вѣрнымъ,
Мнѣ жизнь и чувства посвятить;
Воззри на мощь мою, на славу,
Мои сокровища нечисль;
Смотри: тамъ Бельтъ пространный воетъ;
Тамъ пѣвнися шумящій Понтъ;
Тамъ льдистый океанъ волнится,

Въ себя пріемлющъ соны рѣкъ;
Тамъ бурный океанъ Восточный
Камчатскій обѣняетъ брегъ.

«Здѣсь Волга бѣлыми струями
Катится по полямъ, лугамъ,
Влагословеніе изливаетъ
И радость на хребтѣ несетъ;
Тамъ Донъ клубится, Днѣпръ бунтуетъ;
Уральскихъ исполиновъ рядъ
Дѣлитъ тамъ Азію съ Европой,
И подпираетъ небеса;
Сибирь, хранилище сокровищъ,
Здѣсь возвышаетъ свой хребетъ;
Херсонъ гордится тамъ плодами,
Прельщающими взоры, вкусъ.

«Цвѣтеть обиліе повсюду! —
На тучныхъ ланитяхъ, лугахъ
Стада безчисленные пасутся;
Покрываютъ класами, поля
Струятся, какъ моря златыя;
Весельемъ дышущъ земледѣль
При полныхъ житницахъ ликуетъ.
Тамъ сада мирныя мои;
Тамъ грады крѣпкіе, цвѣтущіи;
Москва, Петрополь и Казань,
На брегѣ быстрыхъ рѣкъ, ибнѣстныхъ,
Главы поднимаютъ къ облакамъ.

«Повсюду, въ ратномъ украшеніи,
Блещутъ воинства ряды;
На шлемахъ перья разбиваютъ,
На коньяхъ солнца лучъ горитъ;
Мечи гремятъ въ десницахъ мощныхъ;
Кони, гордая, гриву вверхъ
Вздываютъ, ржутъ, біютъ ногами,
Кружатъ песокъ, вьютъ прахъ столбомъ;
Огошь летитъ багрянымъ вихремъ
Изъ мѣдныхъ челюстей, гремя;
Долины грохотъ повторяютъ,
И эхо передаютъ горамъ.

«На влагѣ бурныхъ океановъ,
Расширивъ бѣлыя крылѣ,
Летаютъ въ грозныхъ строяхъ флоты,
Нося во мрачныхъ пѣдрахъ смерть;
Пѣняютъ и Бельтъ и Нептъ въ стремлєнны;
Предъ ними ужасъ, громъ летитъ...
Отъ всѣхъ вселенны предѣловъ
Шьвуютъ съ богатствомъ корабли,

И, пристаней моихъ достигнувъ,
Тягчатъ сокровищами брегъ;
Богатый Альбѣонъ приниситъ
Своихъ избытковъ лучшую часть;

«Волнѣту шерсть и шелкъ тончайшій
Несетъ съ Востока оттоманъ;
Арабъ коней приводитъ быстрыхъ,
Въ своихъ степяхъ ихъ укротивъ;
Китай фарфоръ и мускъ присоситъ;
Моголецъ шлетъ алмазъ, рубинъ;
Іемень даритъ свой кофе вкусный;
Какъ горы, по полямъ идутъ
Верблюды съ персими коврами—
Отъ всѣхъ земли предѣловъ, странъ,
Народы мнѣ присоситъ дани;
Цари сокровища мнѣ шлютъ...

«Тамъ въ храмахъ, музамъ посвящен-
Текутъ для юношей струи [ныхъ,
Премудрости, нравоченья;
Тамъ въ кроткой, мирной тишинѣ,
Исполнясь духомъ Аполлона,
Поэтъ восторгъ небесный свой
Чертами пламенными пишетъ;
Тамъ Праксителиевъ ученикъ
Влагаетъ жизнь во хладный мраморъ,
Велитъ молчанію говорить;
Тамъ мѣдъ являетъ зракъ героя—
Въ немъ пламень мужества горитъ;

«Тамъ холетъ подъ кистью Апеллеса,
Рождаетъ тысячи красотъ;
Тамъ новаго Орфея лира
Струнами сладкими звучитъ...
Вездѣ блещитъ лучъ просвѣщенья!
И благотворный свѣтъ его,
Съ лучемъ религіи слиясь,
Все кроткой теплотой живить,
И тропъ мой блескомъ одѣваетъ...
Мой сынъ! кто въ свѣтѣ равенъ мнѣ?
Какое царство въ поднебесной
Блаженнѣй царства моего?» —

Се образъ радостной Россіи!
Но нѣкогда густая тьма,
Какъ ночь, поверхъ ея носилась;
Язычество свой олимпъ
На жертвенникахъ воскуряло,
И кровь подъ жреческимъ покомъ
Дымилась въ честь нѣмыхъ кумировъ...

Съ престола Святославовъ сыгъ
Простеръ свой скиптръ державный, мощ-
и: й —

И кроткій христіанства лучъ
Блеснулъ во всёхъ концахъ Россіи:
Къ Творцу моленья вознеслись.

Стенала нѣкогда въ оковахъ
Россія, подъ пятой враговъ
Ненетовыхъ, кичливыхъ, злобныхъ...
Ее сарматы и скалдывавъ
Тягчили скипетромъ желѣзнымъ;
Москва, съ попикшею главой,
Подъ игомъ рабства унывала,
Затмилась красота ея, —
И россъ слезящими очами
Взиралъ на бѣдства вкругъ себя,
На грады, въ пенель обращены,
На кровь, кипящу по полямъ.

Явился Петръ—и его бѣдствій
Престало россовъ отягчать;
Какъ холмъ, одѣтый тѣнью ночи,
Являющейся съ юнымъ днемъ:
Такъ все весельемъ озарилось;
Главу Россія подняла;
Престоль ея, вознесшись къ небу,
Разсыпалъ на вселенну тѣнь;
Ея Алкиды загремѣли;
Кичливый врагъ упалъ, исчезъ, —
И се! во славу обличенна,
Она блаженствуетъ, цвѣтеть!

Се Навелъ съ трена славы, правды,
Простерши милосердыя длань,
Блаженство миллионѣмъ зидеть,
Струями радость, счастье льеть,
И царства надшія подьмлетъ! *)
Се новый росскій Геркулесъ,
Возникшу *идру* поражая,
Тягчить пятой стоглавый Альпъ,
Щитомъ вселенну осбняеть!
Се знамя русское шумитъ
Средь троновъ, въ прахъ низложенныхъ!
И се грядеть къ намъ новый вѣкъ!

Надите, россы, на колѣна!
Моите съ пламенной душой:

*) «Это писано около того времени, когда пойма русскіи одерживали победы въ Италіи, подъ командою Гепераннесимуса.»

«Да Управляй царствъ судьбами
«Хранить, любовію своею,
«Отъ бѣдъ Россію въ вѣкъ грядущій,
«И новымъ свѣтомъ облечеть!
«Да спидеть миръ къ намъ благодатный,
«И міру радость принесеть!
«Да лучъ премудрости расцѣтъ
«Невѣжества послѣдній прахъ,
«И да всеобщее блаженство
«Вселенну въ рай преобразитъ!!!»

1800.

СТИХИ НА НОВЫЙ 1800 ГОДЪ.

Изъ нѣдра вѣчности рожденный,
Парить къ намъ юный сынъ вѣковъ;
Сотканна изъ зарей порфпра
Струится на насчахъ его;
Лучи главу его вѣчаютъ,
Простерты о чреслахъ зодіахъ,
Въ его десницѣ зрится чаша,
Гдѣ скрыты жребіи судьбы,
Изъ коей вѣчными струями
Блаженство и бѣды текутъ.

Летить—предъ нимъ часы, минуты,
Ліотся быстрою струей;
Сопутницы, его подруги,
Несутъ вселенной благодать:
Зима въ своей коронѣ льдяной,
Въ сотканной ризѣ изъ снѣговъ;
Весна съ цвѣточными коврами;
Съ плодами осенъ для деревьевъ,
Съ снопами лѣто золотыми
И благотворной теплотой.

Летить—во срѣтеніе вселенна
Ему благословенія шлетъ;
Желанья, робкія надежды
Несутся соннами къ нему;
Къ нему стремится гласъ хвалебный,
Къ нему летитъ слеза и вздохъ;
Монархъ съ блестящаго престола,
И ницкій съ бѣднаго одра
Къ нему возводятъ взоръ молящій,
Благодѣяніи ждуть его...

Лети, сынъ вѣчности желанный,
Лети, и по слѣдамъ своимъ

Цвѣты блаженства возделанны
И кротку радость насаждай...
Пусть полегъ твой благодатный,
Какъ зѣфиръ, землю оевѣжитъ;
Любовь, согласіе священо,
Во всей вселенной утвердить.

КЪ ТИБУЛЛУ.

на прошедшій вѣкъ.

Онъ совершилъ свое теченье,
И въ безднѣ вѣчности исчезъ...
Могила, пепель, разрушенье,
Пучина бѣдствій, крови, слезъ—
Вотъ путь его и обелиски!

Тибулль! все подъ луною тѣнию!
Давно ль на холмѣ семь стоялъ
Столѣтній дубъ, густой, надменной,
И долъ вѣтвями обвивалъ?
Ударилъ громъ—и дубъ поверженъ!

Давно ли и любимецъ славы
Пародокъ жребіемъ игралъ,
Вселенной подавалъ уставы,
И небо къ расирѣ вызывалъ?
Дохла смерть—что опъ?—гореть пыли.

Тибулль! намъ въ мірѣ жить не вѣчно:
Вся наша жизнь лишь только мигъ.
Какъ молнія, время скоротечно!—
На быстрыхъ крыліяхъ своихъ
Оно летитъ, и все съ нимъ гибнетъ.

Едва на дневный свѣтъ мы взглянемъ,
Едва себя мы ощутишь,
И жизнью радоваться станемъ:
Уже въ сырой землѣ лежимъ,
Ужъ мы добыча разрушенія!

Тибулль! нельзя, чтобы природа
Лишь для червей насъ создала;
Чтобъ мы, проживши два, три года,
Прешедъ сквозь мрачныя дебри зла,
Съ лица земли, какъ тѣни, скрылись!

На что винить боговъ напрасно?
Себя мы можемъ пережить:
Люби добро и мудрость страстно,
Стремясь друзьями міру быть—
Мы живы въ самомъ гробѣ будемъ!..

М И Р Ъ.

Проснись, нивійскаго поэта древняя лира,
Вѣщательница дѣлъ геройскихъ, брани,
мира!

Проснись—и новый звукъ отъ струнъ
твоихъ издай,
И сладкою своей игрою насъ плѣняй—
Исполни духъ святымъ восторгомъ!

Какъ лира дивная небеснаго Орфея,
Гремилъ ли битвы ты—наперсники Арея
Вернутся за мечи и взорами грозятъ;
Ихъ бурные кони явятся и кипятъ,
Крутя свои волнистыя гривы.

Поешь ли тишину—громъ Зевса поту-
хаетъ;
Орель, у ногъ его сидящій, засыпаетъ,
Вздыхая медленно перпатыи свой хребетъ;
Ужасный Марсъ свой мечъ убійственный
кладетъ

И кротость въ сердцѣ ощущаетъ.

Проснись! и миръ воспой блаженный,
благодатный;
Пусть онъ слетитъ съ небесъ, какъ вѣскій
богъ крылатый,

Вѣчно-зеленою оливою махнетъ,
Браня страшную съ лица вселенной пѣже-
И примиритъ земные роды! [нетъ,

Гдѣ опъ—тамъ вѣчное веселье обитаетъ,
Тамъ человечество свободно процвѣтаетъ,
Питаея щедростью природы и боговъ;
Тамъ звукъ не слышится невольничьихъ
И слезы горести не льются. [оковъ,

Тамъ нивы жатвою покрыты золотою;
Тамъ въ селахъ царствуетъ довольство
съ тишиною;
Спокойно грады тамъ въ поля бросаютъ
тѣнь;

Тамъ счастье навсегда свою воздвигло сѣнь:
Оно лишь съ миромъ сопряженно.

Тамъ мирно старецъ дней закатомъ
веселится,
Могилы на краю—неволи не страшится;
Ступя ногою въ гробъ—онъ смотритъ со
слезой

Унылой, горестной, на путь скончанный
И жить еще—еще желаетъ! [своей,

Тамъ воинъ, лишь въ поляхъ сражаться
 приученный,
 Смягчается—и мечъ, къ убійству изо-
 щренный,
 Въ отеческомъ дому подъ миртами кладеть;
 Блаженство тишины и дружбы познаеть,
 Союзъ съ природою обновляетъ.

Тамъ музы чистыя, увѣчанныя оливой,
 Веселымъ пѣніемъ возносятся дни счаст-
 ливы;
 Ихъ лиры стройныя согласіе звучать;
 Онѣ спокойствіе, не страшну брань гласять,
 Святую добродѣтель славятъ!

Слети, блаженный миръ!—вселенная
 взываетъ—
 Туда, гдѣ бранныя знамена развѣвають;
 Гдѣ жертвъ природы гласъ, и гдѣ ея сыны
 На персяхъ матери сражаются, какъ львы;
 Гдѣ братья братьевъ поражаютъ.

О страхъ!... Какъ яростно другъ на
 друга стремятся!
 Кони въ пыли, въ поту свирѣлствуютъ,
 яряся,
 И топчутъ всадниковъ, поверженныхъ во
 прахъ;
 Орудія гремятъ, кровь летится на мечахъ,
 И стоны къ небесамъ восходятъ.

Тотъ сердца не имѣлъ, отъ камня тотъ
 родился,
 Кто первый съ бѣшенствомъ на брата
 устремился...

Скажите, кто перунъ безумцу въ руки
 И жизни моя владыкою назвалъ, [даль,
 Надъ кося я и самъ не властенъ?

А слава?... Нѣтъ!—Ея злодѣй лишь въ
 брани ищеть;
 Лишь онъ въ стenanіяхъ побѣдны гимны
 слышитъ;
 Въ кровавыхъ грусахъ тѣлъ трофей чести
 зреть;
 Потомство извергу проклятіе гласить,
 И лавръ его, поблекши, тѣбеть.

А твой всегда цвѣтеть, о россъ велико-
 сердый,
 Въ примѣръ земнымъ родамъ судьбой
 превознесенный!

Но время удержать орлиный твой полетъ;
 Колоссъ незыблемъ твой, онъ вѣчно не
 Чего жъ еще желать осталось? [падетъ:

Ты славы путь протекъ Алкидовой сто-
 Полсѣвта покорилъ могучею рукою; [пою,
 Тебѣ возможно все, ни въ чемъ препоны
 нѣтъ:
 Но стой, россъ! опочій—се новый вѣкъъ
 грядеть! *)

Онъ миртъ, не лавръ тебѣ приносить.
 Возьми сей миртъ, возьми, и снова
 будь героемъ.—
 Героемъ въ тишигѣ, не въ кроволитномъ боѣ.
 Будь міра гражданигъ, вѣнецъ лавровый
 своей
 Омой сердечною, чувствительной слезой,
 Тобою падшимъ посвященной!

Брось налицу свою и щить необоримый,
 Преобрази во плугъ свой мечъ несокру-
 шимый;
 Пусть ростъ онъ поля отчизны твоея;
 Прямая слава въ ней, лишь въ ней ищи ся;
 Лишь въ ней ее обрѣсть ты можешь.

На персяхъ [тишины, въ спокойствіи
 блаженномъ,
 Цвѣти, съ народами земными примиренный!
 Цвѣти, великій россъ!—лишь злобу по-
 ражай,
 Лишь страсти буйныя, строптивы побѣждай,
 И будь во брани—только съ ними.

П Л А Т О Н У

неподражаемому, достойно славящему господа.

Платонъ, великій мужъ! когда ты просла-
 влять
 Намъ кроткаго отца въ Значительъ все-
 ленной,
 Тогда я съ пламенной душою, восхищенной,
 Къ Творцу всемогущему моленье возсылалъ:
 Да благоетью своею Платона сохранятьъ,
 И драгоцѣнны дни великаго продлить.

Виванія, 25 декабря, 1800.

*) «Стихи эти читаны въ декабрь 1800 года
 на публичномъ актѣ въ Пансіонѣ».

Г Е Р О Й.

I.

На лонѣ облаковъ румяныхъ
Явилась скромная заря;
Предъ нею рѣзвые зефиры,
А позади блестящій Фебъ,
Одѣтый въ пышну багряницу,
Летить по синевѣ небесъ—
Природу спова оживляетъ
И щедро тешаоту летъ.

II.

Явилось зрѣлище прекрасно
Монимъ блуждающимъ очамъ:
Среди красотъ невязянимыхъ,
Мой взоръ не зреть себѣ границъ,
Мою всю душу восхищаетъ,
Въ нее восторга чувства льстятъ,
Вдыхаетъ ей благоговѣнье—
И я блажу свѣтлыя Творца.

III.

Но тамо—что предъ взоръ явилось!
Какія солнца тамъ горятъ?
То славы храмъ чело вздымаетъ—
Вокругъ его вѣнецъ лучей;
Утесъ, висящій надъ валами
Морскихъ безчисленныхъ пучинъ,
Възовъ теченьемъ посядѣвшій,
Его подьземлетъ на хребтъ.

IV.

Дерзнулъ рукой покровъ священнѣй,
Молвы богини, твой поднять!
Дерзнулъ святялице проникнуть,—
Гдѣ лавръ съ оливою цвѣтетъ!
Къ тебѣ все смертные стремятся
Путиами крови и добра;
Но рѣдко, рѣдко достигаютъ
Подъ сѣнь престола твоего!

V.

Завѣса вскрылась—созерцаю:
Се, вижу, сердцу милый Титъ,
Се Антонины, Адрианы;
Но Александровъ—пѣтъ нигдѣ!
Главы ихъ лавръ не осыняетъ,
Въ кровавой пѣни онъ погрязъ,
Онъ бременемъ въковъ подавлетъ—
Но цвѣлъ ли въ мѣрѣ онъ когда?

VI.

О, Александръ, тщеславный, буйный—
Стремился его наложить

И тяжки узы ты вселенной!
Твой мечъ былъ грозенъ, какъ перушь;
Твой шагъ былъ шагомъ исполина;
Твоя мысль—могучій скорыхъ бѣгъ;
Предѣловъ гордость не имѣла;
Но цѣль—была лишь только дымъ!..

VII.

Къ чему мечтою ты презычался?
Какой ты славѣ вслѣдъ бѣжалъ?
Гдѣ замыслъ твой имѣлъ предѣлы?
Гдѣ пунктъ конца желаньямъ былъ?
Алкалъ ты славы—и въ безумствѣ
Себя ты богомъ чтить дерзалъ;
Хотѣлъ ты бравями быть громокъ,—
Но звукъ оставилъ лишь пустой.

VIII.

Героя звалиемъ священнымъ
Хотѣлъ себя украсить ты;
Ахъ, что герой,—когда лишь кровью
Его написаны дѣла?
Когда лишь звуками сраженій
Онъ въ краткій вѣкъ свой знатенъ былъ?
Когда лишь мужествомъ и силой
Онъ путьъ свой къ славѣ отверзалъ?

IX.

Но что герой?—неужто бранью
Единой будетъ славленъ онъ?
Неужто кровью омытый,
Его вѣнецъ пребудетъ свѣзъ?
Ахъ, пѣтъ! засохнетъ и поблекнетъ
И обелискъ его падетъ;
Онъ порастетъ мхомъ и травой,
И съ нимъ вся память пропадетъ.

X.

Герои свѣта,—вы дерзали
Себѣ сей титулъ присвоить;
Но кто, какое сердце скажетъ,
Что вы достойны были врямъ
Сего названія почтенна?
Пякто—ползуца токмо лестъ,
Висѣ у ногъ, васъ прославляетъ!
Но что—не искренна хвала?..

XI.

Героемъ тотъ лишь назовется,
Кто добродѣтель красну чтить,
Кто лишь изъ должности біетелъ,
Не жаждетъ кровь рѣками лить;
Кто побѣждаетъ—побѣдивши
Врага лобзаетъ своего,

И руку дружбы простирает
Къ нему, во знакъ союза съ нимъ.

XII.

Кто сирымъ—нѣжный покровитель;
Кто слезъ потокъ сѣбѣ отереть
Благодѣяннѣ струями;
Кто ближнихъ любить, какъ себя;
Кто благъ въ дѣяньяхъ, непороченъ,
Кого и врагъ возмогъ бы чтить,—
Единымъ словомъ: кто душою
Такъ чистъ и свѣтлъ, какъ божество.

XIII.

Вѣщцовъ оливныхъ—тотъ достоинъ,
И завръ его всегда цвѣтеть;
Тотъ храма славы лишь достигнетъ,
Въ потемствѣ вѣчно будетъ жить,—
И человечество воздвигнетъ
Ему сердечный мавзолей,
И слезы жаркія польются
Къ нему на мнѣй сердцу прахъ

XIV.

Я въ кущѣ тихой, безмятежной,
Героемъ также быть могу:
Мое тутъ поле брани будетъ—
Несчастливыхъ сонмъ, гонимъ судьбою;
И мечъ мой острый, мечъ огнистый—
Благодѣяннѣ будетъ лучъ;
Онъ погочеть—и побѣждаетъ
Сердца и душу всѣхъ людей.

XV.

Мой облянскъ тогда негнѣнный
Косою время не сразитъ;
Мой славы храмъ не сокрушится:
Онъ будетъ изсѣченъ въ сердцахъ.
Меня мечтающа не коснутся,
Я тѣнямъ вѣдѣ не побѣгу,
И солнце дней моихъ затмится,—
Зарю оставя по себѣ.

1801.

Ч Е Л О В Ѣ К Ъ.

A Worm! a God!—Young.

«Ничтожный человекъ! что жизнь твоя?

—Мгновенье.

Взглянулъ на дневный лучъ—и пѣтъ
тебя—пропалъ!Изъ тьмы бытія злой рокъ тебя при-
звалъ

На то лишь, чтобъ предать въ добычу
разрушенья;

Какъ быстра тѣнь, мелькаешь ты!

«Игральнице судьбы, волнуемый стра-
стями,

Какъ яримъ вихремъ литье—ужасный
жребій твой

Бороться съ горестью, болѣзнями и собой!

Несчастный, поглощенъ могучими волнами,
Ты страшно смерть находишь въ нихъ.

«Въ безсиліи своемъ, пристанища ли-
шенный,

Гонимъ со всѣхъ сторонъ, ты странникъ
на землѣ!

Что твой парящій умъ? что замыслы твои?

Дыханье вѣтерка,—и гдѣ ты, прахъ над-
гдѣ жизни твоя слѣды? [мелкий?

«Ты дерзкой мыслию за небеса стре-
мишься!—

Сей пвзложенный кедръ соперникъ былъ
громамъ;

Но онъ разбитъ, въ пыли, добыча онъ
червямъ.

Гдѣ мощь корней его?... Престань, безумецъ,
льститься;

Тебѣ ли гордымъ, сильнымъ быть?

«Ты нынѣ, обольщенъ надеждой, злж-
дешь стѣны,—

Взутра же онъ, разсыпавшись, надутъ;

И перети твоя нога ими не найдутъ...

Смыслъ разрушенія! мечта протекшей тѣни!

И настоящій мигъ не твой.

«Ты веселишь себя надеждой наслаж-
деній:

Ихъ пѣтъ! ихъ пѣтъ!—Сей міръ вертець
страданій, слезъ;

Ты съ жизнью въ него блаженства не
приньешь;

Терзайся, рвись, и будь игрою заблужде-
Влачи до гроба цѣпи золь! [пій,

«Такъ—въ гробѣ лишь твое спокой-
ство и отрада;

Могла—тнхій сонъ; а жизнь—съ бѣдами
брань; *)

Судьба—невидимый, безчувственный ти-

*) «Юнгъ».

Необоримая ко счастью преграда! [рань,
Ничтожность страшный твой удѣлъ!

«Чего жь искать тебѣ въ сей пропасти
мученій?»

Скорѣй, скорѣй въ ничто! Ты Небомъ по-
забытъ,
Одипъ перунъ его лишь надъ тобою гре-
Его проклятіемъ навѣки отягченный, [мить;
Твое убѣжище лишь смерть!»—

Такъ въ гордости своей, слѣпой, неправо-
судной,

Безумецъ возстаеъ на Небо и на рокъ.
Всемощій! гнѣвъ твой спитъ!... Сотри
кичливый рогъ,
Воздвигнись, облеченъ во славъ непри-
ступной,

Грянь, грянь!—и дерзкій станетъ пылъ.

Или не знаешь ты, мечтатель напы-
щенный!

Что неprimѣтный червь, сокрывшійся во
прахъ,

И дерзостный орелъ, парящій въ небесахъ,
Превыше черныхъ тучъ и молній вознесен-
Предъ взоромъ Вѣчнаго ничто?.. [ный,

Тебѣ ли обвинять премудрость Прови-
дѣнъя?

Иль таинства его открыты предъ тобою?
Или въ дѣлахъ его ты избралъ судіей?
Иль знаешь ты вещей конецъ, опредѣленъе,
И взоромъ будущность проникъ?

Въ страданіяхъ своихъ ты Небо уку-
ряешь—

Творецъ твой не тиранъ: ты страждешь
отъ себя;
Онъ благъ: для счастья онъ въ міръ при-
звалъ тебя;

Иль чаши радостей ты горестъ испиваешь:
Ужели рокъ виновенъ въ томъ?

Безумецъ, пробудись!—Возри на міръ
пространный!

Все дышетъ счастьемъ, все славить жребій
свой;

Всему начерталъ кругъ Предвѣчнаго ру-
кой,—

Ужели ты одинъ, природы царь избран-
Краса всего, судьбой забвенъ? [ный,

Познай себя, познай!—Коль въ дерз-
комъ ослѣпленіи
Захочешь ты себя за край міровъ вознести,
Сравниться со Творцомъ—ты непримѣтна
персть!

Но ты великъ собой; сей міръ твое владѣнье,
Ты духомъ тварей властелинъ!

Тебѣ послушно все—ты смѣлою рукою
На бурный океанъ оковы наложилъ,
Пронзилъ утесовъ грудь, перуны потушилъ;
Подоблачны скалы валяются предъ тобою;
Твое велѣніе—законъ!

Всѣ бѣдствія твои—мечты воображенья;
Орудія на нихъ судьбой тебѣ даны!

Воздвигнись въ крѣпости—и всѣ побѣ-
ждены!

Великмятъ, мудрымъ быть—твое опредѣле-
А ты—ничтожны слезы льешь! [нъ;

Сей дерзостный утесъ гранитными пле-
чами

Поднерши небеса, и вихрямъ и громамъ
Смѣется, и одинъ противится вѣгамъ;

У ногъ его клубить ревущими волнамъ
Угрюмый, грозный океанъ.

Орелъ, ужасенный змѣю раздраженной,
Терзаеъ, рветъ се въ своихъ крутыхъ
когтяхъ,

И члены разметаеъ, со пламенемъ въ
очахъ,

Расширивши крылъ, весь кровью обогрен-
Нарить съ побѣдой къ небесамъ! [ный,

Мужайся!—и попрешь противниковъ
стопомъ;

Твой рай и адъ въ тебѣ!.. Врань, брань
твоимъ страстямъ!—

Передъ тобою отверсть безсмертья вѣчный
храмъ;

Ты смерти сломишь серлъ могучею рукою,—
Могила—къ вѣчной жизни нуть!

Ф І А Л К А .

Не прекрасна ли фіалка?

Не прельщаетъ ли собой?

Не амброзіей ли дышетъ

Утромъ, расцвѣти весной?

То ахнетъ, то блѣднѣетъ

Сей цвѣточекъ въ красный день;
Сладкій духъ свой изливаетъ,
Кроясь въ травкѣ подь кустомъ.

Что же съ пѣжкою фіалкой,
Что же будетъ наконецъ?
Ахъ, несчастная томится,
Сохнетъ и увянетъ вдругъ.

1801 г.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

ЭЛЕГИЯ.

[ИЗЪ ГРЕК].

I.

Full many a gem of purest ray serene,
The dark unfathom'd caves of ocean bear;
Full many a flower is born to blush unseen,
And waste its sweetness on the desert air.

Gray Elegy.

Вечерній колоколъ печально завываетъ,
Влѣдѣющаго дня послѣдній часъ бѣтъ,
Блеснція стада долины оставляютъ,
Усталый земледѣль задумчиво идетъ
Въ шалашъ спокойный свой.—Въ обя-

тіяхъ свободы,

Подь кровомъ тишины я буду размышлять.
Въ туманномъ сумракѣ таятъ горы, воды;
Все тихо — лишь въ кустахъ кузнечики

стучать,

Лишь слышится вдали наступшій рогъ
Упылый;

На древней башнѣ сей, плещомъ и мхомъ
покрытой,

Пустынные совы я дикій слышу вой, —
Она гласъ жалобный къ лулѣ возноситъ свой
На тѣхъ, которые, блуждая, возмущаютъ
Жилыша тайнаго ея безмолвный сонъ
И древнюю ея обитель посѣщаютъ...

Тамъ, гдѣ молчаше воздвигло мрачный
трогъ,

Гдѣ вѣчные дубы, рукою лѣтъ согбенны,
Изъ вѣтвей листовныхъ слетаютъ кровъ
священный,

Гдѣ ивы дряхлыя, изсохшія стоятъ,
Гдѣ дерномъ устланы цвѣтущія могилы —

Тамъ праотцы села, въ безмолвіи уныломъ,
Почивши навсегда глубокимъ сномъ, ле-
дыхашъ свѣжее рождающагося дня, [жатъ].
Ни крики ласточки, въ гнѣздѣ своємъ
сидящей,

Ни голоса пѣтуха, ни стоиць роговъ звуча-
щій —

Ничто не воззоветъ отъ тяжкаго ихъ сна.
Ипялющій огонь, въ горнилахъ извивался,
Ихъ въ зимні вечера не будетъ согрѣвать,
Не будутъ болѣе сыновъ своихъ лобзать,
Отъ тягостныхъ трудовъ въ шалашъ свой
возвращаясь...

Какъ часто ихъ рука блистающей косой
Сѣкала тонкій класъ на нивѣ золотой!
Какъ часто острый плугъ, ихъ мышцей
напряженный,

Взрывалъ съ усиліемъ упорныя поля, —
Какъ часто крѣпкія, корнистыя древа
Валилися подь ихъ сѣкирой сокрушенны!..
Пускай сынъ роскоши, богатствомъ воз-

гордясь,

Надъ скромной ницетой кичливо возносясь,
Труды полезныя и санъ ихъ презираеть, —
Съ улыбкой хладныя надменности вни-

маетъ

Таящимся во тьмѣ, певучимъ ихъ дѣламъ:
Часа ужаснаго нельзя избѣгнуть намъ!

На всѣхъ ирется смерть — любимаца гром-
кой славы,

Невольника, царя, дающаго уставы,
Всѣхъ пичеть грозная и нѣбогда найдетъ!
Путь славы и чести ко гробу насъ ведетъ...

Судьбы и счастья напереники надменны,
Не смѣйте снижихъ здѣсь безумно укорять

За то, что кости ихъ въ забвенія лежатъ,
Что въ сей обители, молитвамъ посвя-

щенпой —

Гдѣ, въ тихомъ лѣвни, святомъ, благого-

вѣиномъ,

Несется къ небесамъ моленій гласъ свя-

тыхъ —

Гробницъ не вознесли надъ скромной
перстью ихъ!

Зачѣмъ надъ мертвыми, истлѣвшими ко-

стями

Писать надгробія и камни воздвигать?..
Души въ холодный прахъ намъ вѣчно не

привзвать!

И гимны почестей, гремящи надъ гробами,
Нѣмого тѣлнія не властны оживить! —

Неумолиму смерть хвала не обольститъ!
Ахъ! можетъ быть, подь сей могилкою таится

Прахъ сердца пѣжнаго, умѣвнаго любить,
И кровожадный червь здѣсь въ черепѣ

гнѣздится,

Который пѣюгда корону бѣ могъ носить,
 Иль восхищаться лирѣ гармоніей чудес-
 Науки свѣтлыя, питомицы вѣковъ [ной!—
 Не озарили ихъ свѣтильникомъ небеснымъ!
 Собоиены тягостью невольничьихъ оковъ,
 Въ забвенной нищетѣ они своей вѣкъ
 влачили,
 И огонь сердець своихъ безплодно исто-
 щили...
 Какъ часто рѣдкій перлъ таится въ нѣдрѣ
 волнъ!
 Какъ часто лилія въ пустынѣ расцвѣтаетъ,
 Незримая никѣмъ, безвѣстно увядаетъ!..
 Тамъ, можетъ быть, лежатъ невѣдомый
 Мильтоновъ,
 И въ узахъ гробовыхъ безмолвствуя хла-
 дѣтъ;
 Тамъ, можетъ быть, Кромвель неукротимъ
 тлѣетъ,
 Что кровью согражданъ еще не обогрѣялъ
 Полей отечества и власти не искалъ —
 Сенатомъ управлять державною рукою,
 Сражаться съ вихремъ бѣды и грозною
 судьбою,
 Странахъ обиліе и счастье изливать,
 Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои
 читать—
 Сего ихъ рокъ лишилъ своимъ опредѣ-
 леньемъ!
 Но если путь добра для нихъ онъ соизволилъ,
 То онъ пресѣкъ для нихъ пути ко пре-
 ступленьямъ,—
 Онъ имъ стезей убійствъ стремиться за-
 претилъ
 Къ престоломъ, пышностью и славой окру-
 женнымъ.
 Простыя ихъ сердца умѣли сострадать
 Несчастнымъ, злобною судьбою угнетен-
 нымъ;
 Они въ душѣ своей не тщились сокрывать
 Волнскія страстей, крутыхъ, неутолимыхъ,—
 Липты ихъ могли стыдливостью пылать,
 На лести алтаряхъ, гордынѣ возносимыхъ,
 Небесныхъ музъ они не смѣли обожать...
 Не зная суетныхъ, обманчивыхъ желаній,
 Рождающихъ бѣды и горькія страданія,
 Съ забвеніемъ всего—въ долину жизни сей,
 Спокойно шли они тропинкою своей...

Въ семь мѣстѣ, гдѣ ихъ переть лежатъ
 уединенно,
 Простою рѣзбою, не златомъ, украшенный
 Воздвигнуть монументъ костюмъ безмолв-
 нымъ ихъ.
 Здѣсь труднымъ шествіемъ прохожій уто-
 мленный
 Возседеть и почтить слезою память ихъ—
 Нѣтъ пышной надписи надъ скромною
 могилою!
 Чистосердечіе на пей рукою нелестивою
 Ихъ лѣта, имена потицалось начертать,
 Евангельску мораль вкругъ изобразило,
 Въ которой мы должны учиться умирать!..
 Ахъ! кто съ сей жизнію безъ горя раз-
 лучился?
 Кто прахъ свой вѣчному забвенію оста-
 влять?
 Безъ сожалѣнія съ симъ міромъ разставался,
 И взора горькаго назадъ не обращалъ?
 Ахъ, сердце нѣжное, природу покаяя,
 Надѣется друзьямъ оставить пламень свой!
 И взоры тучныя, на вѣки угасая,
 Хотятъ взглянуть на нихъ съ послѣднею
 слезою!
 Для нихъ глазъ нѣжности въ могилѣ па-
 нней слышенъ;
 Для нихъ нашъ мертвый прахъ и въ са-
 момъ гробѣ дышетъ!..
 А ты, природы сынъ, чувствительный
 душой,
 Который спящимъ здѣсь свой голосъ по-
 свящаешь,
 И скромны ихъ дѣла почемкамъ возвѣ-
 щаешь,—
 Быть можетъ пѣюгда, что другъ, люби-
 мецъ твой,
 Сюда задумчивой тоскою заведенный,
 Захочетъ о судьбѣ любезнаго узнать:
 Съдой поселенникъ, лѣтами удрученный,
 Воспоминать о тебѣ и будетъ отвѣчать:
 «Онъ часто, на зарѣ, въ долину мнѣ
 встрѣчался,
 Когда, въ часъ утренній, спѣшилъ на
 холмъ взойти,
 Чтобъ солнечный восходъ на немъ преду-
 предить;
 Тамъ въ роцѣ иногда уединенъ сѣдался
 И горести свои безмолвлю повѣрялъ;

Тамъ, въ полѣ, въ знойный часъ полудня,
отдыхалъ
Подъ ивой листовиной, вершинною сог-
бенной,

Которыя корни сухіе, некривленны
Выходятъ изъ земли, вѣясь въ травѣ
густой;

Здѣсь часто онъ сидѣлъ вечернею порой.

Небрежно голову на руку наклонивши,
И взоры томные въ источникъ устремивши,
Который въ тростникѣ задумчиво журчить...

Онъ часто слезы злилъ, какъ будто стран-
никъ бѣдный,

Отчизны милыя, друзей, всего лишенный,
Котораго и жизнь несносно тяготитъ!

Онъ сохнулъ и—увильг!..—Напрасно я
въ долинь,

Подъ ивой, на холму несчастнаго искалъ:
Увы! ни гдѣ его ужъ больше не встрѣ-
чать!—

На утро колоколъ слышалася унылый,
Надгробно ибнѣ раздалось—и узылъ

Страдальца бѣднаго, который ужъ от-
цвѣлъ!

II.

Уже блѣднѣеть день, скрываясь за горою;
Шумящій стада топлятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительною стоюю
Идетъ, задумавшись, въ шалаши спокой-
ный свой.

Въ туманномъ сумрацѣ окрестность исче-
заетъ...

Повсюду тишина; повсюду мертвый сонъ;
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ

мелькаетъ,
Лишь слышится издали роговъ унылый
звонъ.

Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ
сводомъ

Той башни, сблугетъ, внимаема душой,
На возмущившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ черныхъ сосенъ и вязовъ
наклоненныхъ,

Которые окрестъ, развѣсившись, стоять,

Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уеди-
ненныхъ.

Навѣки затворясь, спомъ непробуднымъ
слятъ.

Депицы тихій гласъ, для юнаго дыханье,
Ни крики шѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни рапшей ласточки на кровлѣ шестанье—
Ничто не вызоветъ почившихъ изъ гробовъ.

На дымномъ очагѣ трескучій огонь сверкая,
Ихъ въ зимнѣ вечера не будетъ веселить,
И дѣти рѣзвыя, встрѣчать ихъ выбѣгая,
Не будутъ съ жадностью лобзаний ихъ
ловить.

Какъ часто ихъ серны златую пиву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ събирь дубравы трепетали,
И потомъ ихъ лица кропилися земля!

Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ,
Смѣясь въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ трудамъ,
Пускай съ холодною презрѣніемъ внимаютъ
Таящимся во тьмѣ убогаго дѣламъ:

На всѣхъ зрителъ смерть—царя, любимца
славы,

Всѣхъ ищетъ грозная... и ивѣгда найдетъ;
Всемогущыя судьбы незыблемы уставы:

И путь величій ко гробу насъ ведетъ.

А вы, напереники фортуны ослѣпленны,
Напрасно спящихъ здѣсь спѣшите пре-
зирать

За то, что гробы ихъ непыльны и заб-
венны,

Что мѣсть имъ алтарей не мыслить воз-
двигать.

Вотче надъ мертвыми, неслѣвными костями
Трофенъ жидутся, надгробія блестятъ,

Вотче гласъ почестей гремитъ передъ
гробами—

Угасшій пепелъ нашъ они не воспалятъ.

Ужель смягчится смерть сплетасмой хвалою,
И невозвратную добычу возвратитъ?

Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной
доскою;

Надменный мавзолей лишь персть ихъ
бременетъ.

Ахъ! можетъ быть, подъ сей могилою таится

И прахъ сердца пѣзнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ гнѣз-
дится,
Рожденной быть въ вѣницѣ, иль мыслями
парить!

Но просвѣщенія храмъ, воздвигнутый въ-
ками,

Угрюмою судьбой для нихъ была затворенъ,
Ихъ рокъ обременилъ убожества пѣнами,
Ихъ гений строгою нуждою умерщвленъ.

Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокро-
венной,
Въ бездонной пропасти сияеть красотой;
Какъ часто лилія цвѣтеть уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ, теряя запахъ свой.

Быть можетъ, пылью сей покрытъ Гамп-
дешъ надменный,
Защитникъ согражданъ, тиранства смѣлый
врагъ;

Иль кровію гражданъ Кромвель необа-
грешный,

Или Мильтонъ пѣмой, безъ славы скры-
тый въ прахъ.

Отечество хранишь державною рукою,
Сражаться съ бурей бѣдъ, фортуны презирать,
Дары обилія на смертныхъ лять рѣкою,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои
читать—

Того имъ не далъ рокъ; но выѣстъ пре-
стуняельнымъ
Онъ съ доблестями ихъ кругъ тѣсный
положилъ;

Вѣжать стезей убійствъ ко славѣ, на-
слажденнымъ,
И быть жестокими къ страдальцамъ за-
претилъ;

Таить въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести,
Румянецъ робкія стыдливости терять,
И рабствуйствуя, на жертвенникахъ лести
Дары небесныхъ музъ гордынѣ посвящать.

Скрываясь отъ мірскихъ погубельныхъ
смятеній,
Безъ страха и надеждъ, въ долини жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажденій,
Они безвѣчно шли тропинкою своєю.

И здѣсь спокойно снятъ подъ сѣнью гро-
бовою—

И скромный памятникъ, въ приютѣ сосенъ
густыхъ,

Съ пышной надписью и рѣзьбою простоя,
Прохожаго зоветь вздохнуть надъ пра-
хомъ ихъ.

Любовь на камнѣ семь ихъ память сохранила,
Ихъ лѣта, имена потщившись начертать;
Окрестъ библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто съ сей жизнію безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенно предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ
не пѣнялся,

И взора томнаго назадъ не обращалъ?

Ахъ! пѣзная душа, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навѣки угасая,
Еще стремится къ нимъ съ послѣднею
слезой;

Ихъ сердце милый гласъ въ могилѣ нашей
слышитъ;

Нашъ камень гробовой для нихъ одушевленъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ хо-
лодной урвѣ дышетъ,
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ.

А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уеди-
ненный,

И твой ударить часъ, послѣдній, роковой;
И къ гробу твоему, мечтой сопровождаемый,
Чувствительный придетъ услышать жре-
бій твоей.

Быть можетъ, селянинъ съ почтенной
сѣдиною

Такъ будетъ о тебѣ пришельцу говорить:
«Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь
со мною,

Когда сѣлшился на холмъ зарю предупре-
дять.

«Тамъ въ полдень онъ сѣлѣлъ подъ дре-
млющею ивой,

Поднявшей изъ земли косматый корень свой;
Тамъ часто, въ горести безвѣстной, мол-
чаливой,

Ложалъ, задумавшись, надъ свѣтлою рѣкой;

«Нерѣдко въ вечеру, скитаясь межъ ку-
стами—

Когда мы съ поля пили, и въ рощѣ соловей
Свисталъ вечернюю пѣснь—онъ томными
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей. [очами

«Прискорбный, сумрачный, съ главою на-
клоненной,
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего
лишенной
Которому пчѣмъ души не усладить.

«Взошла заря—но онъ съ зарею не являлся,
Ни къ пчѣ, ни на холмъ, ни въ лѣсъ
не приходилъ;
Опять заря взошла—нигдѣ онъ не встрѣ-
чался;
Мой взоръ его искалъ—искалъ—не нахо-
дилъ.

«На утро пѣніе мы слышимъ гробовое...
Песчастнаго несутъ въ могилу положить.
Приблизясь, прочитай надгробіе простое,
Чтобъ память добраго слезой благословить».

*Здѣсь пепелъ юности безвременно со-
крыли;
Что слава, счастье, не зналъ онъ въ
миръ семь;
Но музы отъ него лица не отвратили,
И меланхолическая печать была на немъ.*

*Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувстви-
теленъ душою—
Чувствительнымъ Творецъ награду по-
ложилъ.
Дарилъ несчастныхъ онъ—чѣмъ только
могъ—слезою;
Въ награду отъ Творца онъ друга по-
лучилъ.*

*Прохожий, помолись надъ этою могилою;
Онъ въ ней нашелъ приютъ отъ всякъхъ
земныхъ тревогъ;
Здѣсь все оставилъ онъ, что въ немъ
иръховно было,
Съ надеждою, что живъ еси Спаситель-
Богъ.*

1803.

С Т И Х И,

сочиненные въ день моего рожденія. Къ моему
лиру и къ друзьямъ моимъ.

О лира, другъ мой неизмѣнной,
Повѣренный души моей!
Въ часы тоски уединенной
Утѣшь меня игрой своею!
Съ тобою всегда я неразлученъ,
О лира милая моя!

Для одинокихъ мѣръ сей скученъ,
А въ немъ одинъ скитаюсь я!

Мое младенчество сокрылось;
Ужъ впасть юности цвѣтокъ;
Безъ горя сердце негодилось,
Впередъ присудить что-то рою!
Но я предъ нимъ не побѣдѣю:
Пусть будетъ то, что должно быть!
Судьба ужасна лишь злодѣю,
Судьба меня не устранишь.

Не пужны мнѣ вѣдцы вселенной;
Мнѣ дорогъ вашъ, друзья, вѣнокъ!
На что чертогъ мнѣ позлащенной?
Проспой, укротный уголокъ,
Въ тѣни лѣсовъ уединенной,
Гдѣ бы свободно я дышалъ,
Вѣмъ миламъ сердцу окруженный,
И лирой слухъ свой усаждаю...

Вотъ все—я больше не желаю,
Въ душѣ моей цвѣтеть мой рай.
Я бурный мѣръ сей презираю.—
О лира, другъ мой! утѣшай
Меня въ моемъ уединеніи;
А вы, друзья мои, скорѣй,
Оставя свѣтъ сей тревоженный,
Сберитесь къ хижинѣ моей.

Тамъ, въ мирѣ сердца благодатию,
Нашъ вѣкъ, какъ ясный день, пройдетъ;
Съ друзьями и тоска пріятна,
Но и тоска насъ не найдетъ.
Когда жъ придетъ намъ разсѣваться
Не будемъ слезъ мы проливать;
Недолго на землѣ скитаться:
Друзья! увидимся опять.

НА СМЕРТЬ АНДРЕИ ТУРГЕНЕВА.

О, другъ мой! неужли твой гробъ передо мною!

Того ль, несчастный, я отъ рока ожидалъ!
Забывшись, я тебя безсмертнымъ почи-
талъ...

Святая благодать, да будетъ падъ тобою!

Покойся, милый прахъ; твой сонъ за-
виденъ мнѣ!

Въ семь міръ безъ тебя, оставленный,
забвенный,

Я буду странствовать, какъ въ чуждой
сторонѣ,

И въ горѣ слезы лить на пепель твой
священный!

Прости! не вѣчно жить! Увидимся опять;
Во гробѣ намъ судьбой назначено свиданье!

Надежда сладкая! пріятно ожидаешь!—
Съ какимъ веселіемъ я буду умирать!

КЪ К. М. С—НОЙ.

Протекшихъ радостей уже не возвратитъ;
Но въ самой скорби есть для сердца на-
слажденье.

Ужели все мечта? Напрасно ль слезы лить?
Ужели наша жизнь есть только привидѣнье,

И трудная стезя къ ничтожеству ведетъ?
Ахъ! нѣтъ, мой милый другъ, не будемъ
безнадежны;

Есть пристань вѣрная, есть берегъ без-
мятежный;

Тамъ все погибшее предъ нами оживетъ;
Незримая Рука, простертая надъ нами,

Ведетъ насъ къ одному различнымъ путями;
Блаженство наша цѣль; когда мы къ
ней придемъ—

Намъ Провидѣніе сей тайны не открыло.
Но рано ль, поздно ли, мы радостно вздох-
немъ:

Надеждой не вотще насъ Небо одарило.

1804.

КЪ ***.

Уви! протекъ свинцовый годъ,

Годъ тяжкій гордъ, испытанья;

Но безразсудный, злобный рокъ

Не облегчилъ твои страданья.

Напрасно жалобной слезой

Смягчить старался Провидѣнье!

Оно не тронулось мольбой

И не смягчило чувствъ томленья.

Какъ холодной осени рука

Съ опустошительной грозой

Лишаетъ прелести цвѣтка

Своей безжалостной косою,—

Такъ ты безжалостной судьбой

Лишаешь веселья въ жизни брепной.

Цвѣтокъ заблещетъ вновь весной,

Твое жъ страданье неизмѣнно!

1804 г.

19. ИЗЪ «ДОНЪ-КИХОТА».

I.

Кто счастливъ въ подсолнечной

Донъ-Кихота и коня его!—

Позавидуйте мнѣ, рыцари!

Здѣсь прелестнымъ я красавицамъ

Отдаю свои оружія!

Здѣсь прелестныя красавицы

О конѣ моемъ заботятся!

II.

Красавица, я умираю!—

Ахъ, сжался надъ моею судьбой!

Тебя въ часъ смерти призываю!

Блаженъ, когда любимъ тобой!

Почтенный рыцарь Мантуанскій —

Родня и благодѣтель мой...

III.

Что пользы, Ниса, притворяться!

Твое презрѣніе—любовь!

Кто любить, какъ тому скрывается!

Огъ скажетъ все, не трать словъ!

Встрѣчаюсь ли когда съ тобою,

Не смотришь на меня, молчишь!

Иду ли прочь, ты вѣлѣдъ за мною

Украдкой, милая, глядишь!

Мою ли пѣсенку читаешь,

Не скажешь ничего объ ней!

Себѣ лишь только измѣняешь:

О чемъ молчимъ, то намъ мнѣй!

Всегда находишь извиненье,

Чтобъ не плясать нигдѣ со мною!

Не вѣрю, Ниса—принужденъ!

Въ душѣ я предпочтенъ тобой!

Какая жъ польза притворяться,

И сердце безъ любви морить,

Зараишь съ жизнью разсѣваться?—
Намъ дважды, милый другъ, не жить!
IV.

Какъ счастливъ тотъ, кто въ бурномъ
свѣтѣ,

Найдя спокойный уголокъ,
Имѣеть тишину въ предметѣ;
Кому не страшны грозный рокъ!
Онъ солнцу радостно встрѣчаетъ;
Не видитъ ночью страшныхъ сновъ,
Заботъ и горя не внушаетъ
Подъ свой уединенный кровъ!

Онъ веселъ; онъ не знаетъ скуки;
Науками питаетъ духъ;
Мирскихъ сиренъ волшебны звуки
Его не обольщаютъ слухъ;

Его владычество—природа!
Безмолвный лѣсъ—его чертогъ;
Его сокровище—свобода!
Бесѣда—тишина и Богъ!

И я симъ расемъ наслаждался,
Безпечно вѣкъ свой провождалъ,
Природой, тишиной пѣвнялся,
И друга въ сердцу прижималъ...
Но, ахъ! я съ счастьемъ простился!
Узналъ любовь съ ея тоской,—
И съ миромъ сердца разлучился!
Люблю—и гробъ передо мной...

V.

Ся холодная могила
Здѣсь прахъ любовника сокрыла;
Прохожій, плачь; но—удались;
Марселла близко!—берегись.

VI.

Надежда, говорятъ, любовь животворить
И вѣрность подкрѣпляетъ:
Чась-отъ-часу сильнѣй любовь моя горитъ,
Надежды никакой не знаетъ.—

Но, можетъ быть... Ахъ, нѣтъ! любви твоей
желать

Твой пѣвнишь, Хлоя, не дерзаетъ;
Любить и слезы проливать,
Жестокая, и то блаженствомъ онь считаетъ!

VII.

Долины, мирные луга,
Пещеры дикія, пустыя,
Скалы угрюмыя, сѣдя,
Потоковъ быстрыхъ берега,—
Мои мнѣ стенанія въ внимаютъ!

О нѣжные друзья мои,
Печальнымъ эхомъ повторите
Упреки страждущей любви—
Тиранъ Дульциней!

Я мѣръ въ оковы заключилъ!
Гремѣлъ великими дѣлами!
Дивилъ геройства чудесами,
Но, ахъ, жестокой не смягчалъ!
Жестокая—любви не знаетъ!
У ногъ ея лежить герой—
Она героя презираетъ,
Гнушается его тоской!

Тираника Дульциней!..

VIII.

Голубокъ уединенный,
Что такъ невеселъ, унылъ?
Знать, съ подружкой разлученный,
Жизнь печальну полюбилъ!
Мы равны, мой другъ, съ тобою!
То же сердце, тотъ же рокъ!
Въ мѣръ я одинъ съ тоскою,—
Ты грустишь и одинокъ!

Ты покинулъ лѣсъ зеленой,
Ты въ пустынѣ слезы льешь;
На скалѣ уединенной,
Другъ упылый, смерти ждешь;
Ахъ! и я въ тоскѣ сердечной
Жду ее и не дождусь!
Рокъ, тирани безчеловѣчной,
Скоро ль съ жизнью разлучусь?

Голубокъ, куда ахъ ты скрылся?
Знать, тебѣ наскучилъ я?

Ты сюда уединился,
Я вздохнулъ—ужъ нѣтъ тебя!
Завтра, какъ заря настанетъ,
Другъ мой, прилети сюда!
Взоръ твой друга не застанетъ:
Я увяну—навсегда!

IX.

Вотще бѣжать злодѣй, вотще онь жизнь
Терзаемъ лютою тоской— [скрывается!
Несчастный страждетъ, восклицаетъ:
Доколь съ сердцемъ я, мой судя со мной!

X.

Ладью легкой управляя,
Блуждалъ я по морю любви,
То страхъ, то смѣлость оцущая,
Нигдѣ не открывалъ земли!
Одно прелестное свѣтло,

Сіяло на пути моемъ;
Оно моей надеждой было,
Я видѣлъ путь, я плылъ по немъ.
Но, ахъ! съ тѣхъ поръ, какъ туча скрыла
Его сіянье отъ меня,
Съ тѣхъ поръ на небѣ нѣтъ свѣтила,
Съ тѣхъ поръ лишень надежды я!
Взойди опять, звѣзда золотая,
И путь мой снова озаряй,
Меся отъ бури сохраняя,
Во вѣкъ, во вѣкъ не покидай!

XI.

О ночь, какъ ты была прекрасна,
Когда подъ тѣнию твоей
Клялся я пламенно и страстно
Въ любви красавицѣ моей!
Но кратокъ сонъ любви счастливой!
Мнѣ день разстаться съ ней велѣлъ!
Подъ кровомъ ночи молчаливой
Я былъ и говорливъ и смѣлъ!
Сколь мракъ таинственный, священный,
Для сердца былъ краснорѣчивъ!
Я мнилъ, душою восхищенный,—
Все спитъ, лишь я одинъ счастливъ!
Теперь, о ночь, я содрогаясь
Подъ сѣнью тишины твоей!
Мнѣ кажется, одинъ скитаюсь
Я въ мирѣ съ мертвою душой.

XII.

Залоги нѣжности моей,
Смотрю на васъ—и вспоминаю
О счастіи протекшихъ дней;
Смотрю—и слезы проливаю!

XIII.

Богатство, слава, честь безумцамъ драго-
цѣнны!
Страшусь ихъ прелестей, блистающихъ
оковъ!
Вотъ все сокровища, душъ моей священные:
«Любовь, сердечный миръ и безмятежный
кровь!»
Толпы искателей, мечтами ослабленные,
За счастьемъ бѣгутъ, но счастья нѣтъ для
нихъ!
Блаженнѣе стою я въ горестяхъ моихъ:
«Богатство, слава, честь безумцамъ драго-
цѣнны!»
Май тихой уголь мой отъ бурь и бѣдъ
покровь!—

Мирскія радости, какъ тѣни, пролетаютъ,
Намъ счастья не даютъ, но горе оставляютъ!
«Страшусь ихъ прелестей, блистающихъ
оковъ!»

Дѣлить съ тобою жизнь, Эльвира, другъ
безцѣнный,
Любовь, судьбу мою въ глазахъ твоихъ
читать,
Бывъ счастливымъ вчера, на утро счастья
ждать:
«Вотъ все сокровища, душъ моей свя-
щенные!»

Какъ чистый ручеекъ, сокрытый межъ
цвѣтовъ,
Такъ жизнь моя пускай безвѣстно проте-
каетъ!

Чего желать тому, кто вами обладаетъ?
«Любовь, сердечный миръ и безмятежный
кровь!...»

XIV.

Великій Донъ-Кихотъ, Мерлинъ передъ
тобой!
Весь тартаръ возмущенъ судьбою Дульциней!
Все силы вышнія, волшебники и феи
По ней терзаются тоской!
Совѣтъ ихъ наконецъ изрекъ опредѣленъ!
Внимай и принеси богамъ благодаренье!
«Пусть Сапко длинную ременну плеть
возметъ
И, задницы своей обширной не жалѣя,
По ней три тысячи пятаковъ
Ударовъ оточтетъ:
Тогда великая принцесса Дульциня,
Принявъ свой прежній видъ и съ прежней
Явится предъ тобой!» [красотой,

XV.

Что дѣлать, сердце, мнѣ съ тобою?
Какъ тайну мнѣ свою сокрыть?
Куда бѣжать съ моей тоскою?
Въ моей ли власти не любить?
Могу ль надеждой не плѣняться?
И душу радостей лишать?
Могу ль отъ милой отказаться?
Любить—и ненависть казать?
Напрасно! Свѣтъ все тайны знаетъ!
А я притворству не учусь!
Тансъ или нѣтъ—все увѣряетъ,
Что я Эльвирою плѣнень!
Хочу ли не встрѣтаться съ нею,

Всегда навстрѣчу къ ней лечу;
Скажу ль ей слово,—покраснѣю,
Глаза потуплю, замолчу!

Скрывать любовь—одно страданье!
Но пользы нѣтъ въ томъ никакой!
Во всемъ, во всемъ—ся признанье!
Любовь сама предатель свой!

XVI.

Лишь только роза расцвѣла,
Уже поблекла, опадаетъ!

Лишь только жить я начала,
Ужъ горе дни мои съѣдаетъ!

О дружба, миръ души моей,
Часы отрадные, предестны,
Безпечность, рай протекшихъ дней,
Ужъ мнѣ вы болѣ невѣстны!

Опъ здѣсь, сей витязь, сей герой;
Но, ахъ! не рыцарская сила
Могла разрушить мой покой,
Меня души моей лишила!

Прелестный, мужественный взоръ,
Ума, души образованье,

Пріятность, нѣжный разговоръ,
Вотъ все его очарованье!

Могу ль, о лучшій изъ людей!
Молчать, тая свое мученье?
Одной отрадою моею
Твое осталось сохланье!

XVII.

Однажды богъ любви, съ Кипридой разлу-
ченый,

У свѣтлаго ручья въ лѣсточкѣ отдыхалъ.
Ребенокъ, случайно къ потоку приведенный,
Увидя снащаго, колчась его укралъ!

Доблчею гордая, и богомъ слыть желая,
Съ тѣхъ поръ себя вездѣ Амуромъ онъ зо-
ветъ;

Толпой безсмысленныхъ кокетокъ управляя,
Онъ мыслить, что ему покоренъ цѣлый
свѣтъ.

Но, ахъ, съ Амуромъ онъ и сродства не
имѣетъ!

Онъ вѣтренъ и жестокъ, и любить лишь себя!
Амуръ есть царь сердецъ; онъ ихъ судьбой
владѣетъ!

Амуръ—безмертвный богъ! а этотъ—лишь
дитя!

Тотъ стрѣлы мѣткою рукою направляетъ

И въ сердцѣ вѣчный огонь прямой любви
родить!

А сей не цѣлится и на-вѣтеръ стрѣляетъ!
Отъ легкихъ ранъ его минута исцѣлится!

Я бога богомъ чту, ребенка не страную!
Вѣдь богъ хранитель мой, такъ страшень
ли дитя?

Амуру вѣрнымъ быть Климеѣ я клянуся!
Когда ее люблю, то богомъ раненъ я!

XVIII.

Прости, герой, прости, любезной!
Въги, оставь сіи края!

О страшный часъ разлуки слезной!—
Съ тобою жизнь теряю я!

Прошли минуты наслажденій!
Ужъ болѣ счастья не вьдаты!

О, время сладкихъ восхищеній!
Придешь ли ты когда опять?

Ахъ, нѣтъ! не буду веселиться
Ничѣмъ ужъ въ бѣдной жизни сей!
На вѣкъ съ нимъ должно разлучиться,
Но онъ не зрѣтъ любви моею!

Не зрѣтъ сердечнаго терзанья!
Любовь героя не смягчитъ!

Съ холодною, безъ состраданья
Меня покинуть онъ сѣшнитъ!

Покинь меня, покинь, жестокой!
Погибели моею творецъ!

Мое спокойство не далеко!

Увы, страданьямъ смерть конецъ!

XIX.

Здѣсь тотъ поконяся, кто цѣлый вѣкъ ски-
тался.

Былъ добрый человекъ, и свято чтить
закопъ!

Когда бъ забавнѣйшимъ безумцемъ не былъ
онъ,

Тогда бъ изъ мудрецовъ мудрѣйшимъ
почитался!

1805.

КЪ П О Э З И И.

Чудесный даръ боговъ!

О, пламенныхъ сердецъ веселье и любовь,
О, прелестъ тихая, души очарованье—

Поэзія! съ тобой

И скорбь, и нищета, и мрачное изгнаше—
Теряютъ ужасъ свой!

Въ тѣни дубравы надъ потокомъ,

Другъ Феба, съ ясною душой,
 Въ убогой хижинѣ своей,
 Забывшій рокъ, забвенный рокомъ—
 Поетъ, мечтаетъ и—блаженъ!
 И кто, и кто не оживленъ
 Твоимъ божественнымъ влияньемъ?
 Цвилицы грубыя задумчивымъ бряцаньемъ
 Ланландецъ, дивнй сынъ снѣговъ,
 Свою туманную отчизну прославляетъ,
 И неискусственной гармоніей стиховъ,
 Смотри на бурные валы, изображаетъ
 И дымный свой шалапъ, и хладъ, и шумъ
 И быстрый бѣгъ саней, [морей,
 Летящихъ по снѣгамъ съ оленемъ быстроно-
 Счастливый жребіемъ убогимъ, [тимъ.
 Оратай, наклоняся на плугъ,
 Влекомый медленно усталыми волами—
 Поетъ свой лѣсъ, свой мирный лугъ,
 Вozы, скрипящи подъ спонами,
 И сладость зимнихъ вечеровъ,
 Когда, при шумѣ вьюгъ, предъ очагомъ бле-
 Въ кругу своихъ сыновъ, [сгнаннымъ,
 Съ напитокомъ пѣнымъ и киплящимъ,
 Онъ радость въ сердце льетъ,
 И мирно въ полночь засыпаетъ,
 Забывъ на дикія бразды пролитый потъ...
 Но вы, которыхъ лучъ небесный оживляетъ,
 Пѣвцы, друзья души моей!
 Въ печальномъ страствѣи минутной жизни
 Тернистую стезю цвѣтами усыпайте, [сей
 И въ пляскѣ сердца своей пламень изливайте!
 Да звукомъ вашихъ громкихъ лиръ
 Герой, ко славѣ пробужденный,
 Движитъ и потрясаетъ мѣръ!
 Да юноша воспламененный
 Отъ нихъ въ восторгъ слезы льетъ,
 Алтарь отечества лобзаетъ,
 И смерти за него, какъ блага, ожидаетъ!
 Да бѣдный труженикъ душою расцвѣтеть
 Отъ вашихъ пѣсенъ благодатныхъ!
 Но да обрушится вашъ громъ
 На сихъ жестокихъ и развратныхъ,
 Которые, въ стыдѣ, съ возвышеннымъ
 челомя,
 Невинность, доблести и честь поправъ
 погами,
 Деразуютъ величать себя полубогами!—
 Друзья небесныхъ музъ! пльбнися съ суетой?
 Презрѣвъ минутные успѣхи—

Ничтожный гласъ похваля, кпмвалный
 [звомя пустой—
 Презрѣвши роскоши угѣхи,
 Пойдемъ великихъ по сѣдамъ!—
 Стезя къ безмертно судьбой открыта намъ!
 Не остыдимъ себя хвалою
 Высокихъ жребіемъ, презрительныхъ ду-
 шую,—
 Дерземъ достойныхъ увѣчивать!
 Любимцу ль Фебову за призракомъ гоняться?
 Любимцу ль Фебову во прахѣ пресмыкаться,
 И униженіемъ Фортуны оболыцать?
 Потомство раздаетъ вѣнцы и посярмеленье:
 Дерземъ свой мавзолей въ алтарь преобра-
 О, слава, сердца восхищенье! [тить!
 О, жребій сладостный—въ любви потом-
 [ства жить!

ОПУСТЬВІЯЯ ДЕРЕВНЯ.

[ЩЕФВОДѢ].

О родина моя, Обурнъ благословенный!
 Страна, гдѣ селянинъ, трудами утомленный,
 Свой тягостный удѣлъ обильемъ услаждалъ,
 Гдѣ ранній лучъ весны пріятнѣе блисталъ,
 Гдѣ лѣто медлило разлукою съ полями!
 Дубравы тихія съ тѣнистыми главами!
 О, сѣни счастья, друзья весны моей,—
 Ужежъ не возвращу блаженства опыхъ дней,
 Волшебныхъ, райскихъ дней, когда, судьбой
 [забвенный,
 Я міромъ почиталъ сей край уединенный!
 О сладостный Обурнъ! какъ ждѣсь я счаст-
 ливъ былъ!
 Какія прелести во всемъ я находилъ!
 Какъ все казалось мнѣ всегда во цвѣтѣ
 повомъ!..
 Рыбачья хижина съ соломеннымъ покро-
 вомъ,
 Крылатыхъ мельницъ рядъ, въ кустарникѣ
 ручей;
 Густой, согбенный дубъ съ дерновою
 скамьей,
 Любимый старцами, любовникамъ знако-
 мый;
 И церковь на холмѣ, и скромныя сельски дома,
 Все мой пльбняло зорь, все духъ питало мой!
 Когда жъ, въ досужный часъ, шумящею
 толпой,
 Все жители сѣла подъ древній вязъ стека-
 лись,—

Какія тьмы утѣхъ очамъ моимъ являлись!
 Веселый хороводъ, звучащая свирѣль,
 Сраженія, спорный бѣгъ, стрѣльба въ далеку
 Проворства чудеса и силы испытанье, [дѣль,
 Веселый крикъ и плескъ — побѣды въ
 воздаянье,
 Отважные скачки, искусство плясунновъ,
 Свобода, рѣзвость, смѣхъ, хоръ пѣсней, гулъ
 роговъ,
 Красавицъ робкій видъ и тайное волненье,
 Старушекъ бдительныхъ угрюмость, подо-
 зрѣнье,
 И шутки юношей надъ бѣднымъ пастухомъ,
 Который весь въ пыли, съ уродливымъ
 лицомъ,
 Стоя въ кругу, смѣшляя свою простоту,
 И живость стариковъ за чашей круговою —
 Вотъ прежнія твои утѣхи, мирный край!
 Но гдѣ они? Гдѣ вы, луга, цвѣтущій рай?
 Гдѣ игры поселянъ, весельемъ оживлен-
 ныхъ?
 Гдѣ пышность и краса полей одушевлен-
 ныхъ?
 Гдѣ счастье? гдѣ любовь? Исчезло все —
 ихъ нѣтъ!..
 О, родина моя, о, сладость прежнихъ лѣтъ!
 О, нивы, о, поля, добычи запустѣнья!
 О, виды скорбныя развалинъ, разрушенья!
 Въ пустыню обращенъ природы пышный
 садъ!
 На тучныхъ нажитыхъ не вижу рѣзвыхъ
 стадъ!
 Унылость на холмахъ! Въ окрестности мол-
 чанья!
 Потока быстрый бѣгъ, прозрачность и
 сверканье
 Исчезли въ густотѣ болотныхъ дикихъ
 травъ!
 Ни тропки, ни слѣда, подъ сѣнями дубравъ!
 Все тихо! все мертво! замолкли пѣсней клки!
 Лишь цапли въ пустырь пронзительные
 крики,
 Лишь чибиса въ гауши печальный, рѣдкій
 стоиъ,
 Лишь тихій вдалекѣ звонокъ овечьихъ
 звонъ,
 Повременно сіе молчанье нарушаютъ!
 Но гдѣ твои сыны, о край утѣхъ, блуждаютъ?
 Увы! отчуждены отъ родины своей!

Далеко странствуютъ! Ихъ путь среди
 степей!
 Ихъ бѣдственный удѣлъ — скитаться безъ
 покровъ!..
 Погибель той странѣ копецная готова,
 Гдѣ злато мнѣжится и выветъ цвѣтъ людей!
 Презрѣнно счастье вельможей и князей! —
 Ихъ мигъ одинъ творить и мигъ уничто-
 жаетъ!
 Но счастье поселянъ съ вѣками возрастаетъ;
 Разрушившись, оно разрушится на вѣкъ!..
 Гдѣ дни, о Альбионъ, гдѣ сельскій человекъ,
 Подъ сѣнью твоего могущества почтенный,
 Владѣлецъ нивъ своихъ, въ трудахъ
 не угнетенный,
 Природы гордый сынъ, влелеянъ простотой,
 Богатый здравіемъ и чистою душой, —
 Убожества не зная, не лгсяся благо
 стянканьемъ,
 И былъ стоградъ блаженъ сокровищъ
 незнаемъ?
 Дни счастья! Ихъ нѣтъ! Корыстною рукою
 Орадай отчужденъ отъ хижины родной!
 Гдѣ прежде нивъ моря, блистая, волно-
 валась,
 Гдѣ рощи и холмы стадами огланились,
 Тамъ нивъ хищниковъ владычество одно!
 Тамъ все подъ горами богатствъ погребено!
 Тамъ муками суетъ безуміе страдаетъ!
 Тамъ роскошь посреди сокровищъ изды-
 хаетъ!
 А вы, часы отрады, невинность, тихій
 сонъ!
 Желанья скромныя! надежды безъ пренонъ!
 Златое здравіе, трудновъ благословенъ!
 Безпечность! миръ души! въ заботахъ
 наслажденъ! —
 Гдѣ вы, прелестные? Гдѣ вашъ цвѣтущій
 слѣдъ?
 Въ какой далекій край направленъ вашъ
 полетъ?
 Ахъ! съ вамъ сельскихъ благъ и доблестей
 не стало!..
 О, родина моя, гдѣ счастье процвѣтало!
 Прошли, навѣкъ, прошли твои златые дни!
 Смотрю — лишь пустыри заглохшіе одни,
 Лишь дичь безмолвную, лишь тундры
 обрѣтаю!
 Лишь вътру, въ осокъ снѣгаемъ, внимаю!

Скитаюсь по полямъ — все пусто, все
молчить!
Къ мнѣ вмигъ ли часамъ душа моя летитъ?
Ищу ли лижины рыбачей надъ рѣкою,
Иль дуба на холмѣ съ дерновою скамьею,
Напрасно! Скрылось все! Пустыня предо
мною!

И воспоминаше смѣняется тоской!..

Я въ свѣтѣ странникъ былъ, ищеще
уединенный!
Влача участокъ бѣды, Творцомъ мнѣ
удѣленный,
И сладкою себя надеждой обольщалъ
Тамъ кончить мирно вѣкъ, гдѣ жизни
даръ пріять!
Въ странѣ моихъ отцовъ, подъ сѣнью
древъ знакомыхъ,
Исторгнись изъ толпы заботами гнетомыхъ,
Свой тусклый пламеникъ отъ траты
сохранить
И дни отшельства покосомъ озлатить!
О, гордость!.. Я мечталъ, въ сихъ хижинахъ
забвенныхъ,
Слыть чудомъ посреди оратаевъ смирен-
ныхъ;
За чарой, у огня, въ кругу ихъ толковать
О томъ, что въ долгій вѣкъ могъ слышать
и видать!
Такъ заяць, по полямъ станицей неговъ
гонимый,
Измученный бѣжать опять въ лѣсокъ
родимый!
Такъ мнилъ я, переждавъ изгнанничества
срокъ,
Придти, съ остаткомъ дней, въ свой отчій
уголокъ!
О, дни преклонные въ тѣни уединенья!
Блаженъ, кто юныхъ аѣтъ заботы и волненья
Вънчасть въ старости безпечной тишиной!..

Д Р У Ж Б А .

Скатились съ горной высоты,
Лезалъ на прахъ дубъ, перунами разбитый,
А съ нимъ и гибкій плещъ, кругомъ его
О, дружба, это ты! [обвѣтый...]

1806.

Мой другъ бездѣльный, будь спокойна!
Да будущаго мракъ — тебя не устранишь!
Душа твоя чиста! ты счастья достойна!
Тебя Всевышній наградить!

24. ПОСЛАНИЕ ЭЛИЗЫ КЪ АБЕЛЯРУ. [СЪ АНГЛІЙСКАГО].

Въ сихъ мрачныхъ келияхъ обители
святой,
Гдѣ вѣчно царствуетъ задумчивый покой,
Гдѣ, умиленная надъ холодными гробами,
Душа бесѣдуетъ, забывшись, съ небесами,
Гдѣ въра въ тишинѣ святыхъ слезы льетъ
И меланхолія печальная живетъ, —
Что сердце мирныя весталки возмутило?
Что въ немъ потухшій огонь опять вос-
пламенило?
Какой волшебный гласъ, какой прелестный
видъ
Увидящую въ тоскѣ опять животворить?
Увы! еще люблю!.. Нечезни заблужденья!
Сей тревель внутренній, сіе души волненья
При видѣ милыхъ строкъ знакомыхъ руки,
Сіе смѣшеніе восторга и тоски —
Не суть ли признаки любви не побѣжденной?
Супругъ мой, Абельяръ! О, имя незабвенно!
Дерзну ль священныи храмъ тобою огласить?
Дерзну ли съ Творческимъ тебѣ совокупить,
Простертая въ пыли, молясь предъ алтарями?
О, страшныя черты! да смою ихъ слезами!
Преступница! къ кому, что смѣешь ты
писать?
Кого въ обителяхъ святыхъ призывать?
Небесный твой супругъ во гнѣвѣ предъ
тобою!
Творецъ, Творецъ! смягчись! вотче борюсь
съ собою!
Гдѣ власть противъ любви? Чѣмъ сердце
укротить?
Какимъ могуществомъ сей пламень поту-
шить?
О, стѣпы мрачныя! о, скорбныхъ заточенья!
Пустыней страшный видъ! лѣсовъ уеди-
О, дикія скалы, пзытыя мольбой! [пенья!
О, храмъ, гдѣ близъ мощей, съ лампадой
гробовой,
И юность и краса угаснуть осужденны!

О, лики хладные, слезами орошены!
 Могу ль, подобно вамъ, въ душѣ окаменѣть?
 Могу ль, огнемъ любви сгорая, охладѣть?
 Ахъ, нѣтъ! не божество душой моею
 владѣть!

Она тобой, тобой, супругъ мой, пламенѣть!
 Къ тебѣ, мой Абельяръ, съ молитвами летить!
 Тебя въ жару, въ тоскѣ, зоветь, боготворить!..
 Ахъ, тицетно рвать себя, вопице томить
 слезами!

Когда руки твоей столь милыми чертами
 Мой взоръ былъ пораженъ—вся сладость
 прежнихъ дней,
 Все забытые часы любви твоей
 Воскресли предо мной!—О, чувство оча-
 ровань!

О, невозвратнаго блаженства воспоминань!
 О, дни волшебныя, которыхъ больше нѣтъ!
 Вотще, мой Абельяръ, твой гласъ меня
 зоветь—

Протисъ—навѣкъ, навѣкъ!—съ погиб-
 шей Элизой!

Во мглѣ монастыря, подъ иноческой ризой,
 Въ книжныя пыльных лѣтъ, съ толь пла-
 менной душой,
 Томиться, увядать, угаснуть—жребій мой!
 Здѣсь вѣра грозная все чувства умерщ-
 вляетъ!

Здѣсь славы и любви свѣтильникъ не
 пылаетъ!

Но, нѣтъ!.. ниши комъ! ниши! Соединимъ
 Мученіе мое съ мученіемъ твоимъ!

О, мысль отрадная! о, сладкое мечтанье!
 Съ тобою духомъ жить! съ тобой дѣлать
 страданье!

Дѣлать?—Ночто жъ дѣлать?—Пусть буду
 я одна,

Мой другъ, мой Абельяръ, страдать осуждена!
 Ниши ко мнѣ! Писать—небесъ изобрѣтенъ!
 Любовница въ тоскѣ, любовникъ въ заточ-
 ченьѣ,—

Быть можетъ, пѣкогда нашли блаженство
 въ немъ!

Какъ сладко, разлучась, бесѣдовать съ
 перомъ!

Черты волшебныя, черты одушевленны!
 Черты, святымъ огнемъ любви воспламе-
 ненны!

Иль страстная душа въярять жребій свой!

Въ нихъ дварабкая, съ сердечной простотой,
 Все тайны пыльных чувствъ, весь жаръ
 свой изливаетъ!

Въ нихъ все протекшее для сердца оживаетъ!
 Почто жъ протекшихъ дней ничто не
 возвратитъ?

Когда любовь твоя, припявши дружбы видъ,
 Въ небесной красотѣ очамъ моимъ явилась—
 Съ какой невинностью душа моя илѣнилась!
 Ты мнѣ представился немертвымъ су-
 ществомъ!

Какимъ твой взоръ сиялъ илѣнительнымъ
 лучомъ!

Сколь былъ краснорѣчивъ, любовью оза-
 репной!

Земля казалось мнѣ со мною обновленною!
 Я въ сладкой игѣ чувствъ, съ открытою
 душой,

Безъ страха, все забывъ, стояла предъ тобой;
 Ты съ силой божества, съ небеснымъ
 убѣжденіемъ,

Любовь изображалъ всехъ благъ соеди-
 неньемъ!

Твой гласъ довѣренность во грудь мою
 вливалъ!

Ахъ! какъ легко меня сей гласъ очаровалъ!
 Въ объятіяхъ твоихъ, въ сладчайшемъ
 изступленьи,

Въ неслышимомъ блаженствѣ упоенъ,
 Могла ль я небесамъ не предпочесть тебя!
 Могла ли не забыть людей, Творца, себя!

.....

ОТРЫВОКЪ ПЕРЕВОДА ЭЛЕГІИ.

[изъ парин].

Въ разлукѣ, я некаль смигченъя тяжкихъ
 бѣдъ;

Вѣжалъ отъ мнѣхъ странъ, тобою оза-
 репныхъ,

Бродилъ во мглѣ пустынь, ужасныхъ и
 забвенныхъ...

Повсюду тишина! Нигдѣ покоя нѣтъ!

По ребрамъ дикихъ скалъ, извитою тропою

Вхожу на сей утесъ со мшистою главою,—

Какимъ виднѣемъ внезапно пораженъ!

Какая дивная безмѣрности картина!

Сей древній океанъ въ брегахъ не за-
 ключенъ!

Вдаль сдвигаясь съ нимъ лазурная пучина!

То свѣжій вѣтерокъ здѣсь вѣсть надо
мною—
То вихрей и громовъ внимаю трескъ и вой!
Горѣ, на грудахъ льдовъ, чертогъ зимы
блистасть—

А долу ярый зной поля опустошасть!
Плающую волканъ пожралъ сѣи страны!
И зрѣлъ его слѣды на камняхъ опаленныхъ!
Умолкли хоры птицъ! Поля обнажены!
Нѣтъ сѣней на деревьяхъ, на пепелъ на-
клоненныхъ!
Въ ужасный, шнитея, гробъ весь міръ
преображенъ!
Все пусто! все мертво!—Умри же страст-
ный стонъ!

Умрите, сладки вспоминая,
Влекущій мой духъ въ протекши времена!
Умрите, буйныя желанья,—
Или мѣпняйтесь, какъ она!
Вотще во тѣмъ лѣсовъ скрываюсь!
И здѣсь могучей красотой
Она блистасть предо мною!
И здѣсь слезами обливаюсь,
Стремясь душою къ ней одной!

О небо, исполни страдающимъ утешень!
Погибни, страстный жаръ! Смирись, души
волнень!

Умри, умри, любовь, воскресная опять!
О, воспоминаніе жестокой перемены!
Ахъ! если бь мы могли невѣрныхъ
забывать

Въ минуту ихъ измѣны!

Природа, предъ тобой восторженный сми-
риosity!

Коль страшенъ мракъ лѣсовъ! Коль дикъ
пустышей видъ!

Какъ вес, могущая, тебя благоветитъ!
О, грозныя красы! Дивность и содрогань!

• • • • •

И П С Н Я.

[подражаніе].

Когда я былъ любимъ—въ восторгахъ,
въ наслажденъ,
Какъ сонъ плѣнительный, вся жизнь моя
текла;

Но я тобой забыть—гдѣ счастья приви-
дѣнье?

Ахъ! счастьемъ моимъ любовь твоя была!

Когда я былъ любимъ—тобою вдохно-
венный,

Я пѣлъ; моя душа хвалою твоею жила!

Но я тобой забыть—погибъ мой даръ
мгновешный:

Ахъ! гениемъ моимъ любовь твоя была!

Когда я былъ любимъ—дары благодѣянья
Въ обитель нищеты рука моя несла!

Но я тобой забыть—нѣтъ въ сердцѣ со-
страданья!

Ахъ! благодетью моею любовь твоя была!

О Т Р Ы В О К Ъ.

[подражаніе].

О, счастье дней моихъ! Куда, куда стре-
мишься?

Златая, быстрая фантазія, постои!

Неумолимая! ужель не возвратишься?

Ужель навѣкъ?.. Летитъ, вес манитъ за

Сокрылись сердца привидѣнья! [собою!]

Сокрылись сладкія души моей мечты!

Надежды смѣлыя, въ надеждахъ насла-
жденья!

Увы! прелестный міръ, разрушился и ты!

Гдѣ лучъ, которымъ озарялся

Путь юности среди весеннихъ пылкихъ
дней,

Гдѣ идеалъ святой, которымъ я плѣнялся?

О, вы, творенія фантазій моей!

Вась пѣтъ, вась пѣтъ! Существенностью
злой

Что пѣкогда цвѣло столь пышно предо мною,

Что я божественнымъ, безсмертнымъ по-
читать,—

На вѣкъ разрушено!.. Стремленіе къ бла-
женству,

О, вѣра, сладкая земному совершенству,

О, жизнь, которою весь міръ я наполнялъ,

Гдѣ вы? Погибло все! погибъ творящій
гений!

Погибли призраки волшебныхъ заблуд-

Какъ пѣкогда Пигмалионъ, [жденій!..]

Съ надеждой и тоской объеми хладный
камень,

Мечтая слышать въ немъ любви унылый
 стонъ,
 Стремился перелить весь жаръ, весь
 страстный пламень,
 Вею жизнь своей души въ созданіе рѣзца,
 Такъ я, воспитанникъ свободы,
 Съ любовью, съ радостнымъ волненіемъ
 Дышалъ въ объятіяхъ природы [рѣзца,
 И мнилъ бездушную согрѣть, одушевить!
 Она подвиглась, воспылала!
 Безмолвная могла со мною говорить,
 И пламеннымъ мномъ лобзаньямъ отвѣчала!

САФИНА ОДА.

Блаженъ, кто близъ тебя однимъ тобой
 нылаеть,
 Кто прелестью твоихъ рѣчей обвороженъ,
 Кого твой шептъ взоръ, улыбка восхи-
 съ богами онъ сравненъ! [шаеть,—
 Когда ты предо мной, въ душѣ моей вол-
 нешь,
 Въ крови палящій огонь! въ очахъ по-
 меркнулъ свѣтъ!
 Въ трепещущей груди и скорбь и па-
 Ни словъ, ни чувства нѣтъ! [слаженъ!
 Лежу у милыхъ ногъ, горю огнемъ желанья!
 Блаженствомъ страстные тоски утомлена!
 Въ слезахъ, вся трепещу, безъ силы,
 И жизни лишена! [безъ дыханья!

ИДИЛЛІЯ.

[подражаніе].

Когда она была настукикою простой,
 Цвѣла невинностью, невинностью блестяла,
 Когда слыла въ селѣ дѣвичьей красотой,
 И кудри свѣтлыя цвѣтами убирала—
 Тогда ей нравились и пѣшестый ручей,
 И лугъ, и сѣнь лѣсовъ, и миръ мой до-
 Гдѣ и пѣняль ее свирѣлю моей, [лпы,
 Гдѣ я такъ счастливъ былъ присутствіемъ
 Алпы.
 Теперь... теперь прости, душа мой покой!
 Алина гордая столицы украшенъ;
 Увы! окружена ласкателей толпой,
 За лестъ ихъ отдала любви боготворенъ,
 За пышный злата блескъ душистые цвѣты;
 Свирѣли тихій звукъ Алпы не прельщаетъ;

Алина предпочла блаженству—суеты;
 Собою занята, меня въ лицо не знаетъ.

ПРОЩАНІЕ СТАРИКА.

[переводъ].

Прости, мятежное души моеи волненье,
 Прости, палящій огонь пѣвущихъ жизни
 лѣтъ,
 Прости, безумное за славою стремленье!
 Для васъ въ моей душѣ ни слезы, ни
 вздоха нѣтъ!
 Мечты разрушены! исчезло привидѣнье!
 Но ты, восторгъ души, всёхъ буйныхъ
 чувствъ покой,
 О, сладость тихая, о, сердца восхищенъ!
 Тебя, любовь, тебѣ теряю со слезой!

ВЪ ЧЕРЪ.

одеги.

Ручей, вьющійся по свѣтлому песку,
 Какъ тихая твоя гармонія пріятна!
 Съ какимъ сверкашемъ катишься ты въ
 Приди, о муза благодатна, [рѣку!..
 Въ вѣнкѣ изъ юныхъ розъ съ цвѣтницею
 златой;
 Склонись задумчиво на пѣнистыя воды,
 И, звуки ожививъ, туманный вечеръ пой
 На лонѣ дремлющей природы.
 Какъ солнца за горой пѣните. лепъ закатъ—
 Когда поля въ тѣни, а рощи отдаленны
 И въ зеркалѣ воды колеблющійся градъ
 Багрянымъ блескомъ озаренны;
 Когда съ холмовъ златыхъ стада бѣгутъ
 къ рѣкѣ,
 И рева гулъ гремитъ звучнѣ надъ водами;
 И, сѣти склавъ, рыбаки на легкомъ чел-
 Плыветъ у берега межъ кустами; [похъ
 Когда пловцы шумятъ, скликаясь по
 стругамъ,
 И веслами струи согласно разсѣкаютъ;
 И, плуги обративъ, по глыбистымъ браз-
 Съ полей орагаи съѣзжаютъ... [дамъ
 Уже вечеръ... облаковъ померкнули края;
 Последний лучъ зари на башняхъ уми-
 расть;
 Последняя въ рѣкѣ блестящая струя
 Съ потухшимъ небомъ угасаетъ.

Все тихо: роица спать; въ окрестности
 покой;
 Простершись на травѣ подь ивой наблю-
 ненной,
 Внимаю, какъ журчитъ, слышася съ
 Потокомъ, кустами осѣненной. [рѣкой,
 Какъ слытъ съ прохладою растеній өи-
 міамъ!
 Какъ сладко въ тишинѣ у берега струй
 плесканье!
 Какъ тихо вѣянье зефира по водамъ,
 И гибкой ивы трепетанье!
 Чуть слышно падъ ручьемъ колышется
 тростникъ;
 Глазъ ивѣтла вдали уснувши будить сельы;
 Въ травѣ коротеля я слышу дикій крикъ,
 Въ лѣсу стенавье Филомелы...
 Но что?.. Какой вдали мелькнулъ вол-
 небный лучъ?
 Восточныхъ облаковъ хребты воспламе-
 нилсъ;
 Осыпанъ искрами во тьмѣ журчацій ключъ;
 Въ рѣкѣ дубравы отразилсъ.
 Луны ущербный ликъ встаетъ изъ-за
 холмовъ...
 О, тихое небесъ задумчивыхъ свѣтло,
 Какъ зыблется твой блескъ на сумракѣ
 Какъ блѣдно брегъ ты озлатило! [лѣсовъ!
 Сижу, задумавшись; въ душѣ моей мечты;
 Къ протекшимъ временамъ лечу воспо-
 мнаньемъ...
 О, дней моихъ весна, какъ быстро скры-
 лась ты.
 Съ твоимъ блаженствомъ и страданьемъ!
 Гдѣ вы, мои друзья, вы, спутники мои?
 Ужели никогда не зрѣтъ соединенья?
 Ужели изгинули вѣхъ радостей струй?
 О вы, погибши наслажденья!
 О, братья! о, друзья! гдѣ нашъ священ-
 ный кругъ?
 Гдѣ ибси пламенны и музамъ и свободѣ?
 Гдѣ вакховы шры при шумѣ зимнихъ
 Гдѣ клятвы, даншыя природѣ, [вьюгъ?
 Хранить съ огнемъ души нетлѣнность
 братскихъ узъ?

И гдѣ же вы, друзья?.. Или всякъ своей
 тропою,
 Лишенный спутниковъ, ваача сомнѣній
 Разочарованный душою, [грузъ,
 Тащитесь осужденъ до бездны гробовой?..
 Одинъ—минутный цвѣтъ—почилъ, и не-
 пробудно,
 И гробъ безвременный любовь кропить
 Другой... о, небо правосудно!.. [слезой.
 А мы... ужели дерзнемъ другъ другу
 чужды быть?
 Ужели красавицъ взоръ, или почестей
 исканье,
 Или суетная честь пріятнымъ въ свѣтѣ
 слытъ
 Заглядая въ сердцѣ воспоминавье
 О радостяхъ души, о счастья юныхъ дней,
 И дружбѣ, и любви и музамъ посвящен-
 ныхъ?
 Ибтъ, ибтъ! пусть всякъ идетъ вослѣдъ
 судьбѣ своей,
 Но въ сердцѣ любить незабвенныхъ...
 Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
 Быть другомъ мирныхъ сельы, любить
 красы природы,
 Дышать подь сумракомъ дубравной ти-
 шной,
 И, взоръ склонивъ на ибны воды,
 Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать.
 О, ибси, чистый плодъ невинности сер-
 дечной!
 Блаженъ, кому дано цвѣтущей оживлять
 Часы сей жизни скоротечной!
 Кто, въ тихій утра часъ, когда туман-
 ный дымъ
 Ложится по полямъ и холмы облачаетъ,
 И солнце, восходя, по роицамъ голубымъ
 Спокойно блескъ свой разливаєтъ.
 Сибнигъ, восторженный, оставя сельскій
 кровъ,
 Въ дубравѣ уредить пернатыхъ пробуж-
 жденье,
 И, лиру соглася съ свирѣлью пастуховъ,
 Поетъ свѣтла возрожденье!
 Такъ, ибтъ съ мой удѣлъ... по долго ль?..
 Какъ узпать?..

Ах! скоро, можетъ быть, съ Минваною
улылой
Придешь сюда Альпинъ въ часъ вечера
Надъ тихой юноши могилой! [мечтать

КЪ ЭДВИНУ.

[м. и. ю.].

[съ англійскаго].

О юноша! лети, подъ зоной отдаленной,
Иныхъ друзей, надеждъ и радостей некаты!
Ища побѣдъ, толпой прелестной окру-
женной;
Оставь, оставь меня въ печаляхъ увидать!
Ахъ! жить, дѣлаясь съ тобою и сердцемъ
и судьбою,
Сей жребій сладостный, сей даръ не для
меня!..
Но если не совѣмъ отринута тобою,
Эдвинъ, не позабудь, не позабудь меня!
Когда жъ—быть можетъ!—видъ любов-
ницы въ страданъѣ
Нарушить тишину, мой другъ, души твоей:
Тогда протекшаго заглади воспомнанье,
Тогда покой себя, тогда забудь о ней!
Но можетъ быть и то,—что, въ ужасахъ
мученья,
Какъ блага будешь ждать рѣшительнаго дня,
Ждать будешь, но вотще, друзей и уса-
жденія,
Тогда—не позабудь, не позабудь меня!

ОТРЫВОКЪ

изъ дѣлиева «ДИОПРАМБА НА БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ».

На лопѣ вѣчности безмолвной,
Въ непозрачаемыхъ лучахъ,
Безсмертіе, порока страхъ
И щитъ невинности безкровной,
Отъ Крона, мощнаго рунителя міровъ,
Добра подвижникабвъ спасаетъ,
И преступленіе исторгаетъ
Изъ страшной пристали гробовъ!
Такъ, молній Вѣчнаго надменній похи-
титель,
О ты, кичащійся надъ скорбною правотой,
Земли ничтожный утѣснитель!
Страшнѣе: безсмертіе жребій твой.
А ты, отъ сладостной отчизны отлученный,
О, жертва мирная, минузный гость земной,
Ты, странникъ, тайною рукою огражденный.

Страдалецъ! ободрись: безсмертіе жребій
твой!

РАЗГОВОРЪ.

[изъ парии].

— Какъ звать тебя, чудакъ? Кто ты?
— «Я богъ Амуръ!»
— Обманывай другихъ! Ты шутишь, ба-
лагуръ!
— «Ничуть! Свидѣтель Богъ! Амуромъ
называюсь!»
— Быть такъ! Но кто тебѣ далъ стра-
нный сей уборъ?
— «Кто далъ? Весь Вожій свѣтъ! Обы-
чай, городъ, дворъ!»
— Какой безстыдный взглядъ! Нахаль-
ность! Удивляюсь!
— «Простакъ! невинности ужъ ниче
негдѣ взять!»
— Куда ты дѣля свой лукъ, колчанъ,
свѣтлицыкъ, стрѣлы?
— «На что они! безъ нихъ могу тор-
жествовать!»
«Упорныхъ больше итъ! Мужичны стали
смѣль!»
— Какой переворотъ!.. А гдѣ же твой
покровъ,
Омытый иногда прелестныхъ глазъ слезами?
— «Хватился!.. Потерялъ». — О жалкій
изъ боговъ!
Но что? Ты весь въ шерсти! съ козли-
ными ногами,
Съ гремушкой! маскою! въ дурацкомъ
шущунѣ!
Зачѣмъ такой нарядъ? пожалуй объяснися!
— «По милости его весь міръ подвла-
стенъ мнѣ!»
— Ты царь? — «Я богъ!» — Не мой! —
«Всевѣчный!» — Отвяжися!

МАРТЫШКА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ КИТАЙСКІЯ ТѢНИ.

ВАСПИ

[изъ «Флоріана»].

Творцы и прозой и стихами,
Которыхъ громкій слогъ пугаетъ весь
Парнасъ,
Которые полить себя не властны сами,
Поймите мой разсказъ!

Одинъ фигуляръ въ Москвѣ показывалъ
 Съ волшебнымъ фонаремъ. На картѣхъ ли
 гадать,
 Взбираться ль по шнурѣ на крышку,
 Или кувыряться и въ присядку пля-
 По гибкому канату, [сать
 Иль спичкой выпрямись, подъ шляпою съ
 На задни лапки ставь, ружьемъ, [перомъ,
 Какъ должно прусекому солдату,
 Метать по слову артикулъ:
 Потапъ всему гораздъ. Не звѣрь, а утѣ-
 Однажды въ воскресенье [шенъ!
 Хозяинъ, подкуривъ, на улицѣ заснулъ.
 Потапъ торжественно. — «Ужъ то-то погуляю!
 И я итукарь! И я, народъ какъ тѣшить,
 Бѣжить, зоветь гостей: [знаю!»
 Индюшекъ, поросятъ, собакъ, котятъ, гусей!
 Сошлись. — «Сюда! Сюда! скорѣй скамьи,
 Въ закуту господамъ! [подушки
 Добро пожаловать; у входа ни подушки,
 Изъ чести игрище!» — Ужъ гости по мѣ-
 стамъ,
 Приносится фонарь, все окна затворились,
 И свѣчи потушились.
 Потапъ, въ суконномъ колпакѣ,
 Сѣ указкою въ ругѣ,
 Съ жеманной харею, явился предъ собо-
 Пренизкій веѣмъ поклонъ; [ромъ;
 Потомъ съ кадушкы рѣчь, какъ Ци-
 церонъ;
 Заставилъ всехъ зѣвать, и хлопать цѣ-
 Довольный похвалой, [лымъ хоромъ!
 Съ картишкою стекло тотчасъ въ фонарь
 вставляеть!
 — «Смотрите: вотъ луна, вотъ солнце! —
 возглашаетъ:
 Вотъ съ Евою Адамъ, скоты, ковчегъ и Ной!
 Вотъ славный царь-горохъ съ морковкою-
 царцей!
 Вотъ журка-долгоносъ обѣдаеть съ лисенцъ!
 Вотъ небо, вотъ земля... Что? видно ли?» —
 Моргають, морщатся, вряхтятъ! [Глядятъ,
 Напрасно! Итъ слѣда великолѣпной сце-
 ны! —
 «По чести, котъ шеннулъ, кудрявыхъ
 много словъ!
 Но, Богъ съ нимъ, гдѣ онъ взять царей,
 царидъ, скотовъ!

Зги Божьей не видать! одни въ потем-
 кахъ стѣны!»

— Темно, соедушка, скажу и я:

Примолвила свинья.—

«Мнѣ видится! вотъ!... вотъ!... я, правда,
 близорука!

По что-то хорошо! Ой старость! то-то скука!
 Ужъ было бы о чемъ съ дѣтьми поговорить!»

Индѣйка кричала, хлопъ-хлопъ сквозь сонъ
 глазами.

А нашь Потапъ? Кричать, гремитъ, стучать
 ногами!

Одно лишь позабылъ: фонарь свой освѣтить!

СОКОЛЬ И ГОЛУБКА.

БАСНЯ

[изъ флоріана].

Голубку соколь дралъ въ когтихъ.

«Попалась! пу, теперь оставь свои затѣи!

Плутовка! знаю васъ! ругательницы, змѣи!

Вашъ родъ соколю вѣчный врагъ!

Есть боги-мететели!» — Ахъ, я бѣ того
 желала!

Голубка, чуть дыша, измятая степенала.—

«Какъ! какъ! отступница! невѣровать бо-

Не вѣрять силѣ Провидѣнья! [гамъ!

Хотѣлъ тебя пустить; не стоишь, вижу самъ.

Умри! безбожнымъ пѣть проценя!»

МАРТЫШКИ И ЛЕВЪ.

БАСНЯ

[изъ флоріана].

Мартышки тѣшились лаптой;

Вотъ какъ: одна изъ нихъ, сядя на шѣ,
 держала

Въ колѣняхъ голову другой;

Та, лапки на снину, зажмурясь, узнавала,

Его биль. — Хлопъ-хлопъ! «Потапъ, про-
 ворѣй! Кто?» — Мирошка!

«Совралъ!» — и все, какъ бѣсы, врозь!

Пряжки; кувырканье впередъ, и взадъ, и
 вкось;

Крикъ, хохотъ, шикъ! Одна мяукаетъ,
 какъ кошка,

Другая, ноги вверхъ, повисла на суку;

А третья ну скакать сорокой по песку!

Такого поскать веселья!

Вдругъ изъ лѣсу на шумъ выходитъ левъ,
 Учепый, смиренный принцъ, братъ впечат-

ный царевъ:

Ботанизироваль по рошѣ отъ бездѣля.

Маргышкамъ мать;

Ни никауть, струсили, дрожать!

«Здѣсь праздниѣ! Левъ сказалъ: Что жъ тихо? Забавляйтесь!

Играйте, дѣтушки, не опасайтесь!

Я добръ! Хотите ли и самъ въ игру войду!»

—Ахъ! милостивый князь, какое снисхожденье!

Какъ вашей свѣтлости быть съ нами наряду!

Съ маргышками играть! вашъ санъ! нашъ долгъ! почтенье!..—

«Пустое! что за долгъ! я такъ хочу! смѣль!»

Не всё ли мы равны! Вы бѣ сами то жъ

сказали, когда бы такъ, какъ я, философвъ читали!

Я, дѣтушки, не чванъ! Вы знатности моей

не трусьте! Ну, начнемъ!» Маргышки

верть глазами, и, вѣря {какъ и всё} привѣтника словамъ,

Опять играть; гвоздятъ другъ друга по

рукамъ. Братъ царскій хлопъ! и вдругъ подъ цар-

скими когтями

Изъ ланки брызжетъ кровь клячочомъ!

Маргышка—ой!—и прочь, тряся хвостомъ,

Кто билъ, не думавъ, отгадала;

Однако промолчала.

Хочетъ князь; другіе, ротъ скривъ,

Туда жъ за баринномъ смѣются,

Хотя отъ смѣха слезы льются;

Изадомъ, задомъ, вълѣсь! Вѣгутъ и про себя

Бормочуть: не играй съ большими господами!

Добрѣйшіе изъ нихъ—съ когтями!

ССОРА ПЛѢШИВЫХЪ.

ВАСИЯ

[изъ флоріана].

Два кума лысые дорогой шли,

И видять, что-то на травѣ блистаетъ.

Ну!—думаютъ—мы кладъ нашли!

«Моя находка!»—Вздоръ!—Ужъ кумакумъ

И въ синцу и въ бока! [толкаетъ

Увы! послѣдняго сѣдого хохляка

На гладкихъ лысинахъ не стало!

За что же дѣло стало?

За что свирѣный бой?—

За гребень роговой!

КОТЪ И ЗЕРКАЛО.

ВАСИЯ

[изъ флоріана].

Невѣжды-мудрецы, которыхъ вѣкъ про-

ходитъ

Въ исканіи такихъ вещей,

Какихъ никто никакъ въ семь міръ не

находить,

Послѣдуйте коту, и будьте поумнѣй!

На дамскомъ туалетѣ

Сидѣлъ Федотка котъ,

И чистилъ морду... Вдругъ, глядъ въ зер-

кало: Федотъ

И тамъ. Точъ въ точъ! сходящій двухъ

харей нѣтъ на свѣтъ.

Шереть дыбомъ, прыгъ къ нему, и мор-

дой целкъ въ стекло,

Мяукнулъ, фыркнулъ!.. «Понимаю!

Стекло прозрачное! онь тамъ! понимаю!»

Вѣжить... О чудо!—никого.

Задумалъ: куда бѣ такъ скоро провалиться?

Вѣжить назадъ! Опять Федотка передъ нимъ!

«Постой, я знаю какъ! ужъ быть тебѣ

монь!»

Нашъ умница верхомъ на зеркало садится,

Боясь, чтобъ, ходя вкругъ, кота не упу-

стить,

Пли чтобъ тамъ и тутъ въ одну минуту

быть!

Припалъ, какъ воръ, вертитъ глазами;

Двѣ ланки здѣсь, двѣ ланки тамъ;

Весь вытянутъ, мурчитъ, глядитъ по сто-

ронамъ;

Нагнулся... Вотъ опять хвостъ, ланки,

посъ съ усами.

Хватъ-хватъ! когтями цапъ-царапъ!

Далъ промахъ, сорвался и бухъ на сто-

ликъ съ рамы;

Кота же пѣтъ какъ пѣтъ. Тогда, жалѣя

лапъ—

[Замѣьте, мудрецы упрямы!]

И вѣдать не хотя, чего нельзя понять,

Федотъ нашъ зеркалу поклонъ отвѣсилъ

низкій;

А самъ отправился съ мышами воевать,

Мурлыча про себя: «Не всё къ намъ

вещи близки!

Что тягостно уму, того не пужно знать!»

ГОЛУБКА И СОРОКА.

БАСНЯ

[изъ ФЛОРИАНА].

Голубка дворъ обь дворъ съ сорокою жила,
Сокровищемъ, а не соебдой.

Въ гнѣздѣ одной любовь цвѣла;

У той, напротивъ, дель безъ шума рѣдкой,
Битье яицъ, ворчанье, споръ!

Лишь только шьяный мужъ сороку поко-
лотить,

Она тотчасъ летѣтъ въ соебдушкѣ во дворъ,
Щебечеть, крещеть, вопить:

«Охъ! горьку, мать моя, пришлось мнѣ
чану пить!»

Ужъ видно такъ и вѣкъ прожить!

Дать Богъ мнѣ муженька! мучитель,
окаянной!

Житья нѣтъ! бьеть меня безношлянно,
безданно!

Ревнивецъ! а какъ самъ—таскаться за
Голубка слушала, качая головой. [совой!]

—И ты, примолвила, соебдка, не святая!—

«То такъ, не безъ грѣха! Случается и мнѣ
И лишнее сказать, и спорить, и въ винѣ!

Признаться не хотѣтъ, неправду утверждая;
Но это все пустякъ!» — И, нѣтъ! какой
пустякъ?

Напротивъ, мой совѣтъ: когда не любишь
дракъ,

Исправь себя!—«А въ чемъ прикажете
исправить?»

Неправъ! Совѣтница! Смѣшна съ своимъ
умомъ!

Взмаешь другихъ учить; собой не смѣяла
Сиди-ка надъ гнѣздомъ!» [править!]

СУРКИ И КРОТЪ.

БАСНЯ

[изъ ФЛОРИАНА].

Свои намъ недостатки знать,

И въ недостаткахъ признаваться—

Какъ небо и земля: скорѣй отъ бѣдъ стра-
чьмъ бѣдъ виною называться!

Въ примѣръ вамъ разскажу не басенку,
Чудна, но справедлива. [а былъ.

Я очевидецъ самъ такого дива,

И, право, не хочу пускаться въ глаза вамъ
нравъ!

Однажды на лужокъ, лишь только солнце
Проказники сурки [сѣло,

Сохлись играть въ бѣду, въ гулючки, въ
уголки

И въ жмурки!—Да, и въ жмурки! Это дѣло
Такъ вѣрно, какъ я здѣсь, и вотъ какъ:
оскою

Тому, кому ловить, завязывались глазки,
Концы жъ повязки

Подъ морду въ узелокъ; а тамъ — бреди
слѣной!

Слѣной бредеть! другіе же бѣсятся,
Кувыркаются, есакать кругомъ;

Тотъ подъ носъ шпиль ему, тотъ въ задъ
его пинкомъ;

Тотъ на ухо свиститъ, а тотъ предъ нимъ
Коверкаясь, какъ бѣсъ! [вертится,

Бѣдняжка, лапки вверхъ, хватъ-хватъ, не
туть-то было!

И гдѣ поймать такихъ увертливыхъ повѣсь!
Ловить бы до утра! по счастью пособило.

Возню у слышавъ подъ землей,

Изъ норки вылѣзъ кротъ, монахъ слѣной;
Туда жъ играть съ сурками!

Растѣшился, кагитъ и прямо брякъ въ
Сурки [силки.

Сохлись и говорить: «Огъ слѣпъ, а мы
съ глазами!

Не лучше ли его...» — И, братцы, что за
срамъ!

Ворчить надувшись кротъ: игра игрою!

Я поймаю! мнѣ ловить, съ повязкой, какъ
и вамъ.

«Пожалуй! по съ твоей, пріятедь, слѣпотою
Не будетъ ли намъ грѣхъ давить тебя

— О, это ужъ обидно! [узломъ?]

Какъ будто и играть невмѣстно мнѣ съ
суркомъ!

Стяни, сударь! еще! еще стяни! мнѣ видно!

ИСТИНА И БАСНЯ.

БАСНЯ

[изъ ФЛОРИАНА].

Однажды Истина нагая,

Оставя платье своей, на бѣлый вышла свѣтъ.
Богъ съ ней! не пригожа, какъ смерть худая,

Лицомъ угрюмая, съ сутулиной отъ лѣтъ.
Стукъ-стукъ у всѣхъ воротъ: «Пустите,

ради Бога!

Я Истина, больна, устаю, чужь хожу!

Морезно, вѣтренно, незѣла и дрожу!»

— Нѣтъ мѣста, матушка! счастливая до-
Вездѣ ей быть отвѣтъ. [рога!—
Что дѣлать? на бокъ лечь, пусть снѣгомъ
запасеть!

Приѣла на сугробъ, стучить зубами!
Вдругъ Васня, въ золотѣ, облитая парчой;
А правду молвить—мишуры,
Обнизанная жемчугами,

Вся въ камняхъ дорогахъ,
Блнстающихъ, какъ жарь, хотя фальши-
На сапкахъ золотыхъ, [вухъ,
На тройкѣ рисаковъ красивыхъ
Катить, и прямо къ пей.—«Зачѣмъ ты
здѣсь, сестра?»

Одна! въ такой морозъ! прогулкамъ не пора!»
— Ты видишь, забну! люди глухи:
Никто мнѣ не дастъ пріюта ни на часъ.
И всемъ страшна! мы жалкіи люди,
старухи:

Какъ будто отъ чумы, все бѣгаютъ отъ
«А ты вѣдь мнѣ большая, [насъ!—
Не хвастаясь сказать! ну, то ли дѣло я?
Весь мѣръ моя семья!

И кто жъ виной? Зачѣмъ таскаешься нагая?
Тебѣ ль не знать, мой другъ, что маску
любить свѣтъ?

Изволь-ка выслушать мой сестринскій со-
вѣтъ:

Намъ должно быть дружныи, и жить не
такъ, какъ прежде,
Жить вмѣстѣ; а тебѣ въ мосѣ ходить одеждѣ.
Съ тобой — и для меня отворишь дверь
мудрецъ,

Со мною — и тебя не выгонитъ глушець;
А глупымъ нынче родъ — и родъ всема
Тутъ Истина, умильный [обильный!]
На Васню обративши взоръ,
Къ пей въ сани прыгь... летить и слѣду
пѣтъ! — Съ тѣхъ поръ

Вездѣ сестрицы неразлучно:
И Васня не глупа, и съ Истиной не скучно!

С М Е Р Т Ъ.

[переводъ].

Однажды смерть наслала въ адъ указъ,
Чтобъ весь подземный дворъ, не болѣе
какъ въ часъ

На выборъ собрался въ сенатъ, —
А засѣданью быть въ аудіенцъ-палатѣ.

Сочиненія В. А. Жуковскаго. Т. I.

Ея величеству была пужень фаворитъ,
Обычье — министръ. Давно ужъ ей каза-
лось —

Какъ и исторія то ясно говорить —
Что адекинхъ жителей въ приходѣ умень-
шалось.
Идутъ предъ страннѣйшій тропъ владычицы
своей —

Горячка блѣдная, со виальными щечками,
Подагра, чуть тащась на парѣ костылей,
И жадная воипа, съ кровавыми глазами.
За ловкость сихъ бояръ поруки мѣръ и адъ,
И смерть ихъ приняла съ уклономъ ува-
женья!

За пими, опустивъ смреппо — постыный
взглядъ,

Подъ мышкою таща бичи опустошенья,
Является чума;

Грѣхъ молвить, чтобъ и въ пей достоинство
не сыскалось:

Запасъ порядочный ума!

Собранье веколелалось:

«Ну! — шепчуть — быть министромъ ей!» —
Но сценка новая: полсотни дѣкарей

Попарино, въ шагъ, идутъ и, ставъ предъ
смертью рядомъ,

Поклошь ей! — «Здравствовать царикъ много
лѣтъ!» —

Чтобъ лучше видѣтъ, смерть берется за
лорнетъ.

Анатомируетъ хирурговъ строгимъ взгля-
домъ.

Въ сомнѣнья адъ! — какъ вдругъ пороковъ
шумный входъ

Отвлекъ монархини вниманье.

«Какъ рада! — говорить. — Теперь я безъ
И выбрала невоздержанье. [хлопотъ!»

СОПЕТЪ.

[переводъ].

За пѣлный поцѣлуй ты требуешь сопета!
Но шутка ль быть творцомъ четырнадцати
строкъ

На двѣ лишь четки рномъ! Сважи сама,
Лилета? —

«А развѣ поцѣлуй бездѣлка?» — Дай мнѣ
срокъ!

Четыре есть стиха, осталось три куплета;

О, Фебъ! о, добрый Фебъ! не будь ко мнѣ жестокъ!
 Хотя на мигъ одинъ парпассекаго мнѣ свѣта!—
 Кще строфа! Смѣлуй! Ужь берегъ педалекъ!
 Но вотъ ужъ и усталъ! О, мука! о, досада!
 Здѣсь Лилла—ноцѣлуй! тамъ рюмы—и надеда!
 Какъ быть... Но Богъ помогъ! еще готовъ терцетъ!
 Еще бь одинъ—и все! Пину! хоть до-упада!
 Вотъ... вогъ... почти совсѣмъ!.. О, радость, о, награда!
 Мой, Лилла, ноцѣлуй, и вотъ тебѣ советъ!

ЭПИТАФИЯ ЛИРИЧЕСКОМУ ПОЭТУ.

Здѣсь кончилъ вѣкъ Намфиатъ, безъ толку одъ нѣвецъ!
 Сей грѣшнѣйшій человекъ—прости ему Твою
 Но смерти жить собирался, [рецъ!—
 Но заживо скончался!

ЦА П Л Я.

васпя
 [пзъ лафонтена].

Однажды цапля-долгошея
 На парѣдлинныхъ погъ путемъ-дорогой шла;
 Дорога путницу къ потоку привела.
 Дешь красный былъ; вода, на солнышкѣ свѣтлѣя,
 Казалась въ тишинѣ прозрачнѣйшимъ стекломъ;
 Въ ней шука-кумушка за карпомъ-ку-
 У берега рѣзвясь голялась. [манькомъ
 Что жъ цапля? посомъ ихъ?—Пп крошки зазвдалась,
 Нзволилъ отдыхать, глазѣть по сторонамъ,
 И аппетита дожидаться:
 Кд обычай былъ обѣдать по часамъ,
 И дѣтетики Тиссотовой держаться.
 Приходить аппетитъ; причудлища въ потѣкъ;
 Глядитъ: вдругъ видитъ, лишь, вишь-вишь, со дна поднялся!
 То вверху на солнышко, то книзу на песокъ!
 Слестѣнъ этотъ кусъ псладкимъ пока-
 Скривила шею, посомъ щокъ: [залея,

«Мнѣ, цаплѣ, Ёсть липя! мнѣ челядью такую
 Себя кормить? И впрямъ! хорошгъ въ пухъ толкѣ!
 Я и трески клевету не удостою!»
 По вотъ и липь уилыль, пожаловалъ иискарь.
 «Иискарь? ну, что за статья! такую удить тварь
 Погакить только постъ! избави Богъ отъ Ой ты, разборчивая дама! [срама!»
 Приступилъ голодъ! Что? Глядишь туда-И лягушоночекъ теперь тебѣ ѣда!— [суда?
 Друзья мои, друзья! не будемъ прихотливы!
 Кто льстился много взять, тотъ часто все терялъ;
 Одною скромностью желаній мы счастливыи
 Никто, никто изъ насъ всего не получалъ.

СОНЪ МОГОЛЬЦА.

васпя
 [пзъ лафонтена].

Однажды доброму могольцу снился сонъ,
 Ужь подлинно чудесной:
 Вдругъ видитъ, будто онъ,
 Какой-то силой неизвѣстной,
 Въ обитель вознесетъ Всевышняго Царя,
 И тамъ—подумайте—находить визири.
 Потомъ открылася предъ нимъ и пронасть ада.
 Кого жъ — прошу сказать — узналъ онъ въ адекой мглѣ?
 Дервиша... да, дервишъ, служитель Орозъ-
 Въ котлѣ, [мада,
 Въ клокочущей смолѣ
 На ужинѣ дьяволамъ варилъ.
 Моголецъ въ страхъ пробудился;
 Скорѣй бѣжать за колдушомъ;
 Поклопы въ поясъ; бѣсть челомъ:
 —Отецъ мой, пзъясни чудесное видѣнье.—
 «Твой сонъ естъ Божій масть—колдушъ ему въ отвѣтъ—
 Взирь въ раю за то, что въ области еуетъ,
 Средь пышнаго двора, любилъ уединенье.
 Дервишу жъ подѣломъ; не будь опъ суеть;
 Не ползай передъ тѣмъ, кто спленъ и богатъ;
 Не суйся къ визирямъ ходить на поклоненье».

Когда бъ, не бывши кодупомъ,
И я прибавить могъ къ словамъ его два слова,
Тогда смиренно васъ молилъ бы объ одномъ:
Друзья, любите съяв родительскаго крова;
Гдѣ жъ счастье, какъ не здѣсь, на лонѣ
тишины,
Съ забвениемъ еуетъ, съ безпечною
свободою?

О, блага чистыя, о, сладкій даръ природы!
Гдѣ вы, моп поля? Гдѣ вы, любовь весны?
Страна, гдѣ я распѣлъ въ тѣни уединенья,
Гдѣ сладость тайная во грудь мою япласъ,
О, роши, о, друзья, когда увижу васъ?
Когда, повицнувъ свѣтъ, опять безъ прп-
нужденья
Вкушать мпѣ вашу сънь, вашъ сумракъ
и покой?

О! кто мпѣ возвратитъ родимыя долины?
Когда, когда и Фебъ и дщери Мнемозины
Придутъ подъ тихій кровъ бесѣдовать со
мною?
При нихъ мои часы весельемъ окрылены;
Тогда постигну ходъ таинственныхъ небесъ
И высиренныхъ свѣтлѣ стези неоткро-
венны.

Когда жъ немой удѣлъ познанье сихъ чудесъ:
Пусть буду напоенъ лѣсовъ очарованьемъ;
Пускай нѣбшюся источникъ жур-
чаньемъ,
Пусть буду воспѣвать ихъ блескъ и тихій
тогъ!

Нить для меня советея не изъ злата;
Мой низокъ будетъ кровъ, постеля небогата:
Но меньше ль бѣдныхъ сонъ и сладокъ
и глубокъ?

И меньше ль опъ души невинной уса-
жденье?
Ему преобращу мою пустыню въ храмъ;
Придетъ ли часъ отбыть къ невѣдомымъ
брегамъ—
Мой вѣкъ былъ тихій день, а смерть
успокоенье.

СТАРЫЙ КОТЪ И МОЛОДОЙ МЫШОНОКЪ.

васня
[изъ лафонтепа].

Одинъ неопытный мышонокъ
У стараго кота подъ лапою ницать,

И такъ его, въ слезахъ, на жалость прѣкло-
нялъ:

Помилуй, дѣдушка! Вѣдь я еще ребенокъ!
Какъ можно крошечкѣ такой, какъ я,
Твоимъ домашнимъ быть въ отягощенье?
Твоя хозяйшка и вся ея семья
Придутъ ли отъ меня, малютки, въ ра-
зоренье?

И въ чемъ же мой обѣдъ? Зерно, а много дза!
Орѣхъ мпѣ—на педѣлю!

Къ тому жъ теперь я худъ! Едва, едва
Могу дышать! Вчера оставилъ лишь постелю;
Былъ боленъ! Потерял! Пустья меня пожитъ!
Пусть дѣточка твоя меня позволятъ еку-
шать!—

«Молчи, молокососъ! тебѣ ль меня учить?
И мпѣ ли старику такихъ разсказовъ
слушать!

Я котъ и старъ, мой другъ! прощенья не жди,
А лучше безъ хлонотъ, поди
Къ Плутону, милости его отвѣдать!

Мои же дѣточкамъ всегда есть что
обѣдать!»—

Сказавъ, мышонокъ цапъ; тотъ пискнулъ
и прицалъ.

А котъ, покушавши, ни въ чемъ какъ не бы-
Ужель разсказъ безъ поученья? [валъ!
Итакъ, читатель, есть!

Вѣмъ юность лѣтнить себя! все мыслить
пріобрѣсти!
А старость иногда не знаетъ сожалѣнья!

КАЦУНЪ И СОБОЛЬ.

васня
[изъ лафонтепа].

Привѣты иногда злыхъ умысловъ прикраса.
Однѣ

Московскій гражданипъ,
Пришлецъ изъ Арзамаса,
Матюшка-долгохвость, по промыслу кан-
дунъ,

На кухню долженъ былъ явиться,
И тамъ на очагъ съ кухмистеромъ судиться.

Вся дворянъ взбѣгалась: цыпъ-цыпъ! цыпъ-
Проворно, [цыпъ!—Шалунъ,

Смекнувши, что бѣда,
Давай Богъ погн!—«Господа,
Слуга покорной!

По мпѣ хотя всея день извольте горло драть,

Меня вамъ не прельститьъ учтивыми словами!

Теперьъ: цыпль-цыпль! а тамъ меня
щипать,

Да въ печку! да сморчами

Пабивши брюхо мнѣ, на стога меня! а тамъ
И помпай какъ звали!» —

Тутъ соколъ-крутонось, котораго считали
По всей округности примѣромъ веѣмъ
бойцамъ,

Который на жерди, со спесью соколиной,
Раздувши зобъ, сидѣлъ,

И съ смѣхомъ на гоньбу глядѣлъ,

Сказалъ: «дуракъ, каллукъ! съ такой,
какъ ты, скотиной

Изъ силы выбился честной пародь!

Тебя зовуть; а ты, уродъ,

Ипосѣ отворотилъ, оглохъ, ко веѣмъ спиною!
Смотри пожалуй! я тебѣ ль чета? но такъ

Не гордь! лечу на свистъ! глухарь,
дуракъ,

Постой! хозяинъ ждетъ! вся дворня за
тебою!» —

Каплушь, кряхтя, ныхтя, совѣтнику въ
отвѣтъ:

«Князь-соколъ, я не глухъ! меня хозяинъ
ждетъ?

Но знать хочу, зачѣмъ? А этотъ твой
пріятель,

Который въ фартукъ, какъ воръ съ по-
жомъ,

Такъ чващется своимъ узорнымъ колпакомъ,
Конечно, каллуновъ усердный почитатель,
Прогпывался, что я не падохъ къ ихъ

Но если бѣ соколамъ, [словамъ!

Какъ нашей братьѣ, каплунамъ,

На кухнѣ заглянуть случилось

Въ горшокъ, гдѣ бѣ въ кипяткѣ ихъ
княжество варилось,

Тогда хозяйскій свистъ и ихъ бы не провель;
Тогда бѣ, какъ скотъ-каплушь, черкнулъ
и князь-соколъ!»

КОТЪ И МЫШЬ.

ВАСПЯ

[изъ ЛАФОНТЕМА].

Случилось такъ, что котъ Федотка-сы-
Сова Трофимовна-сопунья, [роѣдъ,

И мышка-хлѣбница, и ласточка-прыгунья,
Всѣ лауты, сколько-то не помню лѣтъ,

Не вмѣстѣ, но въ одной душистой, дрих-
лой слп

Присталище пмѣли.

Подмѣтыль ихъ стрѣлокъ, и сѣтку на дулаѣ.
Лишь только ночь отъ дня своей сумракъ
отдѣлила

[Въ тотъ часъ, какъ на поляхъ ни темно,
ни свѣтло,

Когда, не видя, ждешь небеснаго свѣтила],
Пашъ котъ изъ норки пасть, и прямо
брякъ подъ сѣтъ.

Бѣда Федотушкѣ! приходитъ умереть!

Копышется, хлопочетъ,

Взмаюкался мой котъ.

А мышка воръ—какъ тутъ! ей ниръ, въ
ладони бьетъ,

Хохочетъ.

«Сосѣдшка, нельзя ль помочь мнѣ?—
изъ сѣтей

Сказалъ умильно узникъ ей:

Богъ добрымъ воздаянъ!

Ты жѣ, пещенко мос, душа моя, была,
Не знаю почему, всегда мнѣ такъ мила,

Какъ свѣтъ мопхъ очей! какъ дневное
сіянье!

Я пынче къ завтрѣнѣ спѣшилъ

[Всѣхъ набожныхъ котовъ обыкловель],

Но, зпать, певѣдѣнемъ предъ Богомъ по-
грѣшилъ,

Знать, окаянному за дѣло искушенье!

По волѣ Вышняго подъ сѣтъ попалъ!

По гнѣвный милуетъ: несчастному въ
спасенье

Тебя мнѣ Богъ сюда послалъ!

Сосѣдка, помоги!» — «Помочь тебѣ! злодѣю!

Мышатнику! Коту! съ ума ли я сошла!

Избавь его, себѣ на шею!» —

«Ахъ, мышка!—молвилъ котъ: тебѣ ль
хочу я зла?

Напротивъ, я съ тобой сейчасъ въ союзъ
ветунаю!

Сова и ласточка твои враги:

Прикажешь? въ мигъ ихъ уберу!» —

«Я знаю,

Что ты сластѣпа-котъ! по словъ побереги:
Меня не обмануть такимъ красивымъ
слогомъ!

Глуха я! оставайся съ Богомъ!» —

Лишь хлѣбница домой,

А ласточка ужь тамъ: назадъ! па ель
взбираться!
Тутъ новая бѣда: столкнулася съ совою.
Куда дѣваться?
Опять къ коту; грызть, грызть тепета!
Благочестивый распутился; [удалось!
Вдругъ ловчій изъ лѣсу съ дубиной по-
казался,
Союзники скорѣй давай Богъ поги, врозь!
И тѣмъ все дѣло заключилось.
Потомъ опять коту увидѣть мышь слу-
чилось.
«Ахъ! другъ мой, дай себя обнять!
Боишься? Постыдился; твой страхъ мнѣ
оскорбленье!
Грѣшно союзника врагомъ своимъ считать!
Могу ли позабыть, что ты мое спасенье,
Что ты моя вторая мать?»
— «А я могу ль не знать,
Что ты котиче-объѣдало?
Что коника съ мышикою не ладятъ никогда!
Что благодарности въ васъ духу не бывало!
И что по пуждѣ связь не можетъ быть
тверда?»

ОРЕЛЬ И ЖУКЪ.

васня

[изъ лафонтепа].

Орель, пустился изъ тучъ, па кролика
наналъ.
Бѣднякъ, безъ памяти, куда бы прио-
титъелъ,
На порку жука набѣжалъ;
Не порка, щель: ему ли въ ней укрыться?
И запкъ мѣста нѣтъ! Нашъ кроликъ такъ
Свернувшись въ кулакъ, [п сякъ,
Прилегъ, дрожитъ. Орель за нимъ
стрѣлоу,
И хотеть драть. Жучокъ приползъ къ его
погамъ:
«Царь птицъ! и я, и онъ—ничто передъ
тобою!
Но скался, пощади! позоръ обокмъ памъ,
Когда въ моеи порѣ невинность растер-
заешь!
Онъ мой сосѣдъ, мой кумъ! мы старые
друзья!
Ты самъ, мой царь, права гостепрѣимства
знаешь;

Смягчися, или пуекай погнибу съ нимъи я!»
Орель съ улыбкою падменпой,
Ни слова не сказавъ, толкнулъ жучка
крыломъ,
Сшибъ съ мѣста, оглушилъ, а кума
смявши въ комъ,
Какъ не бывалъ!—Жучокъ жестоко оскор-
бленпой,
Въ гнѣздо къ Орлу! и въ мигъ яички
всѣ побилъ:
Яички, даръ любви, надежду, утѣшенье!
Хотя бь одно, хотя бь одно онъ пощадилъ!
Царь птицъ, узря въ гнѣздѣ такое ра-
Наполнилъ крикомъ лѣсъ; [зоренье,
Стенаеть:
О, ярость! Кто сей врагъ? Кому отмстить?..
Не знаетъ!
Напрасно еѣтуеть: средп пусекихъ песебъ
Отчаяннаго стоупъ безплодно песеаеть.
Что дѣлать! до весны утѣхи отложитъ,
Гнѣздо жъ повыше свить.
Пришла весна! въ гнѣздѣ яички! matka сѣла.
Но жукъ не свить, опять къ гнѣзду,—
яичекъ нѣтъ!
Увы! едва ль взглянуть па нихъ она успѣла!
Страданье выше мѣръ! груститъ! проти-
вель свѣтъ!
И эхо пѣлои годъ не стихнуло въ дубравѣ!
Отчаянный орель
Къ престолу Зевса полетѣлъ
И мыслить: «Кто дерзаетъ къ сѣдящему
во слави
Съ злодѣйской мыслью преступить!
Днесь будетъ богъ боговъ дѣтой моихъ
хранить!
Гдѣ мѣсто безопаснѣй въ мѣрѣ?
Осмѣльтеся, хищники, подняться въ пе-
бесамъ!»
И яйца кладезь на Зевсовои порфирѣ.
Но жукъ—проворъ и самъ,
На хитрости пустился:
Опъ платьѣ Вѣчнаго закапалъ грязью.
Богъ—
Боторый пятпышка па немъ терпѣть не
могъ—
Трихнулся, яйца хлопъ! Орель забѣ-
сплея,
Па Зевса окрикъ: «Я сейчасъ съ небесъ долой!
Оставляю и тебя, и громъ, и пектаръ твой!

Въ нустью спрячусь! Богъ съ тобою!» —
 Всевышній струсилъ; звать жучка; жу-
 чокъ предеталъ;
 Чтѣ было, гдѣ и какъ, Зевесу разеказалъ,
 И вышло, что орелъ одинъ всему виною.
 Мприть ихъ: кетати ли! и слышать не
 хотять!

Что жъ сдѣлалъ царь вселенной?
 Парушилъ ходъ вещей, отъ вѣка утвер-
 жденной:
 Съ тѣхъ поръ, когда оранъ на япцахъ сидять,
 Родъ жучій, вибѣтъ съ байбаками,
 Не види свѣта, скрытъ подъ свѣжкими
 буграми.

Э П И Г Р А М М Ы.

I.

Не знаю почему, по дружбѣ или такъ,
 Папурѣ вздумалось меня визитомъ мучить!
 Папура истинный чудакъ:
 Скучаетъ самъ, чтобъ мнѣ наскучить.

II.

Съ повязкой на глазахъ за жалости Фе-
 мида! —
 Ужъ наказаніе! ужъ подлинно обидя!
 Когда вамъ хочется проказницу унять,
 Такъ руки ей связать.

III.

О, непостижное злорѣчіе уму!
 Повѣрю ли тому,
 Чтобы, Морковкина, ты волосы чернила?
 Я знаю самъ, что ты ихъ черные купила.

IV.

Для Клима все какъ дважды два!
 Гораций, Ксенофонтъ, Бова,
 Лалаандъ и Гершель астропомы,
 И Мирамондъ *) и Мюшенброкъ
 Ему, какъ пось его, знакомы.
 О всемъ кричить, во всемъ знатое!
 Судить о музыкѣ начните:
 Нанѣ Климъ первѣйшій музыкантъ!
 О торѣ рѣчь съ нимъ заведите:
 Онъ въ мигъ торгашъ и фабрикантъ!
 Чего въ немъ нѣтъ? Онъ метафизикъ,
 Платоникъ, коповалъ, маляръ,
 Статистикъ, журналистъ, бочаръ,
 Хвирургусъ, проповѣдникъ, физикъ,

*) «Старшій русскій романъ».

Поэтъ, каретникъ, то и то,
 Климъ, словомъ, все! и Климъ — ничто!
 У.

Сей камень надъ моею возлюбленною женою!
 Ей тамъ, мнѣ здѣсь покой!
 VI.

Тримъ счастья искалъ ползкомъ и тихо-
 молкомъ;
 Нашелъ — и грудь впередъ, пось вздер-
 пулъ, весь шой! —

Кто втерся въ чинъ лисой,
 Тотъ въ чпѣхъ будетъ волкомъ.

VII.

Ты серднишься зато, пріятель мой Гарнасъ,
 Что слышь твой по ночамъ сундукъ твой
 посѣщаетъ!

И философія вздревле учить насъ,
 Что скупость воровство рождаетъ.

VIII.

Испытанныхъ друзей для новыхъ забывать
 Есть — двѣтъ плоду предпочитать!

IX. новопожалованный.

— Пріятель, отчего присель? —
 «Злодѣи корону на меня надѣлъ!»
 — Что жъ, я не вижу въ этомъ зла! —
 «Охъ, тяжела!»

X.

Румянъ французскихъ штукатура;
 Шатеръ, не шпана на плечахъ;
 Подъ шалью тощая фигура,
 Вихры на лбу и на щекахъ,
 Одежды легкой подозрѣнье;
 На перстѣ въ десять кратъ алмазь —
 Все это, смертнымъ въ удивленье,
 По свѣту возять на показъ
 Въ каретѣ модно-золоченой,
 И называютъ — Альвидоной!

XI.

У насъ въ провинціи парядовъ нѣтъ любви!
 Но модѣ съ погъ до головы:
 Наколки, цвѣтъ лица, помаду, зубы, брови —
 Все получаемъ изъ Москвы.

XII.

Пускай бы за грѣхи доходъ нанѣ убавлялся!
 Такой переворотъ для Хама не печаль:
 Онъ въ петлю собирался —
 Попагъ бы въ госпиталь.

XIII.

Ты драму, Фефиль, паписалъ? —

«Да! какъ же удалась! какъ сыграла! не
 часень!
 Хотя бы кто-нибудь для смѣха просви-
 сталъ!» —
 III Фейлзъ, Фейлзъ! какъ свѣтатъ, когда
 звѣаешь?

XIV.

«Скажи, чтобъ тамъ потише были!»
 Кричитъ повитчику судья.
 «Уже съ десятокъ дѣлъ рѣшили,
 А ни единого пзъ нихъ не слышалъ я!»
 XV. новый стихотворецъ и древность.

Едва лишь что сказать удастся мнѣ счаст-
 ливо,
 Какъ Древность заворчитъ съ досадою: «что
 я то же до тебя сказала и давно!» [за дѣво!
 Смѣшна беззубая! Вольно
 Ей послаѣ не придти къ невѣждѣ!
 Тогда бѣ сказалъ я то же прежде.

XVI.

Дидона! какъ тобой рука судьбы играла!
 Какихъ любовниковъ тебѣ она дала!
 Одинъ скончался—ты бѣжала;
 Другой бѣжалъ—ты умерла!

XVII.

Барма, папедъ Оому чуть жива, на отходѣ,
 — Скорѣе! закричала, изволь мнѣ долгъ
 платить!
 Ужъ завтраковъ теперь не будешь мнѣ
 сузить! —
 «Охъ! братъ, хотъ умереть ты дай мнѣ
 на свободѣ!»
 — Вотъ, право, хорошо! хочу я посмотреть,
 Какъ ты, не заплативъ, изволишь умереть!

XVIII. на чичерица.

Сибиря управленьемъ
 Мой предокъ славенъ былъ, —
 А я, судьбы велѣньемъ,
 Дормезъ себѣ кушнѣ.

XIX. на прославителя русскихъ героевъ,
 въ сочиненіяхъ котораго нѣтъ ни начала,
 ни конца, ни связи.

Мпронъ схватилъ перо, падула, пишеть,
 пишеть,

П подъ собой земли не слышитъ!
 «Пожаремъ! Филарегъ! отечества отецъ!»
 Поставилъ точку—п конецъ!

СТАРКЪ КЪ МОЛОДОЙ И ПРЕКРАС-
 НОЙ ДѢВУШКѢ.

МАДРИГАЛЬ.

Какъ сладостно твоимъ присутствіемъ
 плѣваться!
 И какъ опасно мнѣ словамъ твоимъ внимать!
 Ахъ, поздно старику надеждой обольщаться;
 По поздно ль, не имѣвъ надежды, обождать?

АМИПА И ЭНДИМІОНЪ.

[ПЕРЕВОДЪ].

Амипа, пріупивъ, еидѣла падъ рѣкою.
 Подходить къ ней Эндиміонъ.
 «Амипа—говоритъ пастушкѣ пѣжно онъ:
 Ты страждешь тайною тоскою!
 Цль чувствуешь еію невѣдомую боль,
 Души восторгъ и упоенье,
 Съ которою ничто, ничто неидеть въ
 сравненье,
 Ни самый Божій рай? Любезная, позволь:
 Невниности твоей неопытной въ спасенье,
 Тебя, которою душа моя живеть,
 Зарагъ охранитъ отъ сей приманки ласкной.
 Зовуть се—любовь; подверженъ ей весь
 свѣтъ!

И ты—съ душой твоей прелестной!»
 — «Безъ шутокъ? страхъ какой!»
 Скажи жъ, Эндиміонъ, что чувствуетъ
 — «Мученье несравненно! [больной?»
 Мученье,—рай души, предъ конемъ тропъ
 вселенной
 Теряетъ весь свой блескъ, все прелести свои:
 Ты забываешься, ты въ сладостномъ вол-
 пеніи:
 Подъ сѣнію дѣсовъ, мечтаешь въ упоеньи:
 Глядишь ли въ тихія источника струи,
 Ты видишь не себя, ты видишь образъ
 тайной.
 Всегда присутственный, повсюду спутникъ
 твой,
 Единственный, весь міръ украсившій се-
 бой...
 Въ деревнѣ есть пастухъ: увидясъ съ
 нимъ случайно.
 Красѣешь, страстный жаръ въ душѣ твоей
 горить;
 Отъ имени его, отъ пламеннаго взора,
 Отъ приближенія, улыбки, разговора,

Смущаешься! молчишь, по взору твой го-
ворить.
Не видясь съ нимъ, невольно унываешь!
Бояшься встрѣтиться, и встрѣчи тайно
ждешь;
Вздымаешь—отъ чего, не зная—но взды-
хашь...» —
«Такъ эту-то болѣзнь любовью ты зовешь?

Воскликнула Амина:

О я знакома съ ней! Прошедшею весной,
Что ты ни говорилъ, точь въ точь сбы-
лось со мной,
Когда узнала я Эхшна!» —

Какъ быть, Эдимионъ! Не рѣдкость жребій
твой!
Нашъ духъ желаемъ ко счастью влечется.
По счастье другимъ при насъ же достается.

ЭЛЬМИНА КЪ ПОРТРЕТУ СВОЕЙ МАТЕРИ,

писанному ей дочерью, которыхъ она въ одно
время лишилась.

[переводъ].

Мой жребій прежде былъ ихъ страстно
обожать;
Теперь при сладостномъ дунѣхъ изобра-
женьи—
Подобіи одной—другой произведеньи—
Живу, чтобы по ихъ погибшихъ упивать.
Священный, милый слѣдъ двухъ сердцу
незабвенныхъ,
Послѣдній памятникъ столь ленихъ жизни
лѣтъ!
Питаю скорбь объ ихъ, толь быстро по-
хищеныхъ,
Ты счастье замѣпишь, котораго ужъ нѣтъ.

РУШЕ КЪ СВОЕЙ ЖЕНѢ И ДѢТЯМЪ ИЗЪ ТЮРЬМЫ,

посылая къ нимъ свой портретъ.

[переводъ].

О вы, которые въ дунѣхъ моей хранились!
Хотите ль знать, почто мой скорбный взоръ
угасъ?
Когда подъ кистію черты сіи творились,
Я шелъ на эшафотъ, но сердцемъ былъ
у васъ!

* * *

Плѣнять, а не любить я нѣкогда некаль,
Одно разсѣянье въ любви меня прельщало;
Но я съ разсѣяньемъ веселье чувствъ
узналъ,
И чувствъ веселіе моимъ блаженствомъ
стало!

СОКОЛЬ И ФИЛОМЕЛА.

БАСНЯ

[пѣзъ ЛАФОНТЕНА].

Летѣлъ соколъ. Всѣ куры вехлопотались
Склякать цыплятъ; бѣгутъ цыпляточки,
прижались
Подъ крылья къ маткамъ; ждуть, чтобы
Пѣвица Филомела, [напастъ прошла.
Которая въ лѣсу пустыницей жила,
И въ тотъ часъ, на бѣду, къ подружкѣ
полетѣла

Въ сосѣдственный лѣсокъ,
Попалась къ соколу.—«Помилуй, умоляетъ:
Ужели соловьевъ соколиі родъ не знаетъ!
Какой въ нихъ вкусъ! одинъ лишь звон-
кій голосокъ,
И только! Вамъ, бойцы, грѣшно насъ
пѣвчыхъ кушать!

Не лучше ль пѣсенки моей послушать?
Прикажешь ли? спою
Про ласточку, сестру мою...
Какъ я досталась безбожнику Терсю...» —
«Терей! Терей! я дамъ тебѣ Терей, тварь!
Годится ль твой Терей на ужинъ?» —Нѣтъ,
Увы! сему злодѣю [опъ царь?
Я вмѣстѣ съ Прогною сестрой

На жертву отдама безжалостной судьбой!
Склони соколиі слухъ къ несчастной горе-
мыкѣ!

Гармонія мила чувствительнымъ серд-
цамъ!.. —

«Копечно! натошакъ п думать о музыкѣ!
Другому пой! я глухъ!» —Я правлюсь п
«Царь дѣло, я другое! [царямъ!
Пусть царь п тѣшитя музыкою твоей!
Для насъ, охотниковъ, она—пустое!
Желудокъ тощій—безъ ушей!»

ПОХОРОНЫ ЛЬВИЦЫ.

ВАСИЯ
[ПЪЗ ЛАФОНТЕПА].

Въ лѣсу скончалась львица.
Тотчасъ ко вѣрмъ звѣрямъ повѣства.
Дворъ и знать
Стеклись послѣдній долгъ покойницѣ отдать.
Успошая царица
Лежала посреди пещеры на одрѣ,
Покрытомъ кожею звѣрпной;
Въ углу, на алтарѣ
Жгли ладанъ, и Потапъ съ смрпенной
образинной—
Потапъ мартишка, вашъ знакомецъ—въ
посѣ гуся,
Съ заппикой, заупывнымъ топомъ,
Молитвы бормотала. Всѣ звѣрп, принося
Царицѣ скорби дань, къ одру, съ земнымъ
поклономъ,
По очереди шли и, каждый въ лапу чмокъ;
Потомъ поклонъ царю, который падеъ жепою,
Какъ каменпый, сиди, и давъ свободный токъ
Слезамъ, кивала лишь молча головою
На всѣ поклонниковъ привѣтствія [въ]
отвѣтъ.
Потомъ и выносъ. Царь вылъ голосомъ,
катался
Отъ горя по землѣ, а дворъ за нимъ во
слѣдъ
Ревѣлъ, и таеъ ревѣлъ, что гуломъ воз-
мучался
Весь дикій и обширпый лѣсъ;
Еще жь свидѣтели съ божкой насъ увѣрjali,
Что сусликъ—каммергеръ безъ чувствъ
упалъ отъ слезъ,
И что лпенду съ часъ мартишки отгпрали!
Я дворъ зову стралой, гдѣ чудпый родъ
людей:
Печальны, веселы, привѣтливы, суровы;
По виду пламенны, какъ ледъ въ душѣ
Всегда на все готовы; [своей;
Что царь, то и они; пародъ хамелеонъ;
Монарха обезьяны;
Ты скажешь, что во вѣхъ единый духъ
Ше люди, еунце органы: [вселепъ;
Завель—поютъ; забылъ завель—молчатъ...
Итакъ, за гробомъ всѣ и воютъ и мычатъ,
Не плачешь лишь олень. Причпна? Львица
сѣлаа

Жепу его и дочь. Опъ смерть ся считалъ
Отмщеніемъ пебестъ. Короче, олъ молчалъ.
Тотчасъ къ царю лиса-лестюха подлетѣла,
И шепчетъ, что олень, безсозвѣстная тварь,
Смѣялся подъ рукою.
Вамъ скажетъ Соломонъ, каковъ во гнѣвѣ
царь!
А какъ былъ царь п левъ,—опъ гривую
Затрясъ, хвостомъ забилъ... [густою
«Смѣяться—возопилъ—
Тебѣ, червякъ? тебѣ! падеъ вхъ степальемъ!
Котей не посрамлю преступника тер-
запьемъ;
Кѣ волкамъ его! къ волкамъ!
Да въ мнѣ расторгнется ругатель по
частямъ;
Да казнь его смирить, въ обителяхъ
Царицы оскорбленной тѣбѣ!» [Плутона,
Олень,
Который не читалъ пророка Соломона,
Царю въ отвѣтъ: «Не сътуй, государь,
Часы стѣнапй мпповались!
Да жертву радости положимъ на алтарѣ!
Когда въ печальный ходъ всѣ звѣрп соби-
рались,
И я за ними вслѣдъ бѣжалъ,
Царица предъ меня въ сѣпны вдругъ
предстала;
Хоть былъ я ослѣпленъ, по мнѣгъ се
узнать.
«Олень!—святая мнѣ сказала—
Не плачь! я въ области боговъ,
Всѣдую въ кругу звѣрпй преобразѣпныхъ!
Утѣшь со мною разлучѣпныхъ!
Скажи царю, что тамъ вѣнецъ ему готовъ!»
И вскрылась». — «Чудо! откровенье!»
Воскликнулъ хоромъ дворъ.
А царь, ослаба възоръ,
Сказалъ: «Оленю въ награжденіе
Даемъ два луга, чинъ и запъ!»
Не правда ли, что лезть всегда пріятна данъ?

М Л А Д Е Ц Ъ.

Се опъ, пажпни путь судьбою приведенной!
Безпеченъ, весель, тихъ, играетъ на цѣв-
тахъ!
О, чпстая краса невинности священной!
Предъ нимъ веселіе на радужныхъ крылахъ

Летить и дольний міръ сіяньемъ укра-
 шаетъ!
 Онъ радость бытія пзъ полной чаши пьетъ!
 Онъ въ даль сокрытую очей не устремляетъ!
 Готовъ въ безвѣстный путь! Готовъ—куда
 влечетъ
 Незримая судьба таинственной рукою!
 Увы! Что рокъ ему обрѣсть опредѣлить?
 Къ блаженству ль онъ придетъ начертан-
 ной стезею?
 Или скорбь ему въ удѣлъ Могуцій по-
 ложилъ?
 Невинность мирная! блаженъ своимъ пе-
 званьемъ...
 Гряди съ надеждою, съ душевной чистотою,
 Съ непоколебимымъ на благость упованьемъ!
 Довольно: есть Творецъ, и счастье—жребій
 твой.

Декабри 21-го.

ПѢСНЬ БАРДА

надъ гробомъ славныхъ повѣдителей.

«Ударь во звонкій щитъ! стекитесь опол-
 ченны!
 Умоляла брань—враги утихли расточенны!
 Лишь царь надъ щитомъ селъ густой;
 Лишь вѣжъ, сокрытый почп мглою,
 Очами блестящій, бѣжитъ на ловъ обильный;
 Зажжемъ костеръ дубовъ; изройте ровъ
 могильный;
 Сложите на щиты поверженныхъ во прахъ:
 Да холмъ вѣщаетъ здѣсь вѣкамъ о бран-
 ныхъ дняхъ,
 Да камень здѣсь хранить могущахъ слѣдъ
 священной!»
 Гремить... раздался гулъ въ дубравѣ про-
 бужденной!
 Стеклись; вождей и ратныхъ сонмъ;
 Глухой полнощи тьма кругомъ;
 Предъ ними вѣщій бардъ, вѣщавый сб-
 дыпою,
 И падшихъ страшный рядъ, простертыхъ
 на щитахъ.
 Объяты дувою, съ поникнутой главою;
 На грозныхъ лицахъ кровь и прахъ;
 На копья оперлись; средь нихъ костеръ
 нылаетъ,
 И съ свистомъ горный вѣтръ ихъ кудри
 воздымаетъ.

И се! воздвигся холмъ, и камень водруженъ;
 И дубъ, краса полей, восштаный вѣками,
 Склонилъ главу на дернъ, потокомъ орошенъ;
 И се! могущими перстами
 Пѣвецъ ударилъ по струнамъ—
 Одушевлены забряцали!
 Воспѣлъ—дубравы застепали,
 И гулъ помчался по горамъ:

«О, сладкихъ пѣсней мать, пѣвица битвъ
 священна,
 О, бардовъ лира вдохновенна!
 Просишь—да оживетъ хвала въ твоихъ
 струнахъ!
 Да тѣни бранныя низрипуться во прахъ,
 Скипаются при душѣ по тучамъ златору-
 нымъ,
 Сойдутъ на мрачный долъ, гдѣ миръ надъ
 щитомъ ихъ,
 Обвороженные бряцаемъ тихостру-
 нымъ.—
 Какъ пали сильные? Какъ сильныхъ громъ
 утихъ?
 Гдѣ вы, сыны побѣдъ? Гдѣ славныхъ во-
 сьмъ
 сила?
 Отвѣтствуй, мрачная безтрепетныхъ мо-
 гила!..
 Какъ орлій со скалы пустившійся итеекъ,
 Впервые восшумѣвъ отважными крылами,
 Близъ солнца зря трудовъ и попринца копецъ,
 Парить, превысреншій, и вдругъ, небесъ
 громами
 Сожженный посреди стремленья къ высо-
 тамъ,
 Въ гремящихъ тучахъ исчезаетъ...
 Такъ палъ съ побѣдой россъ! надешь—
 страхъ врагамъ.
 «О, битвы грозный видъ! смотри! перушь
 сверкаетъ!
 Се мчатся! грудь на грудь! дружины со-
 мкнутыхъ сонмъ!
 Средь дымныхъ вихрей бой и громъ;
 По шлемамъ звукъ мечей; копей проп-
 зенныхъ ржанье,
 И трубъ стозвучный трескъ. Отъ топота
 копытъ,
 Отъ препія бойцовъ, отъ кликовъ и степеня
 Смятенный воевъ соръ, п долъ гремя дро-
 антъ.

О, страшный видъ поирапныхъ боемъ!
 Тотъ выbleтeя въ крови, съ глухымъ кон-
 чаясь боемъ!
 Тотъ, вихремъ мчась, погибъ безстраш-
 ныхъ впереди;
 Тотъ шуйцей рапу скажъ, десной изис-
 можешной
 Огорвапну хоругвь скрываетъ на груди;
 Тотъ страшно возстенавъ, на копья восе-
 хпщешной,
 И, сверженный во прахъ, дымясь, оцъ-
 непъль...
 О, мужество славянъ! о, витазей предъль!

«Хвала па жертву приисеннымъ
 За родныхъ, братий и супругъ;
 Хвала отечества храпителямъ священнымъ!
 Хвала, хвала тебѣ, о надший славы другъ!
 Пускай безвѣстный погибаетъ,
 Сей житель праха—червь душой;
 Пусть въ долгомъ мракѣ жизнь годами
 печеняетъ...
 Безмертъя сынъ, твой рокъ громовой течъ
 стезей;

Пари, блистай, превознесенный;
 Погибнешъ въ высотъ—весь мъръ твой
 маволоей;
 Безславный ждетъ, томясь, кончины ви-
 лыхъ дпей;
 До времени во мглѣ могилы погребенный;
 Равны кощомъ и часъ и вѣкъ;
 Разлука съ жизнью мягъ, заутра или пыль;
 Черупомъ ли угасъ, незримый ли протекъ;
 Царемъ, или рабомъ судьбнигъ.

«Блаженъ почивший на громахъ
 Въ виду отчизны благодарной,
 И въ гробѣ супротивнымъ страхъ,
 И въ гробѣ озаренъ денницей лучезарной;
 Блаженъ погибший въ цвѣтѣ лѣтъ...
 О, юноша, о, ты, безмертъю приобщенный!
 Коль быстро совершешъ твой вышенний
 полетъ;
 Вотъ опъ, пизрипнутый па щитъ окрова-
 поникъ геройскою главою; [всленный,
 Надъ нимъ кончины часъ; ужъ взоръ ве-
 движный тмится...
 Но къ кровнымъ, по къ друзьямъ, по къ
 родниъ святой,

Еще съ лучомъ любви, еще съ тоской
 стремишя;
 Не сътуй, славы сыпъ; оставъ сей жизни
 брегъ;
 Ты смерть предупредилъ, на одръ честей
 возлегъ;
 Ты спутникъ въ гробъ неустрашимыхъ.
 Увы! завидна ль часть веригой лѣтъ то-
 шимыхъ?
 Герой, одряхший подъ вѣнкомъ,
 Припикший къ костылю израпешнымъ че-
 ломъ,
 Могучихъ пережльвъ, оставленный друзь-
 ями,
 Ответу окруженъ возлюбленныхъ гро-
 бами,
 Усталый ждетъ конца—и смерть ему покой:
 Блаженъ, кто славный путь со славою до-
 веринаетъ;
 Когда вѣнки и честь беретъ во прахъ съ
 собою,
 И, въ лаврахъ поедѣвъ, па лаврахъ уга-
 саетъ!

«Здѣсь, братья, вѣчно мрпы вы!
 Почийте сладко, позабешны!
 О, вы—ловца пожравъ, въ сѣтяхъ погибши
 львы!
 О, спутники побѣдъ, коварствомъ пизло-
 женны!
 Безстрашныхъ переть—потомству даръ.
 О васъ сей будетъ холмъ бесѣдовать съ
 вѣками:
 Онъ сильнымъ возвѣститъ, какъ палъ вы
 съ громами;
 Онъ въ чадахъ валнихъ чадъ родитъ ко
 славъ жаръ.

«Здѣсь бардъ грядущихъ лѣтъ, объять
 глубокой душой,
 Въ тотъ часъ—какъ всюду мракъ полу-
 почи угрюмой,
 Когда безмолвенъ доль, и мѣсяцъ изъ-за тучъ
 Повремено свой ликъ задумчивый являетъ,
 И серна, прискакавъ на шумный въ кам-
 няхъ ключъ,
 Недвижно, робкая, журчащю струй выш-
 мастъ—
 Къ протекшимъ воспаритъ вѣкамъ,

Пробудить звономъ струнъ насупяспну дубраву,

И, мыслію стремясь великихъ по слѣдамъ,
Изъ перети воззоветъ давно-почившихъ

Здѣсь, въ сумракѣ возевъ, [славу.

Пришедъ изъ края дѣльна,

Краса славянскихъ дѣвъ,

Задумчива, печальна,

Тоску пролетъ въ слезахъ,

И, грудю воспаленной

Принавъ на хладный прахъ,

Могилы міръ священной

Рыдашемъ возмутить.

Увы! здѣсь въ сонмѣ надпихъ

Герой прелестный спитъ;

Здѣсь радостей увидишихъ

Ея послѣдній слѣдъ.

Воскреснуть вспоминая

О благахъ прежнихъ лѣтъ,

О дняхъ очарованья,

О дняхъ любви святой;

Воскреснетъ часть разлуки,

Когда, летящій въ бой,

Пріемалъ громы въ руки,

Другъ сердца, сильнымъ страхъ,

Красою образъ Диды,

Съ унышемъ въ очахъ,

Съ блисташемъ Сивговида,

Сказалъ: прости навѣкъ!

Шеломъ надвинулъ бранной,

Вдохнулъ, какъ вихрь потекъ,

И съ сонмомъ ратныхъ силъ исчезъ въ
дали туманной.

Сюда придетъ отчизны сынъ,

Героювъ племя, славянитъ,

Дѣлами предковъ распаленный;

Обыметъ надпихъ гробъ, и воишетъ гласъ
священный,

Къ нему изъ глубины рекуцій: будь великъ!

Предстанутъ предъ него протекшихъ ратей
бои

И въ молнійныхъ браздахъ вождей побѣды
ликъ!..

Почійте! мирный сонъ, о, братья, о, герои!...

Умолкъ... и струнъ печезъ въ пустынномъ
побѣ звопъ;

И отзвѣвъ по горамъ и дѣбри услышалъ;

Сонмъ бранныхъ скорбю осыплетъ:

Ихъ взоры на курганъ недвижные вперлались;
Безгласны, въ грозной тишинѣ;

На лицахъ мщенья жаръ — ихъ груди гнѣвъ
спираетъ,

И ярости пѣмой въ зѣлицахъ огонь пылаетъ.

Молчать — окрестъ покою — надъ шими въ
вышнихъ,

Изъ тучъ, влекущихся грядою,

Бросая тихій блескъ на дѣбрь, п доль, п лѣсь,

Луна невидимой стезею

Среди полуночныхъ небесъ

Свершаетъ, мирная, свой токъ уединенный.

Но се! тинетвеннымъ видѣниемъ во мглѣ

Иъвецъ воспрянулъ пораженный;

Сѣдныи дыбомъ на челѣ;

Смятеніе въ очахъ и въ члѣпахъ трепетанье;

Какъ вихоръ на курганъ онъ съ лирой
возлетѣлъ...

Волшебной раздалось бряцанье...

И снова мощный гласъ пророка загремѣлъ:

«Не вы ль, низверженныхъ полуночные
лики,

Не вы ли, призракы могучихъ предо мной?

Они! средъ бурныхъ тучъ! смеленъ рука
съ рукою!

О, странный сонмъ! о, страшны кланки!

Куда ихъ строгій взоръ столь грозно устре-
млетъ?

Надъ кѣмъ воздушный мечъ вожда ихъ
вознесетъ?

Надъ кѣмъ гремятъ дѣбиями?

Внимай! внимай! горѣ иъсепъ гябели поютъ.

Отмщенья! крови! воцѣютъ,

Сверкая изъ-за тучъ ужаснымъ очамъ.

Отмщенья, витязи, отмщенья! громъ во
длапъ!

Воздвигнись, духъ славянъ! воздвигнись,
местъ п бранъ!

Се ярый исполнитъ, побѣдами надменный!

Постигну! поражу! раземилю ихъ полки!

Ихъ рабство — даръ моей руки! —

Гремитъ, на гибель онолчешный!

Друзья! се часъ побѣды! славяне, воз-
гремитъ!

Прострите взоръ окрестъ: лишь дѣбри за-
пустѣлы.

Гдѣ пыльный видъ полей? гдѣ радостный
селъ?

И гдѣ тевтоновъ мощь, низрицувшая Римъ?
Тамъ мать голодная изсякшими сосцами,
Простертая на прахъ, въ младенца кровь
ліетъ;
Тамъ къ пеллу хвѣжины припикшіи сѣди-
памъ,
Недугомъ пзпурень, кончины старецъ
ждетъ;
Тамъ чада нищеты—убійство и хищенье;
Тамъ, рабства первенецъ, неистовый раз-
вратъ.
О, ясный миръ семей! о, правозъ оксервенье!
О, доблесть прежнихъ лѣтъ! лишь цѣпи
тамъ звучатъ;
Линь хищниковъ бпчи подняты надъ раба-
Сокрылись Германа послѣдніе сыны; [ми;
Сокрылись слъзъ вожди, паривіе орлами;
Въ пустыняхъ, очеса къ землѣ преклонены,
Надъ прахомъ надшаго отечества рыдаютъ.
«О, братья, о, сыны возвышенныхъ славянь,
Восприимемъ! вамъ перуиъ дая миценья
свыше дагъ.
Отмщенья! подъ ярмомъ народы восклицаютъ,
Да въ прахъ, да въ прахъ падуть по-
гибели творцы!...
Возрите вспять... Тамъ сонмъ священ-
ный,
Тамъ счастья пашихъ дней залюги драго-
цѣнны,
Тамъ матери въ слезахъ, тамъ чада и отцы,
Тамъ лавроносная отчизна въ ожиданьѣ.
О, витязи! за вами вслѣдъ
Славянскихъ дѣвъ любовь, возлюбленныхъ
желанье:
Да боги ихъ души съ трофеями побѣдъ
Но брацияхъ притекутъ, отмстивъ, непо-
срамлены.
За вами ихъ мольбы летятъ воспламенены.
Вонмите и сунругъ, и чады, и юныхъ дѣвъ,
Вонмите, воины, моленье;
Возрите на отцовъ колѣнопреклоненье;
Во славѣ, посреди могучихъ посѣдѣвъ,
Подъемаютъ къ небсамъ трепещущія
длаши,
И молятъ: Царь судьбъ, за нихъ, за нихъ
во брані!
О, сколь возвышены спасающіе насъ!
[Въ восторгѣ сердца восклицаютъ

Возлюблены, узрѣвъ на бой текущихъ
васъ]
Какія молціи во взорѣ ихъ блистаютъ!
Коль грозецъ ополченныхъ сонмъ!
О, сколь цѣлительны, неси во длаяхъ
громъ!
Они ль не полетятъ на крыльяхъ мести
къ бою,
Они ль, оставивши все блага за собою?
О незабвенные, о, слава пашихъ дней,
Грядите—благодать самихъ Небесъ надъ
Враги да будутъ сплѣдъ мечей! [вами;
Да векорѣ бранными въиками
Священныхъ главы отмстившихъ обовьемъ.
О, часъ блаженнѣйшій свиданья!
Летать—въ крови, въ пыли, тѣснятся въ
Благословенья, лобызанья! [отчій домъ!
Восторгъ души, лишенной словъ!
Сунруги, въ Божій храмъ; встрѣчайте
женщювъ
Въ одеждѣ брачной, обрученны;
Да льстятъ слезъ бальзамъ на раны ихъ
священны;
Отремъ съ ланитъ геройскихъ прахъ;
Да видомъ не страшатъ, ни грозными
бронями
Отцы, на колыбель склонены надъ сынами.
А вы, недвижные предъ нами на цитахъ,
Безгласные среди молитвъ и ликованій,
О, надшіе друзья, о, прахъ волубоговъ,
Примите скорбный даръ и стоновъ и
лобзаций
Отъ женъ рыдающихъ, отъ родныхъ и
сыновъ.—
Могущественный гласъ, мы ль хладыи
предъ тобою?
Копье во длапъ! воздвигни щитъ!
Впередъ на огнь и мечъ громовою стѣпю!
Ужъ горній пашъ орелъ перунами гремить;
Ужъ гордо распростеръ крылья передъ
полками.
Внимайте... Супостать съ погибелью течеть;
Земля трясется подъ коными;
«Попру стоною!» вопіеть.
Ударимъ! упредимъ! не россу посрамленье!
Кто смерти предпочеть дерзнетъ порабо-
щенье?
Кто согражданъ и стыдъ и плѣвъ?
Отъ родины святой бѣглець отрицуетъ;

Страхись онь отческія сѣпн;
 Ему ли осязать родителя козѣни?
 Ему ли старца грудь священную лобзать?
 Онь врагъ своихъ друзей; онь низкій
 жизни тать.

Нѣтъ! нѣтъ! всею моцью пораженъ
 Низринемъ, россы, на враговъ!
 Не намъ, не намъ стенать подь бре-
 мепемъ оковъ!
 Не намъ предать и жепъ и чадъ на
 развращенья!
 Отчизнѣ ль нашей быть добычей пхъ
 когтей?

Иль диво намъ карать надменныхъ?
 О, россы, о, ужасъ дерзновенныхъ!
 Пусть смѣютъ испытать, гдѣ моць руки
 Уснули ль полчища орлины, [твоей,
 Которыхъ громъ возжегъ эвкенискія пучины,
 И скандинавскаго на прахъ повергнулъ
 льва?

Явись, сразившая сарматовъ булава! —
 Умолкъ... и сонмы веколебались...
 Щитами гранули... чрезъ холмъ, сквозь
 дѣбрь и лѣсъ,

Воспламененные помчались...
 И праха черный вихрь вознесся до небесъ.

Опять вы, птички, прилетѣли
 Съ весною на кусточекъ мой,
 Опять вы веселы, заплѣли.
 А я... все съ прежнею тоской!
 Ахъ, птички, скальтеся, замолчите!
 Уже со мною друга нѣтъ!
 Или его мнѣ возвратите
 Или за нимъ пуститесь велѣдь.
 Меня оставилъ онь, жестокой,
 И въ край безвѣстный улетѣлъ!
 Чего печать въ странѣ далекой,
 Когда въ своей онь все нашель?..

1807.

М* НА НОВЫЙ ГОДЪ

при подаркѣ книги.

На новый годъ въ воспоминанье
 О томъ, кто всякій часъ мечтаетъ о тебѣ!
 Кто счастье дней своихъ, кто радости
 некапье

Въ твоей лишь залючилъ, безцѣпный
 другъ, судьбы!

1808.

при носынкѣ альбома.

Невпниность мирная, краса души твоей,
 Подь сѣнью матери съ тобой да сохранился!
 О, небо, пусть идетъ веселія стезей!
 Да егорблю ппкогда сей взоръ не по-
 мрачителя!

Собой счастливить всѣхъ — прелестный
 жребій твой!
 Счастливыхъ близъ тебя внимай благо-
 словенъ!
 Невинный, милый другъ, храни души
 покой!
 Да сохранить тебя святое Провидѣнье!

С Т И Х И,

сочиненные для альбома м. в. п.

Давно унизился поэзіи кредитъ!
 И свѣтъ, безмысленный правдивыхъ музъ
 ругатель,
 Нескладной прозою давно намъ говорить:
 «Поэтъ — и хитрый ажедь, и ложный
 предсказатель!»
 Филлида, свѣтъ — софистъ! слова его —
 обманъ!
 Дерзаю оправдать поэта важный санъ!

Когда нелетивымъ, свободными стихами
 Скажу, что милой быть имѣешь рѣдкій даръ;
 Что грацій пѣжними украшена цвѣтами;
 Что блескъ твоихъ очей есть чувства
 тайный жаръ;
 Что взглядъ твой — милой души изобра-
 женье;
 Что ты не хитростью плѣняешь — прѣ-
 стотой;
 Что неиритворное немногихъ удивленъ
 Пріятный для тебя блистанья предъ
 толпой;
 Что некрепней лѣбви ты знаешь по-
 стоянство;
 Что прелести твои, опасныя сердцамъ,

Лишь непорочности паружное убранство;
 Что хитрою рукой ты жизнь даешь стру-
 намъ;
 Что въ танцахъ ты—зефиръ, весельемъ
 открылсяпный;
 Что въ пѣньи побѣждаетъ тобой весны
 пѣвецъ—
 Тогда, гармоніей стиховъ моихъ плѣнительнѣй,
 Свѣтъ скажетъ: онъ поэтъ! Итакъ —
 поэтъ не лжець!

Когда же, предузнавъ сокрытое судьбою
 И снявъ съ ея лица магическій покровъ,
 Я прорицателемъ предстапу предъ тобою,
 И смѣло предажу, по праву всѣхъ
 пѣвцовъ:
 «Достоинной счастья быть — твое опре-
 дѣлене,
 И розы для тебя безъ терна расцвѣтутъ!
 Фланда, не страшись Сатурнова стре-
 мленья:
 Приятностей души лѣта не унесутъ!
 Краса своей семьи, любимая друзьями,
 Въ ихъ счастье ты пойдеши, ихъ сча-
 стьемъ наградишь!
 Ты состраданія всеспыльными слезами
 Съ противною судьбой страдальца при-
 миряишь!
 Безкровный отъ тебя въ тоскѣ не удалится;
 И тамъ, гдѣ ницета въ терзающихъ жизни
 клянетъ,
 Приходи твой съ именемъ Творца бла-
 гословителъ!
 Какъ сладкій, легкій сонъ, твой мирный
 вѣкъ пройдетъ!
 И въ часъ послѣдняго съ друзьями раз-
 ставанья,
 Когда душа полна лишь скорбію одной,
 Лишь уповаемъ на близкое свиданье,
 Ты ясный кинешь взоръ на путь ми-
 нувшій свой
 И жизнь благословишь, какъ милость
 Провидѣнья,
 Гдѣ все вело къ добру — и радость, и тоска;
 Гдѣ все Творцомъ любви дано для на-
 слажденья...
 И взоръ тебѣ смежитъ возлюбленныхъ рука,
 И меланхоліей задумчивой хранимый
 [Какъ розы аромать, когда ужъ розы нѣтъ,

Какъ вѣжливый блескъ зари, на тихомъ
 небѣ зримый] —
 Для нихъ не отцвѣтетъ твой желанъ,
 милый слѣдъ!...»
 Тогда лишь петипы пристрастный пори-
 цатель
 Дерзнетъ сказать: поэтъ, ты ложный
 предсказатель!

П Ъ С Н Я.

«Роза, весенній цвѣтъ,
 Скройся подъ тѣнь
 Роши развѣсенстой!
 Бойся лучей
 Солица палищаго,
 Вѣжливый цвѣтокъ!»
 Такъ мотылекъ златой
 Розѣ шепталъ.
 Розѣ не внятеиъ быдъ
 Скромный совѣтъ!
 Роза плѣняется
 Блескомъ однимъ!
 «Солице блестящее
 Любить меня!
 Мнѣ ли, красавицѣ,
 Тѣни искать!»
 Гордость, безумная!
 Видный цвѣтокъ!
 Солице разсыпало
 Гибельный лучъ:
 Роза погнукула
 Пышной главой,
 Листья поблскудали,
 Запахъ исчезъ.
 Дѣвица красная,
 Вѣжливый цвѣтокъ!
 Розы падменья
 Помни прилѣбрь.
 Маткипой-душкою
 Скромно цвѣти,
 Съ мирной певничностью,
 Цвѣтомъ души.
 Давный судьбиною
 Скромный удѣлъ,
 Дѣвица красная,
 Счастье твое!
 Въ роцѣ скрывается,

Лесной ручей,
Бури не въдая,
Мирно журчить!

ТОСКА ПО МИЛОМЪ.

пѣсня.

[Подражаніе Шиллеру].

Дубрава шумить;
Сбираются тучи;
На берегъ зыбучій
Склонившись, сидитъ

Въ слезахъ, пригорюясь, дѣвица-краса;
И полночь и буря мрачатъ небеса;
И черныя волны, вздымаясь, бушуютъ;
И тяжкіе вздохи грудь бѣду волнуютъ.

« Душа отцвѣла;
Природа уныла;
Любовь измѣнила,
Любовь унесла

Надежду, надежду—мой сладкій удѣлъ.
Куда ты, мой ангелъ, куда улетѣлъ?
Ахъ, полно! я счастьемъ мірекимъ на-
сладилась:
Жила, и любила ... и друга лишилась.

«Теките струей
Вы, слезы горючі;
Дубравы дремучи,
Тоскуйте со мной.

Ужь болѣе не встрѣтить мнѣ радостныхъ дней;
Простилась, простилась я съ жизнью моею:
Мой другъ не воскреснетъ; что было, не
будеть...
И бывшаго сердце вовѣкъ не забудетъ?

«Ахъ! скоро ль пройдутъ
Унылые годы?
Съ весною—природы
Красы расцвѣтуть...

Но сладкое счастье не дважды цвѣтеть.
Пуекай же драгое въ слезахъ оживетъ;
Любовь, ты погибла; ты, радость, умчалась;
Одна о минушемъ тоска мнѣ осталась.

МОНАХЪ.

Тамъ, гдѣ бьетъ петочникъ чистый
Въ берегъ свѣтлою волной,—
Тамъ, подъ рощею тѣпистой,

Съ томней, томною душой,
Я грустилъ уединенный!
Тамъ прекрасную узрѣлъ!—
Приракъ милый, но мгновенный,
Чуть блеснулъ и улетѣлъ!
Вслѣдъ за нимъ душа умчалась!
Съ той поры, прости, покой!
Жизнь изгнаніемъ казалась,—
Келья бездной гробовой!
О, страданье! О, мученье!
Сладкій сонъ, возобновись!
Гдѣ ты, райское видѣнье?..
Ангелъ Божій, воротись!..
Миръ лѣсовъ, дубравы съпи,
Вѣчный мракъ ужасныхъ стѣнъ,
Старцы-горестныя тѣни,
Крестъ, обѣты, сердца павѣи,—
Вы ли страсти усмирень?..
Здѣсь, въ могилѣ дней моихъ,
Въ божества изображеньѣ,
На обломкахъ гробовыхъ,
Предъ святыней преклоненный,
Въ еамый жертвы страшный часъ,—
Вижу образъ позабвенный,
Слышу милый, милый гласъ!..

МАЛЬВИНА.

пѣсня.

[съ французскаго].

Съ тѣхъ поръ, какъ ты павѣишь другою,
Мальвина впасть въ цвѣтъ лѣтъ;
Мнѣ свѣтъ прелестенъ былъ тобою;
Теперь—прости, прелестный свѣтъ!
Ахъ! не отринь любви моленья:
Приди... не сердце мнѣ отдать,
Но взоръ потухшій мой принять
Въ минуту смертнаго томленья.

Спѣши, спѣши! близка кончина;
Смотри, какъ въ часъ послѣдній свой
Твоя терзается Мальвина
Стыдомъ, любовью и тоскою;
Не смерти страшной содрогалъ,
Не тусклый, безотвѣтный взглядъ,
Тебѣ, о милый, возвѣстятъ,
Что жизни кончилось страданье.

Ахъ, ибтъ!.. когда жь Мальвины муку
 Не усаждаешь твой приходъ;
 Когда хладящую руку
 Она тебѣ не подаетъ;
 Когда забыть мой другъ единый,
 Мой взоръ престалъ его искать,
 Душа престала обожать:
 Тогда—тогда ужь ибтъ Мальвины.

КЪ НИИЪ.

[съ англійскаго].

О, Нина, о, мой другъ! ужель безъ
 сожалѣнья
 Покинешь для меня и свѣтъ и пышный
 градъ?
 И въ бѣдномъ шалашѣ, обители смиренья,
 На сельскій промѣнявъ блестящій свой
 парядъ,
 Неукрашенная ни златомъ, ни парчою,
 Сіяя для пустынь невидимой красою,
 Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ
 городѣ цвѣла
 И несравненною въ кругу Прелесть
 слыла?
 Ужель, направя путь въ далекую долипу,
 Назадъ не обратишь очей своихъ съ тоской?
 Готова ль перенестъ убожества судьбину,
 Зимы жестокой хладъ, палящій лѣта зной?
 О, ты, рожденная быть прелестью природы!
 Ужель, затворница, въ весенни жизни годы
 Не вспомнишь сладкихъ дней, какъ въ
 городѣ цвѣла
 И несравненною въ кругу Прелесть
 слыла?
 Ахъ! будешь ли въ бѣдахъ миѣ вѣрная
 подруга?
 Опасности со мной дерзнешь ли раздѣлить?
 И, въ горькій жизни часъ, прискорбнаго
 супруга
 Усмѣшкою любви придешь ли оживить?
 Ужель, во глубинѣ души тая страданья,
 О Нина! въ страшную минуту испытанья.
 Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ
 городѣ цвѣла
 И несравненною въ кругу Прелесть
 слыла?
 Въ послѣднее любви и радостей мгно-
 венье,

Когда мой Нину взоръ уже не различить,
 Утѣшить ли меня твое благословенье,
 И смертную мою постелю усадить?
 Придешь ли украшать мой тихій гробъ
 цвѣтами?
 Ужель, простертая на прахъ мой со слезами,
 Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ
 городѣ цвѣла
 И несравненною въ кругу Прелесть
 слыла?

СТИХИ, ВЫРЪЗАННЫЕ НА ГРОБѢ

А. О. С—ой.

О вы, которые въ молитвахъ и слезахъ
 Тѣснились вокругъ моей страдальческой
 постели,
 Которые меня въ борьбѣ съ недугомъ зрѣли,
 О дѣти, о друзья! на мой спокойный прахъ
 Придите усадить разлуку утѣшеньемъ!
 Въ семь гробѣ тишина; мой спящій взоръ
 закрыть;
 Мой ликъ не омраченъ ни скорбью, ни
 мученьемъ,
 И жизни тяжкій крестъ меня не бременить.
 Спокойтесь, зря мою послѣднюю обитель:
 Да мой достигнетъ къ вамъ изъ гроба
 тихій гласъ,
 Дабудетъ онъ мнѣ любезнымъ утѣшителемъ!
 Открыто мнѣ теперь все, тайное для васъ!
 Стремитесь мнѣ вослѣдъ съ сердечнымъ
 упованьемъ,
 Хранямы Промысла невидимой рукой:
 Онъ съ жизнью насъ миритъ безсмертья
 воздаяньемъ!
 За гробомъ, милые, вы свидитесь со мной!

ГИМНЪ.

[пѣзъ томпсона].

О Вогъ памъ гласить времяъ круговра-
 щеньеъ,
 О благиости Его исполненный Имъ годъ.
 Творецъ! весна Твоей любви изображеньеъ:
 Воскреснуди поля; цвѣтетъ лазурный сводъ;
 Веселье холмы одѣты красотою,
 И сердце растворилъ желаній тихій жаръ.
 Ты въ лѣтѣ, окруженъ и зноемъ и грозою,
 То мирный, благодѣтельный, несешь памъ зрѣ-
 лость въ даръ,

То намъ благотворишь, сокрытый тучъ
 громадой.
 И въ полдень пламенный, и ночь въ
 тихій часъ,
 Съ дыханіемъ дубравъ, пестрицковъ съ
 прохладой,
 Не Твой ли къ намъ летитъ любви
 полный гласъ?
 Ты въ осень общій ширь готовишь для
 творенья;
 И въ зиму, гнѣвный Богъ, на бурныхъ
 облакахъ,
 Во ужасъ облеченъ, съ грозой опустошенья,
 Парить, погубельный... какъ дольный
 гошишь прахъ,
 И вьюгу, и мятель, и вихорь предъ Собою;
 Въ развалинахъ земли; природы стра-
 шенъ видъ;
 И міръ, оцѣпенѣвъ предъ Сильнаго рукою,
 Хвалебнымъ треномъ Творца благовъ-
 ситъ.
 О, таинственный кругъ! какихъ законовъ
 сила
 Сліяла здѣсь красу съ чудесной простотой,
 Съ великолѣпіемъ пріятность согласила,
 Со тьмою дивный свѣтъ, съ движеніемъ
 покой,
 Съ неизмѣняемымъ единствомъ измѣненъ?
 Почто жъ ты, человѣкъ, спянецъ среди
 чудесъ?
 Признай окрестъ себя Рукѣ напечатлѣнье,
 Отъ вѣка правящей теченіемъ небесъ
 И строемъ мирныхъ сферъ изъ тьмы не-
 достижимой.
 Она весной красу производитъ на поля;
 Ей жертва дымъ горы, перунами дробн-
 мой;
 Предъ нею въ трепетъ веселія земля.
 Воздвигнись, спящій міръ! внуши мой
 гласъ, создашь!
 Да грянетъ ваша пѣснь Чудеснаго дѣламъ!
 Сліянные въ хвалу, сліянные въ обожанье,
 Да гимнъ вашъ потрясетъ небесъ огром-
 ный храмъ!..
 Журчи къ Нему любовь подъ тихой сѣнью
 лѣса,
 Порхая по листьямъ, душистый вѣтерокъ;
 Вы, ели, наклонясь съ сѣдой главы утеса
 На свѣтлый, о скалу біющійся потокъ,
 Его привѣтствуйте таинственною мглою;
 О Немъ благовѣсти, крылатыхъ бурей
 свистъ,
 Когда трещетъ брегъ, терзаемый волною,
 И сорванный съ лѣсовъ кружится клубомъ
 листь;
 Ручей, невидимо журчащій подъ дубравой,
 Съ лѣсной крутизны ревущій водонадъ,
 Рѣка, блестящая среди дебрей величаво,
 Кристалломъ огазивъ на брегѣ пышный
 градъ,
 И ты, обитель чудъ, бездонная пучина,
 Гремите пѣснь Тому, чей бурь звучѣйшій
 гласъ
 Величь—и зыбь горой; величь—и зыбь
 равнина.
 Вы, злаки, вы, цвѣты, лепи къ Нему отъ васъ
 Хвалебное съ полей, съ луговъ благоуханье:
 Опъ далъ вамъ ароматъ, Онъ васъ кро-
 интъ росой,
 Изъ радужныхъ лучей соткалъ вамъ
 одѣянье;
 Предъ Нимъ утихни, доль; поникни, боръ,
 главой;
 И, жатва, тренеци на нивѣ оживленной,
 Плѣнья шорохомъ мечтателя своимъ,
 Когда опъ, при лунѣ, вдоль рощи осребренной,
 Идстъ задумчавый, и тѣнь вослѣдъ за нимъ;
 Луна, по облакамъ разлей струи златя,
 Когда и дѣбрь, и холмъ, и лѣсъ въ туманѣ
 спятъ;
 Созвѣздій ликъ, сіяй среди тверди голубя,
 Когда струнами лиръ превыспреннихъ зву-
 воспламененные любовью серафимы; [чашъ
 И ты, свѣтло дня, смиритель бурныхъ тучъ,
 Будь щедростію ликъ Творца боготворимый,
 Ему живописуй хвалу твоей каждый лучъ...
 Се громъ!.. Владыки гласъ!.. Безмолвствуй,
 міръ смятенный.
 Внуши... Изъ края въ край по тучамъ
 гулъ гремать;
 Разрушена скала; дышится дубъ сраженный;
 И гимнъ торжественный чрезъ дебри вдаль
 парить...
 Утихъ... Красуйся, лугъ... привѣтственное
 пѣнье,
 Изникни изъ лѣсовъ; и ты, любовь весны—
 Лишь полночь принесетъ периятымъ усы-
 пленье,

И тихій отъ холма возетапетъ рогъ луны—
Воркуй подь сѣнію дубравной, Фломела.
А ты, глава земщ, творенія краса,
Наслѣдникъ ангеловъ безсмертнаго удѣла,
Сочти безчисленны созданья чудеса,
И въ горнее пари, хвалою воспламененный.
Сердца, сляинны въ пѣснь, летите къ небесамъ;

Да грады восшумягъ, мольбами оглашенны;
Да въ храмахъ съ алтарей возстанеть
оніміамъ;

Да грянуть съ звономъ арфъ и съ ликами
органы;

Да въ селахъ, по горамъ, и въ сумракѣ
лѣсовъ,

И настыря свирѣзъ, и юныхъ дѣвъ тимпаны,
И звучные рога, и шумный гласъ пѣвцовъ
Одинъ составить гимнъ и гулъ отгряпетъ:
слава!

Будь, каждый звукъ, хвала; будь, каждый
холмъ, алтарь;

Будь храмомъ, каждая тѣнистая дубрава,
Гдѣ, мнится, въ тайной мглѣ сокрытъ
природы Царь,

И вѣютъ въ вѣтеркахъ душистыхъ сера-
фимы,

И гдѣ, возведши взоръ на свѣтлый неба
сводъ,

Сквозъ зыблемую сѣть вѣтвей древесныхъ
зримый,

Пѣвецъ въ задумчивомъ восторгѣ слезы
леть.

А я, животворимъ созданья красотою,
Забуду ли когда хвалебный гласъ мольбы?
О Непсытанный! мой пламень предъ Тобою!
Буда бъ ни привела рука Твоей судьбы,
Найду ли тишину подь отческою сѣнью,
Вечный другъ полей, возлюбленныхъ
въ кругу—

Тебя и въ знойный дѣнь, покрытый рощи
тѣнью,

И въ поть, задумчивый, потока на берегу,
И въ обиталищахъ страданія забвенныхъ,

Гдѣ бѣдность и недугъ, гдѣ рокъ напеча-
талъъ

Отчаянья клеймо на лицахъ исваженныхъ,
Куда бъ, влекомъ Тобой, съ отрадой я летѣлъ,

И въ часть торжественный полночнаго
видѣнья,
Какъ струны, пробудясь, отвѣтствуютъ
перстамъ
И духъ воспламененъ восторгомъ пѣсно-
пѣнья—

Тебя велею искать и сердцу и очамъ.
Постигнешь ли меня гоненія рукою—

Тебя жъ благословитъ тоски молящій гласъ;
Тебя же обрѣту подь грозной жизнью мглою.

Ахъ! скоро ль прилетитъ послѣдній,
скорбный часъ,

Конца и тишины желанный возвѣститель?
Промчись, печальная невѣдья тѣнь!

Откройся, тайный брегъ, утраченныхъ
обителъ!

Откройся, мирная, отческая сѣнь!

Л Ю Д М И Л А.

БАЛЛАДА.

[ИМИТАЦИЯ БЮРГЕРОВОЙ «ЛЮДМИЛЫ»].

— «Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?»

Съ чужеземною красотою

Знать въ далекой стороне

Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ;

Иль безвременно могила

Свѣтлый взоръ твой угасила».

Такъ Людмила, приунывъ,

Къ персямъ очи преклонивъ,

На распутіи вздыхала.

— «Возвратится ль опъ—мечтала—

Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ

Съ грозной ратію славянъ?»

Ныль туманять отдаленье;

Свѣтитъ ратныхъ ополченье;

Топотъ, ржаліе коней;

Трубный трескъ и стукъ мечей;

Щахомъ панцыри покрыты;

Щлемы лаврами обвиты;

Близко, близко ратныхъ строй;

Мчатся шумною толпой

Жены, чада, обрученны...

«Возвратился ли незабвенны!»...

А Людмила?... Ждетъ пождеть...

— «Тамъ дружину опъ ведетъ;

«Сладкій часъ соединенья!»...

Вотъ проходитъ ополченье;

Миновался ратныхъ строй...

Гдѣ жъ, Людмила, твой герой?
 Гдѣ твоя, Людмила, радость?
 Ахъ! прости, надежда-сладость!
 Все погибло: друга нѣтъ.
 Тихо въ теремъ свой идетъ,
 Тонну голову склонила:
 «Разступись, моя могила;
 Гробъ, откройся; полно жить;
 Дважды сердцу не любить».
 — «Что съ тобой, моя Людмила?
 Мать со страхомъ возопила.
 «О, покой тебя Творецъ!»
 — Милый другъ; всему конецъ;
 Что прошло—невозвратно;
 Небо къ намъ неумолимо;
 Царь небесный насъ забылъ...
 Миѣ ль онъ счастья не сузилъ?
 Гдѣ жъ обѣтовъ неполненъ?
 Гдѣ святое Провидѣнье?
 Нѣтъ, немилостивъ Творецъ;
 Все прости; всему конецъ.—
 «О Людмила, грѣхъ роптанья;
 Скорбь—Создателя посланье;
 Зла Создатель не творить;
 Мертвыхъ стонъ не воскресить».
 — Ахъ! родная, миновалось!
 Сердце вѣрить отказалось!
 Я ль, съ надеждой и мольбой,
 Предъ иконою святой
 Не точила слезъ ручьями?
 Нѣтъ, безплодными мольбами
 Не призвать минувшихъ дней;
 Не цѣсти душъ моихъ.
 Рано жизнью насладилась,
 Рано жизнь моя затмилась,
 Рано прежнихъ лѣтъ краса.
 Что взирать на небеса?
 Что молить неумолимыхъ?
 Возвращу ль невозвратимыхъ?—
 «Царь небесъ, то скорби гласъ!
 Дочь, вспомни смертный часъ;
 Кратко жизни сей страданье;
 Рай—смирненнымъ воздаянье,
 Адъ—бунтующимъ сердцамъ;
 Будь послушна небесамъ».
 — Что, родная, муки ада?
 Что небесная награда?
 Съ милымъ виѣсть — веюду рай;

Съ милымъ розно — райскій край
 Безотрадная обитель.
 Нѣтъ, забылъ меня Спаситель!—
 Такъ Людмила жизнь кляла,
 Такъ Творца на судъ звала...
 Вотъ ужъ солнце за горами;
 Вотъ уснула звѣздами
 Ночь спокойный сводъ небесъ;
 Мрачень долъ, и мраченъ лѣсъ.
 Вотъ и мѣсяцъ величавой
 Всталъ надъ тихою дубравой:
 То изъ облака блеснетъ,
 То за облако зайдетъ;
 Съ горъ простерты длинны тѣни;
 И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
 И зеркало зыбкихъ водъ,
 И небесъ далекій сводъ
 Въ свѣтлый сумракъ облечены...
 Спятъ пригорки отдаленны,
 Боръ заснулъ, долина спить...
 Чу!.. полночный часъ звучить.
 Потряслась дубовъ вершины;
 Вотъ повѣялъ отъ долины
 Перелетный вѣтерокъ...
 Скачетъ по полю бѣдокъ:
 Борзый конь и ржетъ и нышетъ.
 Вдругъ... идутъ... (Людмила слышитъ)
 На чугунное крыльцо...
 Тихо брякнуло кольцо...
 Тихимъ шопотомъ сказалъ...
 (Всѣ въ ней жилики задрожали)
 То знакомый голосъ былъ,
 То ей милый говорилъ:
 — Спить, или нѣтъ, моя Людмила?
 Помнить друга, пль забыла?
 Весела, или слезы льетъ?
 Встань, женихъ тебя зоветъ.—
 «Ты ль? Откуда въ часъ полночь?
 Ахъ! едва прискорбны очи
 Не потухнули отъ слезъ.
 Знать, тронулся Царь небесъ
 Бѣдной дѣвицы тоскою?
 Точно ль милый предо мною?
 Гдѣ же былъ? Какой судьбой
 Ты опять въ странѣ родной?»
 — Близъ Наревы домъ мой тѣсный.
 Только мѣсяцъ поднебесный
 Надъ долиною взойдетъ,

Лишь полночный час пробьетъ —
 Мы коней своихъ съѣдаемъ,
 Темны кельи покидаемъ.
 Поздно я пустился въ путь.
 Ты моя; мою будь...
 Чу! совы пустынной крики.
 Слышишь? Пѣнье, брачны лики.
 Слышишь? Борзый конь заржалъ.
 Ёдемъ, ёдемъ, часъ насталъ. —
 «Переждемъ хоть время ночи;
 Вѣтеръ всталъ отъ полуночи;
 Хладно въ полѣ, боръ шумить;
 Мѣсяцъ тучами закрытъ».
 — Вѣтеръ буйный перестанетъ;
 Стихнетъ боръ, дува проглянетъ;
 Ёдемъ, намъ сто веретъ ѣды.
 Слышишь? Конь грызетъ бразды,
 Бьетъ копытомъ съ нетерпѣнья.
 Мигъ намъ страшенъ замедленья;
 Краткій, краткій данъ мнѣ срокъ;
 Ёдемъ, ёдемъ, путь далѣкъ. —

«Ночь давно ли наступила?
 Полночь только-что пробила.
 Слышишь? Колоколъ гудить».
 — Вѣтеръ стихнулъ; боръ молчить;
 Мѣсяцъ въ водный токъ глядится;
 Мигомъ борзый конь домчится. —
 «Гдѣ жъ, скажи, твой тѣсный домъ?»
 — Тамъ, въ Литвѣ, краю чужомъ:
 Хладенъ, тихъ, уединенный,
 Свѣжимъ дерномъ покровенный;
 Саванъ, крестъ и шесть досокъ.
 Ёдемъ, ёдемъ, путь далѣкъ. —
 Мчатся всадникъ и Людмила.
 Робко дѣва обхватила
 Друга пѣжною рукой,
 Прислоняся къ нему главою.
 Скокомъ, лѣгомъ по долинамъ,
 По буграмъ и по равнинамъ;
 Пышетъ конь, земля дрожитъ;
 Врызжутъ искры отъ копытъ;
 Пылъ катится вслѣдъ клубамъ;
 Скачутъ мимо нихъ рядами
 Рвы, поля, бугры, кусты;
 Съ громомъ зыблется мосты.

«Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
 Мертвый съ дѣвицею мчится;
 Путь ихъ къ кельѣ гробовой.

Страшно ль, дѣвица, со мной?»
 — Что до мертвыхъ? что до гроба?
 Мертвыхъ домъ земли утроба. —
 «Чу! въ лѣсу потрясся листъ.
 Чу! въ глуши раздася свистъ.
 Черный воронъ встрепенулся;
 Вадрогнулъ конь и отшатнулся;
 Вспыхнулъ въ полѣ огонѣкъ».
 — Близко ль, милый? — «Путь далѣкъ». —
 Слышутъ шорохъ тихихъ тѣней:
 Въ часъ полуночныхъ видный,
 Въ дымѣ облака, толпой,
 Прахъ оставя гробовой
 Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
 Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ
 Въ цѣпь воздушную свились;
 Вотъ за ними понесаясь,
 Вотъ поютъ воздушны лики:
 Будто въ листьяхъ павилки
 Вьется легкій вѣтерокъ;
 Будто плещетъ ручеекъ.

«Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
 Мертвый съ дѣвицею мчится;
 Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
 Страшно ль, дѣвица, со мной?»
 — Что до мертвыхъ? что до гроба?
 Мертвыхъ домъ земли утроба. —
 «Конь, мой конь, бѣжитъ песокъ;
 Чую ранній вѣтерокъ;
 Конь, мой конь, быстрѣ мчися;
 Звѣзды утренни зажглись.
 Мѣсяцъ въ облакъ потухъ.
 Конь, мой конь, кричитъ пѣтухъ».
 — Близко ль, милый? — «Вотъ примчались»
 Слышутъ: сосны запатались;
 Слышутъ: спалъ съ воротъ запоръ;
 Борзый конь стрѣлой на дворъ.
 Что же, что въ очахъ Людмилы?
 Камней рядъ, кресты, могилы,
 И среди нихъ Божій храмъ.
 Конь несется по гробамъ;
 Стѣны звонкій вторять топотъ;
 И въ травѣ чуть слышимый шопотъ,
 Катъ усопшихъ тихій гласъ...
 Вотъ денница занялась.

Что же чудится Людмилѣ?...
 Къ свѣжей конь примчась могилъ,
 Бухъ въ нее и съ сѣдокомъ.

Вдругъ—глухой подземный громъ;
 Страшно доски затрепали;
 Кости въ кости застучали;
 Пыль взвилася; обручъ хлопъ;
 Тихо, тихо вскрылся гробъ...
 Что же, что въ очахъ Людмилы?...
 Ахъ, певѣста, гдѣ твой милый?
 Гдѣ вѣпчальный твой вѣнецъ?
 Домъ твой—гробъ; женихъ—мертвецъ.
 Видитъ трушъ оцѣненѣлый:
 Прямя, недвижимъ, посибѣлый,
 Длиннымъ саваномъ обвить.
 Страшенъ милый прежде видъ;
 Впалы мертвыя ланиты;
 Мутенъ взоръ полуоткрытый;
 Руки сложены крестомъ.
 Вдругъ привсталъ... манитъ перетомъ...
 «Копченъ путь: ко мнѣ, Людмила;
 Намъ постель—темя могила;
 Завѣсь—саванъ гробовой;
 Сладко спать въ земаѣ сырой».

Что жъ Людмила?... Камнѣеть,
 Меркнуть очи, кровь хладѣть,
 Пала мертвая на прахъ.
 Стонъ и вопли въ облакахъ;
 Визгъ и скрежетъ подъ земаю;
 Вдругъ усопшіе толною
 Нотянулись изъ могилъ;
 Тихій, страшный хоръ завылъ:
 «Смертныхъ ропотъ безразсуденъ;
 Царь Всевышній правосуденъ;
 Твой услышалъ стонъ Творецъ;
 Часъ твой билъ, насталъ конецъ».

РАЗСТРОЙКА СЕМЕЙСТВЕННОГО СОГЛАСІЯ.

Жилъ мужъ въ согласіи съ женою,
 И въ домѣ ихъ ничто любви не нарушало.
 Ребенокъ, моська, котъ, сурокъ и чижъ
 ручной
 Въ такомъ ладу, какого не бывало
 И въ самомъ Ноевомъ ковчегѣ никогда!
 Но вотъ бѣда!

Случился праздникъ, мужъ хлебнулъ, и
 въ споръ съ женою!
 Чѣмъ кончилось? Опъ далъ возлюбленной
 толчка!

Жена—сѣчь сына; сыпъ—бить моську;
 моська съ бою—
 Душить и мять кота; котъ ланкою—сурка;
 Сурокъ перекусилъ чижку съ досады шено!
 Перѣдко цѣлый край одинъ глупецъ сму-
 щаль!
 Перѣдко безъ вины безсильный погибалъ
 Во мзду могучему злодѣю!

П Ъ С И Я.

Мой другъ, хранитель-ангелъ мой,
 О ты, съ которой нѣтъ сравненья,
 Люблю тебя, дышу тобой;
 Но гдѣ для страсти выраженья?
 Во всѣхъ природы красотахъ
 Твой образъ милый я встрѣчаю;
 Прелестныхъ вижу—въ ихъ чертахъ
 Одну тебя воображаю.

Беру перо—имъ начертать
 Могу лишь имя незабвенной;
 Одну тебя лишь прославлять
 Могу на лирѣ восхищенной:
 Съ тобой, одинъ, вблизи, вдали,
 Тебя любить—одна мнѣ радость;
 Ты мнѣ всѣ блага на земли;
 Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

Въ пустынь, въ шумъ городскомъ
 Одной тебѣ внимать мечтаю;
 Твой образъ, забываясь спомъ,
 Съ послѣдней мыслію славаю;
 Приятный звукъ твоихъ рѣчей
 Со мной во снѣ не разстается;
 Проснусь—и ты въ душѣ моей
 Скорѣй, чѣмъ день очамъ коснется.

Ахъ! мнѣ ль разлуку знать съ тобой?
 Ты веюду спутникъ мой незримый;
 Молчишь—мнѣ взоръ попятенъ твой,
 Для всѣхъ другихъ невъяснимый;
 Я въ сердце твой пріемлю гласъ;
 Я плю любовь въ твоємъ дыханіи...
 Восторгн, кто постигнетъ васъ,
 Тебя, души очарованье?

Тобой, и для одной тебя
 Живу и жизнью наслаждаюсь;
 Тобою чувствую себя;
 Въ тебѣ природѣ удивляюсь.

И съ чѣмъ мнѣ жребій мой сравнить?
Чего желать въ толь сладкой долѣ?
Любовь мнѣ жизнь—ахъ! и любить
Еще стократъ желать бы болѣ.

КЪ Н И Н Ъ.

ПОСЛАНИЕ.

О Нина, о Нина, сей пламень любви
Ужели съ послѣднимъ дыханьемъ угаснетъ?
Ужели, отлетая въ незнаемый край,
Ужели во прахъ то чувство покинеть,
Которымъ равнялась богамъ па землѣ?
Ужели въ минуту боренья съ кончиной—
Когда ужъ не буду горячей рукой
Въ слезахъ уносня къ тоскующей груди,
Воосторженннй, руку твою прижимать,
Когда прекратятся и сердца волненье,
И пламень ланитный—примѣта любви,
И тайныя страсти во взорахъ сиянье,
И тихіе вздохи, и сладкая скорбь,
И груди безвѣстнымъ желаньемъ стѣ-
спенье—
Ужели, о Нина, всемъ чувствамъ конецъ?
Ужели ни тѣни земного блаженства
Съ собою въ обитель небесъ не возьмемъ?
Ахъ! съ чѣмъ же представемъ ко трону
Любови?
И то, что питало въ насъ пламенъ души,
Что было въ семь мірѣ предчувствіемъ неба,
Ужели то бездна могилы пожретъ?
Ахъ! самое небо мнѣ будетъ изгнаньемъ,
Когда для безсмертья утрачу любовь;
И въ области райской я буду печально
О презнемъ, погибшемъ блаженствѣ меч-
тать;
Я съ завистью буду—какъ бѣдный за-
творникъ
Во мракѣ темницы о нѣжной семьѣ,
О прежнихъ весельяхъ родительской сѣни,
Прискорбный, тоскуеть, на цѣпи скло-
нясь—
Смотрѣть, унывая, на мпую землю.
Что въ вѣчности будетъ замѣной любви?
О! первыя встрѣчи небесная сладость—
Какъ тайныя, сердца сознанья, мечты,
Въединный слиявшисъ плѣнительный образъ,
Являются смутной весельемъ душѣ—
Унынія прелесть, волненье надежды,

И радость, и трепеть при встрѣчѣ очей,
Ласкающій голосъ— души восхищенье,
Могущество тихихъ, таинственныхъ словъ.
Присутствія сладость, томленье разлуки,
Ужели невозвратно васъ съ жизнью терять?
Ужели, приближась къ безмолвному гробу,
Гдѣ холодный, навѣки безчувственный прахъ
Горѣвшаго прежде любовію сердца,
Мы будемъ напрасно и скорбью очей,
И прежде всеиспытнымъ любви призы-
ваньемъ
Въ безчувственномъ прахѣ любовь ожи-
влять?
Ужели изъ-за гроба отвѣта не будетъ?
Ужели пережившій одинъ сохранить
То чувство, которымъ такъ сладко дѣлился,
А прежній сопутникъ, кѣмъ въ мірѣ онъ
жилъ,
Съ которымъ сливался тоской и блажен-
ствомъ,
Исчезнетъ за гробомъ, какъ утренній паръ
Съ лучомъ, озлатившимъ его, исчезаетъ,
Развѣянный легкимъ зефромъ крыломъ?...
О, Нина, я внемлю таинственный голосъ:
Нѣтъ смерти, вѣщаетъ, для нѣжной любви;
Возлюбленный образъ, съ душой нераз-
лучный,
И въ вѣчность за нею изъ міра летитъ—
Ей спутникъ до сладкой минуты свиданья.
О, Нина, быть можетъ, торжественный часъ,
Посланныкъ разлуки, уже надо мною;
Ахъ! скоро, быть можетъ, погаснетъ мой
взоръ,
Къ тебѣ устремляясь съ послѣднимъ бли-
станиемъ,
Съ послѣднею лаской утихнеть мой глазъ,
И сердце забудетъ свой сладостный тре-
петъ—
Не сѣтуй, и вѣрой себя усаждай,
Что чувства негнѣбны, что духъ мой съ
тобою;
Осладость! о смертный, блаженнѣйшій часъ!
Съ тобою, о Нина, тѣснѣйшимъ союзомъ
Онъ страстную душу мою сопряжетъ.
Спокойся, другъ милый, и въ самой разлукѣ
Я буду хралить невидимый твой,
Невидимый взору, но видимый сердцу;
Въ часы испытанья и мрачной тоски,
Я въ образѣ тихой, небесной надежды,

Бесѣдуя скрытно съ твоею душой,
 Въ прискорбную буду вливать утѣшенье;
 Подъ сумракомъ ночи, когда понесешь
 Отраду въ обитель недуга и скорби,
 Я буду твой спутникъ, я буду съ тобою
 Дѣлиться священнымъ добра наслаж-
 деньемъ;
 И въ тихій, священный моленія часъ,
 Когда на колѣняхъ, съ блистающимъ взо-
 ромъ,
 Ты будешь свой пламень къ Творцу воз-
 сылать,
 Быть можетъ, тоскуя о другѣ погибшемъ,
 Я буду молитвы невинной души
 Носить въ умпленьи къ небесному трону.
 О, другъ незабвенный, тебя окруживъ
 Невидимой тѣнью, всѣмъ тайнымъ дви-
 женьямъ
 Души твоей буду въ весельи внимать;
 Когда ты—плѣннившись потокамъ журчанья,
 Иль блескомъ послѣднимъ угасшаго дня
 (Какъ холмы объемлетъ задумчивый су-
 мракъ,
 И, съ блѣднымъ вечернимъ мерцаньемъ,
 въ душѣ
 О радостяхъ прежнихъ мечта воскресаетъ),
 Иль сладостнымъ пѣньемъ вдали соловья,
 Иль ввѣющимъ съ луга душистымъ зефи-
 ромъ,
 Несущимъ свирѣли далекія звуки,
 Иль стройнымъ бряцаньемъ полудночной
 арфы—
 Нѣжнѣйшую томность въ душѣ ощутишь,
 Исполнишься тихимъ, унылымъ меч-
 таньемъ.
 И, въ мѣрѣ сокровенный душою стремясь,
 Присутствие Бога, безсмертья награду,
 И съ милымъ свиданьемъ въ безвѣстной странѣ
 Яспѣе постигнешь, съ живѣйшею вѣрой,
 Съ живѣйшей надеждой отъ сердца вздох-
 нешь. . .
 Знай, Нина, что друга ты голосъ внимаешь,
 Что онъ и въ весельѣ и въ тихой тоскѣ
 Съ твоею душою сливается тайно.
 Мой другъ, не страшися минуты конца:
 Посланикомъ мира, съ лучомъ утѣшенья
 Ко смертной постели принявувъ твоей,
 Я буду игрою небесныхъ арфы
 Последнюю муку твою улаживать;

Не вопли услышишь грозящія смерти,
 Не ужасъ могилы узришь предъ собой;
 Но гласъ восхищенный, поющій свободу,
 Но свѣтлый, ведущій къ веселію путь,
 И прежняго друга, въ восторгѣ свиданья,
 Мнящаго ясной улыбкой тебя.
 О Нина, о Нина, безсмертье нашъ жребій.

1808—1809.

КЪ ЭРМИНИИ.

[ПОДРАЖАНІЕ].

Трехъ грацій древность признавала!
 Тебя жъ, Эрминія, природа создала
 На то, чтобъ грацій ты собою затмѣвала,—
 Для грацій—граціей была!

КЪ А* ПРИ ПОДАРКѢ АПОЛЛОНА.

Дарю небеснаго патрона моего
 Патрону моему земному!
 Да будетъ онъ покровъ хозяйну и дому!
 Да лирой звучною его
 Сосѣдъ мой восхищенный
 Сперва его сестерь, небесныхъ, чистыхъ
 музъ
 Полюбитъ и введетъ въ свой домъ усди-
 пенный;
 Потомъ съ харитами заключитъ свой союзъ;
 Потомъ, привыкнувши красавицъ не чуж-
 даться,
 На мать всѣхъ радостей, Киприду, броситъ
 взоръ;
 Потомъ?.. Потомъ съ женой всѣхъ радо-
 стей соборъ
 Къ себѣ переселитъ—какъ знать, что мо-
 жетъ статья!..

ВЪ АЛЬБОМѢ.

Когда неопытной рукою
 Играть на лирѣ и дерзала,
 Ужель безсмертиемъ себя я обольщала?
 Ахъ! нѣтъ—я лишь друзей хотѣла плѣ-
 нять игрою!
 Но жребій мнѣ судилъ быть счастливымъ
 пѣвцомъ!
 Не будетъ и моя теперь презрѣнна лира!
 Незнамымъ досель стихамъ моимъ, Темира,
 Дастъ жизнь и славу твой альбомъ!

* *

Прельщать поэзіей я дара не имѣю;
Другихъ бы могъ хвалить, тебя хвалить—
не смѣю!

* *

Ты правъ, мой другъ, ты правъ—хва-
литель ее не смѣи!
Кто прелестей ея прямую цѣну знаетъ,
Тотъ можетъ ли найти языкъ прилич-
ный ей?
Онъ все—стихи, свой даръ, себя поза-
бываетъ!

ПЛАЧЪ ЛЮДМИЛЫ.

Ангель былъ онъ красотою!
Масмъ кроткій взоръ блисталь!
Все великою душою
Несравненный превышалъ!

Поцѣлун—сладость рая,
Слитыхъ пламелей струя,
Горнихъ арфъ игра святая!
Небеса вкушала я!

Взоромъ взоръ, душа душою
Распаялась—все цвѣло!
Миръ сіялъ для насъ весною,
Все намъ радость въ даръ несло!

Непостижное сіяніе
Восхищенья и тоски,
Нѣжныхъ ласкъ очарованье,
Огонь сжимающей руки!

Сердца сладостныя муки—
Все прости!... его ужъ нѣтъ!
Ахъ! прерви жъ печаль разлуки,
Смерть, души послѣдній свѣтъ!

П Ы С Н Я.

[подражаніе нѣмецкой].

Счастливъ тотъ, кому забавы,
Игры, майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы
И весеннихъ лѣтъ мечты
Въ наслажденье—какъ и прежде;
Кто на радость лишь глядитъ,
Кто, ввѣряясь надеждѣ,
Птичкой вслѣдъ за ней летитъ.

Такъ виляетъ по цвѣточкамъ
Златокрылый мотылекъ;
Лишь къ цвѣтку—прильнулъ къ листоч-
камъ,

Полетѣлъ—забылъ цвѣтокъ;
Сорвана его лилея—
Онъ летитъ на анемонъ;
Что его—то и милѣе,
Грусть забвеньемъ лѣгчить охъ.

Бѣденъ тотъ, кому забавы,
Игры, майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы
И весеннихъ лѣтъ мечты
Не въ веселье—такъ, какъ прежде;
Кто улыбку позабылъ;
Кто, сказавъ: прости! надеждѣ,
Взоръ ко гробу устремилъ.

Для души моей плѣсипной
Здѣсь одинъ и былъ цвѣтокъ,
Ароматный, несравненный;
Я сорвать... но что же рокъ?
«Не тебѣ имъ насладиться;
Не твоимъ ему доцвѣсти!»
Ахъ, жестокой! чѣмъ же льститься?
Гдѣ подобный въ мірѣ есть?

Б А С С А Н Д Р А.

БАЛЛАДА.

[изъ шиллера].

Все въ обители Пріама
Возвѣщало брачный часъ,
Запахъ розъ и вѣнчама,
Гимны дѣвъ и лирный гласъ.
Спитъ гроза мнѣвшей брани,
Щитъ, и мечъ, и конь забытъ,
Облеченъ въ пурпурны тлани
Съ Поліаксею Целандъ.

Дѣвы, юноши четами
По узорчатымъ коврамъ,
Украшенные вѣнками,
Идутъ веселы во храмъ;
Стогны дышутъ вѣнчамамъ;
Въ злато царскій домъ одѣтъ;
Снова счастье надъ Пергамомъ...
Для Кассандры счастья нѣтъ.

Уклонясь отъ лирныхъ звоновъ,

Нелюдима и одна,
 Дочь Пріама въ Аполлоновъ
 Древній дѣвъ удалена.
 Сводомъ лавровъ осѣнена,
 Сбросивъ жрицескій покровъ,
 Провозвѣстница священна
 Такъ роптала на боговъ:

«Тамъ шумятъ веселыхъ волни;
 Веѣмъ душа оживлена;
 Мать, отецъ надеждой полны;
 Въ храмъ сестра приведена.
 Я одна мечты лишена;
 Ужасъ мнѣ—что радость тамъ;
 Вижу, вижу: окрылена
 Мчится гибель на Пергамъ.

Вижу факель—онъ свѣтлѣетъ
 Не въ Гименовыхъ рукахъ;
 И не жертвы пламя рѣшетъ
 На сгущенныхъ облакахъ;
 Зрю пировъ уготовлене...
 Но... горѣ, по небесамъ
 Слышно бога приближене,
 Предметащаго бѣдамъ.

«И вотще мое стенанье,
 И печаль моя мнѣ стыдъ:
 Лишь съ пустынями страданье
 Сердце спрое дѣлать.
 Отъ счастливыхъ отчужденна,
 Веселящимся позоръ,
 Я тобой всѣхъ благъ лишена,
 О, предвѣдѣнія взоръ!

«Что Кассандрѣ даръ вѣщанья
 Въ семь жилищъ скромныхъ чадъ
 Безмятежнаго незнанья,
 И блаженныхъ нѣмъ стократъ?
 Ахъ! почто она предвидитъ
 То, чего не отвратить?...
 Незбѣжное прійдетъ,
 И грозящее срывать.

«И спасу ль ихъ, открывая
 Близкій ужасъ ихъ очамъ?
 Лишь незнанье—жизнь прямая;
 Знанье—смерть прямая палъ.
 Фебъ, возьми твой даръ опасной,
 Очи мнѣ слѣпи затмить;
 Тяжко истины ужасной
 Смертною скуделью быть.

«Я забыла славить радость,
 Ставъ пророчицей твоей.
 Слѣпоты погибшей сладость,
 Мирный мракъ минувшихъ дней,
 Съ вами скрылся наслажденья!
 Опъ мнѣ будущее даль,
 Но веселіе мгновенья
 Настоящаго отпалъ.

«Никогда покровъ вѣнчальный
 Мнѣ главы не освѣтитъ:
 Вижу факель погребальный;
 Вижу: ранній гробъ открытъ.
 Я съ родными скучу младость
 Всю утратила въ тоскѣ—
 Ахъ, могла ль дѣлать ихъ радость,
 Видя скорбь ихъ вдалекѣ?

«Ихъ ласкаетъ ожиданье;
 Жизнь, любовь передо мной;
 Все окрестъ очарованье—
 Я одна мертва душой.
 Для меня весна напрасна;
 Миръ цвѣтущій пусть и дикъ...
 Ахъ! сколь жизнь тому ужасна,
 Кто во глубь ея проникъ!

«Сладкій жребій Поликсены!
 Съ женихомъ рука съ рукой,
 Взоръ любовью распаленный,
 И гордясь сама собой,
 Благъ своихъ не постигаетъ:
 Въ сновидѣніяхъ златыхъ,
 И безсмертья не желаетъ
 За одинъ съ Пелидомъ мигъ.

«И моеи любви открылся
 Тотъ, кого мы ждемъ душой:
 Милый взоръ ко мнѣ стремился
 Полный страстною тоской...
 Но—для насъ передъ богами
 Брачный гимнъ не возгремить;
 Вижу: грозно между нами
 Тѣнь стигійская стоптъ.

«Духи, блѣдною толпою
 Покидая мрачный адъ,
 Вслѣдъ за мной и предо мною,
 Неотступные летятъ;
 Въ рѣзвы юношески ланги
 Вносятъ ужасъ за собой;
 Внемля радостные клики,

Внемлю ихъ надгробный вой.

«Тамъ сокрытый блескъ клинка;ла;

Тамъ убійцы взоръ горитъ;

Тамъ невидимаго жала

Идъ погибелью грозитъ.

Все предчувствую и зная,

Въ страшный путь сама иду:

Ты падешь, страна родная;

И въ чужбинѣ гробъ найду»...

И слова еще звучали...

Вдругъ... шумитъ священнѣйшій лѣсъ...

И зефиры гласъ примчали:

«Палъ великій Ахиллесъ!»

Мангутъ фуриа змѣями,

Боги мчатся къ небесамъ...

И карающій громами

Грозою смотритъ на Пергамъ.

КЪ ФИЛАЛЕТУ.

ПОСЛАНИЕ.

Гдѣ ты, далекій другъ? Когда прервемъ
разлуку?

Когда прострешь ко мнѣ ласкающую руку?

Когда мнѣ встрѣтитъ твой душѣ понят-
ный взглядъ,

И сердцемъ отвѣчать на дружбы гласъ
священнѣйшій?...

Гдѣ вы, дни радостей? Придешь ли ты
назадъ,

О, время прежнее, о, время незабвенно?

Или веселіе навѣки отцвѣло,

И счастье мое съ протекшимъ протекло?...

Какъ часто о часахъ минувшихъ я мечтаю!

Но чаще съ сладостью конецъ воображаю,

Конецъ всему—души покой,

Конецъ желаніямъ, конецъ воспоминаніямъ,

Конецъ боренію и съ жизнью и съ собой...

Ахъ! время, Филалетъ, свершится ожиданіямъ.

Не знаю... по, мой другъ, кончины слад-

Моей любимому мечтою становится; (какія часъ

Унылость тихая въ душѣ моей хранится;

Во всемъ внимаю я знакомый смерти гласъ.

Зоветь меня... зоветь..... куда зоветь?...

не знаю;

Но я зовущему съ волненіемъ внимаю;
И сердцемъ сопряженъ съ сѣй тайною
страной,

Куда насъ всехъ влечитъ судьба неодолима;

Томящейся душѣ невидимая зрима—

Повсюду вѣстники могилы предо мной.

Смотрю ли, какъ заря съ закатомъ угасаетъ—

Такъ, мнится, юноша цвѣтущій исчезаетъ;

Внимаю ли рогагъ пастушьимъ за горой,

Иль вѣтра горнаго въ дубравѣ трепетанью,

Иль тихому ручья въ кустарникѣ журчанью,

Смотрю ль въ туману даль вечернею порой,

Къ клавиру ль преклонясь, гармонию
внимаю—

Во всемъ печальныхъ дней конецъ воображаю.

Иль предвѣщаніе въ ушнѣи моемъ?

Или судилъ мнѣ рокъ въ весенни жизни

Сокрывшись въ мракъ гробовомъ, [годы

Поклонуть и поля и отческія воды,

И мнѣ, гдѣ жизнь моя бесплодно расцвѣла?...

Скажу ль?... Мнѣ ужасовъ могила не
является;

И сердце съ горестнымъ желаніемъ
ожидаетъ,

Чтобъ Промысла рука обратно то взяла,
Чѣмъ я безрадостно въ семь мнѣ бременился,

Ту жизньъ, въ которой я столь мало наслаждался,

Которую давно надежда не златитъ.

Къ младенчеству ль душа прискорбная
летѣтъ,

Считаю ль радости минувшаго—какъ мало!

Нѣтъ! счастье къ бытію меня не приучало;

Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.

Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ—

И что же!... предо мной увядшаго могила;

Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила.

Любовь... по я въ любви навѣлъ одну мечту.

Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленія,

И невозвратное надеждъ уничтоженіе.

Изсякшія души наполю ли пустоту?

Какое счастье мнѣ въ будущемъ извѣстно?

Грядущее для насъ протекшимъ лишь прелестно.

Мой другъ, о вѣжнѣй другъ, когда намъ
не дано
Въ семь мірѣ жить для тѣхъ, кѣмъ жизнь
для насъ священна,
Кѣмъ добродѣтель намъ и слава драгоценна,
Почто жъ, увы! почто судьбой запрещено
За счастье ихъ отдать намъ жизнь сію
безплодну?
Почто (дерзну ль спросить?) отъялъ у
насъ Творецъ
Имъ жертвовать собой свободу превосходну?
Съ какимъ бы торжествомъ я встрѣтилъ
мой конецъ,
Когда бъ всѣхъ благъ земныхъ, всей
жизни припошеньемъ
Я могъ—о сладкій сонъ!—той счастье
искупить,
Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь
мою дѣлить!...
Когда бъ стократнымъ и скорбью и муче-
ченьемъ
За каждый мигъ ся блаженства я платилъ:
Тогда бъ, мой другъ, я рай въ семь мірѣ
находилъ,
И днѣ, какъ дара, ждалъ, къ страданью
пробуждаеъ;
Тогда, надеждою отрадною питаеъ,
Что каждый жизни мигъ погибшии моеи
Есть жертва тайная для блага милыхъ дней,
Я бъ смерти звать не смѣлъ, стра-
шился бы могилы.
О, незабвенная, другъ милый, вѣчно милый!
Почто, повергнувшись въ слезахъ къ
твоимъ ногамъ,
Почто, лобзая ихъ горячими устами,
Отъ сердца не могу воскликнуть къ
небесамъ:
«Все въ жертву за нее! вся жизнь моя
предъ вами!»
Почто и небеса не могутъ внять мольбамъ?
О, безразсуднаго напрасное моленіе!
Гдѣ тотъ, кому дано святое наслажденіе
За милыхъ слезылить, страдать и погибать?
Ахъ! если бъ мы могли въ сей области
пзнанья
Столь восхитительно презрѣнну жизнь
кончать—
Кто бъ небо оскорбилъ безуміемъ роптанья!

С Ч А С Т І Е.

[изъ шпалера].

Блаженъ, кто, богами еще до рожденья
любимый,
На сладостномъ лонѣ Киприды взлелѣянъ
младенцемъ;
Кто очи отъ Феба, отъ Гермеса даръ убѣ-
жденія принявъ,
А силы печать на чело отъ руки громо-
вержца.
Великій, божественный жребій счастливица
постигнулъ;
Еще до начала сраженья побѣдой увѣнчанъ;
Любимецъ хариты, пѣняеъ, труда не
пріемля.
Великимъ да будетъ, кто, собственной
силы созданье,
Душою превыше и тайныя паркы и рока;
Но счастье и граціи улыбка не слѣтъ
подвластны.
Высокое прямо съ Олимпа на избранныхъ
небомъ нисходитъ;
Какъ сердце любовницы, полное тайныя
страсти,
Такъ всѣ громовержца дары неподкупны;
единый
Законъ предпочтенья въ жилищахъ Эрота
и Зевса;
И боги въ посланіи благъ повинуются
сердцу:
Имъ мило безстрашнаго юноши гордая
поступь,
И взоръ непреклонный, владычества смѣ-
лаго полный,
И волны власовъ, отъившихъ чело и
ланиты.
Веселому чувствовать радость; слѣднымъ,
а не зрящимъ
Безсмертные въ славѣ чудесной себя от-
крываютъ:
Имъ мило простоты непорочныя дѣвствен-
ный образъ;
И въ скромномъ сосудѣ небесное любить
скрывается;
Презрѣнемъ надежду кичливой гордыни
смиряютъ;
Свободные, слѣтъ и гласу мольбы не под-
властны.

Лишь къ избраннымъ съ неба ору-гро-
моносцу Крононъ
Велитъ именуваться—да мчитъ ихъ въ
обитель Олимпа;
Свободно въ толпѣ земнородныхъ замѣ-
тивъ любимцевъ,
Лишь имъ на главу налагаетъ рукою при-
страстной
То лавръ пѣснопѣвца, то власти держав-
ной повязку;
Лишь имъ предлетитъ стрѣлоносный сра-
зитель Пнеона,
Лишь имъ и Эроть златокрылый, сердцецъ
повеситель;
Ихъ судно трезубецъ Нептуна, равняющей
бездны,
Ведетъ съ неприступной фортуною Кесаря
къ берегу;
Предъ ними смиряется левъ, и дельфинъ
пзъ пучины
Хребтомъ благотворнымъ ихъ, бурей го-
нмыхъ, изъежаетъ.
Надъ всѣмъ красота повелитель рожден-
ный; подобіе Бога,
Единымъ спокойнымъ явленьемъ она по-
бѣждаетъ.
Не съгуй, что боги счастливица некуплен-
нымъ лавромъ вѣнчаютъ,
Что онъ, отъ меча и стрѣлы покровецъ
Кипридой,
Исходятъ безвредно изъ битвы, летя на-
сладиться любовью;
И менѣ ль славы Ахиллу, что онъ огра-
жденъ невредимымъ
Щитомъ, некованьемъ Ифестова дивнаго
млата,
Что смертный сданный все древнее небо
въ смятенъе приводитъ?
Тѣмъ выше великій, что боги съ вели-
кимъ въ союзѣ,
Что, гнѣвомъ его распаляся, любимцу во
славу,
Эленовъ избравшійшихъ въ бездну Те-
пера пзываютъ.
Пусть будетъ красюю краса—не завидуй,
что прелесть сѣ съ неба,
Какъ лиліямъ пышность, дана безъ за-
слуги Цитерой;

Пусть будетъ блаженна, пѣтвая: пѣтвая—
тебѣ наслажденье.
Не съгуй, что даръ пѣснопѣвца съ Олимпа
на избранныхъ сходить;
Что сладкій пѣвецъ вдохновеньемъ неви-
димой арфы наполненъ:
Скрывающей бога въ душѣ претворень и
для внемлющихъ въ бога;
Онъ счастливъ собою—ты, имъ наслаж-
даясь, блаженствуй.
Пускай предъ зеркаломъ Фемиды вѣнокъ
отдается заслугѣ—
Но радость лишь боги на смертное око
пзводятъ.
Гдѣ не было чуда, вотще тамъ искать и
счастливица.
Все смертное прежде родится, расстеть,
созрѣваетъ.
Изъ образа въ образъ ведомое зиждущимъ
Крономъ;
Но счастья мы и красы никогда въ со-
зрѣваньи не видимъ:
Отъ вѣка онѣ совершенны во всемъ со-
вершенствѣ созданъ;
Не зримъ ни одной земныя Венеры, какъ
прежде небесной,
Въ ея сокровенномъ исходѣ изъ тайныхъ
обителей моря;
Какъ древле Минерва, въ безсмертный
эгидъ и шелою ополченна,
Такъ каждая свѣтлая мысль изъ главы
громовержка родится.

НА СМЕРТЬ

ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА КАМЕНСКАГО.

Еще великій прахъ... Неизбѣжный рокъ!
Твоя, твоя рука себя намъ здѣсь явила;
О, сколь разительный смиренія урокъ
Сія Каменскаго могила!
Не ты ль, грядущее предъ нимъ окинувъ
мглою,
Открылъ его очамъ стезю побѣдъ и чести?
Не ты ль его хранилъ невидимой рукою,
Разицаго перупомъ мести?
Предъ нимъ, за нимъ, окрестъ зіяла
смерть и брань;

Сомнутые мечи на грудь его стремились—
Вотще! твоя над нимъ горь носилась длань...
Мечи хранимаго страшились.

И мнили мы, что опъ послѣдній встрѣтитъ
часть,
Простертый на щитъ, въ виду побѣдныхъ
строевъ,
И угасающій съ улыбкой воньметъ глазъ
О немъ рыдающихъ героевъ.

Сабицы!.. сей славы блескъ лишь бездну
украшалъ;
Сей битвы страшный видъ и ратей из-
ложеенья,
Лишь гибели мечту очамъ его являлъ
И славной смерти привидѣнье...

Куда жъ твой тайный путь Каменскаго
привелъ?
Куда, могучихъ вождей, тобой руководимый,
Опъ быстро посреди побѣдныхъ вликовъ
шелъ?...
Увы!.. предѣлъ неотразимый!

Въ сей таинственный лѣсъ, гдѣ стражъ
твой обиталъ,
Гдѣ рыскалъ въ тишинѣ убійца сокро-
венный,
Гдѣ избранный тобой, добычи грозно ждалъ
Топоръ разбойника презрѣнный...

П Ъ С Н Я

въ веселый часъ.

Вотъ вамъ совѣтъ, мои друзья!
Осушимъ, идя въ бой, стаканы!
Съ однимъ не пьяный слажу я!
Съ десяткомъ уберуся пьяный!
хоръ.

Полнѣй стаканы! пейте въ ладъ!
Такъ пили наши дѣды!
Тебѣ погибель, супостать!
А намъ вѣнецъ побѣды!

Такъ! чудеса вино творить!
Кто пьянъ, тому вселенной мало!
Въ умѣ опъ—самъ всего дрожатъ!
Сошелъ съ ума—все задрожало!

хоръ.

Полнѣй стаканы! и пр.

Не воинъ тотъ въ моихъ глазахъ,
Кому бутылка не по праву!
Онъ видитъ лишь въ сраженьи страхъ!
А пьяный въ немъ лишь видитъ славу!

хоръ.

Полнѣй стаканы! и пр.
Друзья! вселенная красна!
Но ежели разудимъ строгаго,
Найдемъ, что мало въ ней вина,
И что воды ужъ слишкомъ много!

хоръ.

Полнѣй стаканы! и пр.
Такъ! если Богъ не сотворилъ
Стихией влагу драгоцену,
Опъ осторожно постушилъ—
Мы осушили бы вселенну!

хоръ.

Полнѣй стаканы! пейте въ ладъ!
Такъ пили наши дѣды!
Тебѣ погибель супостать!
А намъ вѣнецъ побѣды!

ВЪ ДЕЛІЮ.

[изъ гораца].

Умѣренъ, Делій, будь въ печали
И въ счастіи не ослабленъ:
На мигъ намъ жизнь безмертна далъ;
Всѣмъ путь къ Тенару проложень.
Хотя бъ заботы насъ томилъ,
Хотя бъ токайское вино
Мы, нѣжася на дернѣ, пили—
Умремъ: такъ Діемъ суждено.
Неси жъ сюда, гдѣ тополь съ ивой
Изъ вѣтвей соплетаютъ кровь,
Гдѣ вьется ручеекъ игривой
Среди излучистыхъ береговъ,
Вино, и масти ароматны,
И розы, дышущія мигъ.
О Делій, годы невозвратны:
Играй—пока пить дней твоихъ
У черной парки подъ перетамъ;
Ударить часъ—всему конецъ;
Тогда, прости и лугъ съ стадамъ,
И твой пѣзъ юныхъ розъ вѣнецъ,
И соловья пріятны трели
Въ лѣсу вечернею порою,

И звукъ пастушеской свирѣли,
И домъ, и садикъ надъ рѣкой,
Гдѣ мы, при факелѣ Дианы,
Вокругъ дерноваго стола,
Стучимъ стаканами въ стаканы,
И пьемъ изъ чистаго стекла
Въ видѣ печалей всѣхъ забвенья;
Играй—таковъ есть мой совѣтъ;
Не годы жизнь, а наслажденье;
Кто счастье зналъ, тотъ жилъ сто лѣтъ;
Пусть быстрымъ, лишь бы свѣтлымъ, то—
Промчатся дни чрезъ жизни дугъ; [комъ
Пусть смерть зайдетъ къ намъ ненарокомъ,
Какъ добрый, но *нежданный* другъ.

МОЯ БОГИНЯ.

[изъ гете].

Какую безсмертную
Въичать предпочтительно
Предъ всеми богинями
Олимпа надзвѣднаго?
Не спорю съ питомцами
Разборчивой мудрости,
Учеными, строгими;
Но свѣжей гирляндю
Въичаю веселую,
Крылатую, милую,
Всегда разнovidную,
Всегда животворную,
Любимицу Зевсову
Богиню-фантазію.
Ей далъ онъ тѣ вымыслы,
Тѣ сны благотворные,
Которыми въ области
Олимпа надзвѣднаго,
Съ амврозіей, съ нектаромъ,
Подъ часъ угѣшается
Онъ въ скукѣ безсмертія;
Лелѣя съ умѣшкою
На персяхъ родительскихъ,
Ее величаетъ онъ
Богиню-радостью.
То въ утреннемъ вѣяньи,
Съ лилейною вѣткою,
Одѣтая ризою,
Сотканной изъ пѣжнаго
Депницы сіянія,
По долу душистому,

По холмамъ муравчатымъ,
По облакамъ утреннимъ
Малинковой поспѣя;
На ландышъ, па лилію,
На цвѣтъ-незабудочку,
Па травку дубравную
Спускается пчелкою;
Устами пчелвыми
Вивялся въ листики,
Пьетъ росу медвяную;
То, кудри съ небрежностью
По вѣтру развѣявши,
Во взорѣ уныліи,
Тоской отуманена,
Глава наклоненная,
Сидитъ на крутой скалѣ,
И смотритъ въ мечтаніи
На море пустынное,
И любить прислушивать,
Какъ волны плещаются,
О камни дробными;
То внемлетъ, задумавшись,
Какъ вѣтеръ полуночный
Порой подымается,
Шумитъ надъ дубравою,
Качаетъ вершинами
Деревъ сѣнолиственныхъ;
То въ сумракѣ вечера
(Когда златорогая
Луна изъ-за облака
Надъ рощею выглянетъ,
И, сливши дрожащій лучъ
Съ вечерними тѣнями,
Одѣнетъ и лѣсъ и доль
Туманнымъ сіяніемъ)
Играетъ съ наядами
По гладкой поверхности
Потока дубравнаго,
И, струекъ съ журчаніемъ
Мѣшая гармонию
Волшебнаго шопота,
Наводитъ задумчивость,
Дремоту и легкій сонъ;
Иль, быстро съ зефирами
По дремлющимъ лиліямъ,
Гвоздикамъ узорчатымъ,
Фіалкамъ и ландышамъ
Порхая, питается
Душистымъ дыханіемъ

Цвѣтовъ, ожемчуженныхъ
 Росинками свѣтлыми;
 Иль съ сонмами геніевъ,
 Воздушною цѣпью
 Віась, развиваясь,
 Въ мерцаѣи мѣсяца,
 Невидима-видима,
 По облакамъ поевяся
 И, къ роцѣ спустившися,
 Играетъ листочками
 Осипы трепещущей.—
 Прославимъ Создателя
 Могучаго, древняго,
 Зевеса, пославшаго
 Намъ радость-фантазію;
 Въ сей жизни, гдѣ радости
 Прямья—лучъ молніи,
 Онъ дасть намъ въ ней счастье,
 Всегда неизмѣнное,
 Супругу веселую,
 Красой вѣчно-юную,
 И съ нею насъ цѣпью
 Сопрягъ нераздѣльною.
 «Да будешь—сказаль онъ ей—
 И въ счастья, и въ горести,
 Имъ вѣрная спутница,
 Утѣха, прибѣжище.»

Другія творенія,
 Съ очами незрими,
 Въ слѣпыхъ наслажденіяхъ,
 Съ печалами смутными,
 Гнетомья бременемъ
 Нужды непреклонныя,
 Начавшися, кончаются
 Въ кругу, ограниченномъ
 Чертой настоящаго,
 Минутною живнью;
 Но мы, отличенные
 Зевесовой благосью!...
 Онъ дасть намъ сопутницу,
 Игривую, пѣжную,
 Легунью, искусницу
 На милые вымыслы,
 Причудливую рѣзвую,
 Любимую дщерь свою
 Богиню-фантазію!
 Ласкайте прелестную;
 Казите вниманіе

Ко вѣзмъ ея прихотямъ,
 Невиннымъ, младенческимъ!
 Пускай почитается
 Надъ вами владычицей
 И дома хозяйкою;
 Чтобъ вотчиму старому,
 Брюзгливцу суровому,
 Разсудку, не вадумалось
 Ее переучивать,
 Пугать укоризнами
 И мучить уроками;
 Я знаю сестру ея
 Степенную, тихую...
 Мой другъ утѣшительный,
 Тогда лишь протись со мной,
 Когда изъ очей моихъ
 Лучъ жизни сокровается;
 Тогда лишь поклонь меня,
 Причина вѣсѣхъ добрыхъ дѣлъ,
 Источникъ великаго,
 Намъ твердость и мужество,
 И силу дающая,
 Надежда отрадная!..

НА СМЕРТЬ

СЕМНАДЦАТИЛѢТНЕЙ ЭРМИНІИ.

[ПОДРАЖАНІЕ].

Едва съ младенчествомъ разсталась;
 Едва для жизни расцвѣла;
 Какъ непорочность улыбалась,
 И ангелъ красотой была.
 Въ душѣ ея, какъ утро, ясной,
 Уже рождался чувства жаръ....
 Но жребій сей цвѣтокъ прекрасной
 Могилю приготовилъ въ даръ.
 И дни Творцу она вручила;
 И очи свѣтлыя закрыла,
 Не сѣтуя на смертный часъ.
 Такъ слѣдъ улыбки исчезаетъ;
 Такъ за долвной умолкаетъ
 Минутный Филомелы гласъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

ПѢСНЯ.

[пѣзъ шиллера].

Дней моихъ еще весною
 Отчій домъ покинулъ я;

Все забыто было мною—
И семейство и друзья.

Въ ризѣ странника убогой,
Съ дѣтскою въ сердцѣ простотою
Я пошелъ путемъ-дорогой—
Вѣра былъ вожатый мой.

И въ надеждѣ, въ увѣренъи
Путь казался не далеки.
«Странникъ—слышалось—терпѣнъе!
Прямо, прямо на востокъ.

Ты увидишь храмъ чудесной;
Ты въ святѣлицѣ войдешь;
Тамъ въ нетлѣнности небесной
Все земное обрѣтешь».

Утро вечеромъ смѣнялось;
Вечеръ утру уступалъ:
Неизвѣстное скрывалось;
Я некаль—не обрѣталъ.

Тамъ встрѣчалнсь мнѣ пучины;
Здѣсь—высокихъ горъ хребты;
Я взбирался на стремнины;
Черезъ потоки стлалъ мосты.

Вдругъ рѣка передо мною—
Водъ склоненье на востокъ;
Вижу зыблемый струею
Подлѣ берега челнокъ.

Я въ надеждѣ, я въ смятенъи;
Предаю себя волнамъ;
Счастье вижу въ отдаленъи;
Все, что мило—мнится—тамъ!

Ахъ! въ безвѣстномъ океанѣ
Очутился мой челнокъ;
Даль по-прежнему въ туманѣ;
Брегъ невидимъ и далеки.

И вовѣки надо мною
Не сольется, какъ поднесъ,
Небо свѣтлое съ землею...
Тамъ не будетъ вѣчно здѣсь.

БРУТОВА СМЕРТЬ.

Бомбастофилъ, творецъ трагическихъ уро-
довъ,
Изъ смерти Брутовой трагедіе создалъ.
«Не правда ли, мой другъ,—Тыманту онъ
сказаль—

Что этотъ Брутъ дойдетъ и до чужихъ
народовъ?»

«Избави Богъ! Твой Брутъ—примѣрный
патріотъ—

Въ отечествѣ умретъ!»

МОЯ ТАЙНА.

Вамъ чудно, отчего во всю я жизнь мою
Такъ веселъ? Вотъ секретъ: вчера дарю
Покою—пыль отдаю, [забвенью,
А завтра—Провидѣнью!

1810.

КЪ БЛУДОВУ, ПОСЛАНИЕ.

Веселаго пути
Любезному желаю,
Ко древному Дунаю;
Забудь покой, леги
За русскими орлами;
Но въ полѣ, водѣ шатрами,
Друзей воспоминай
И сердцу милый край,
Гдѣ ждетъ тебя, уныла,
Твой другъ, твоя Людмила,
Хранитель-ангелъ твой....
Съ крылатою мечтою
Проникни сокровещно
Въ чертогъ уединенной,
Гдѣ, съ вѣрною тоскою,
Съ пылающей душой,
Она одна вздыхаетъ,
И Промыслъ умоляетъ:
Да будетъ твой покровъ
Въ обители враговъ.
Смотри, какъ томны очи,
Какъ видъ ея унылъ;
Вѣ блѣлый свѣтъ постылъ;
Одна, во мракѣ ночи,
Сокрылась въ теремъ свой;
Лампаду зажигаетъ,
Письмо твое читаетъ,
И робкою рукою
Отвѣтъ ко другу пишетъ,
Гдѣ въ каждомъ словѣ дышетъ
Душа ея печаль.
Лети въ безвѣстну даль;
Твой геній надъ тобою;

Среди опасна бою
 Его незримый щить
 Тебя приосвѣнить—
 И мимо пролетитъ
 Стрѣла ужасной Гелы.
 Ахъ! скоро ль твой весельи
 Возвратъ утѣшитъ вновь
 И дружбу и любовь?...
 Для скорби утolenя,
 Податель благъ, Зевесъ,
 Двумъ жителямъ небесъ
 Минуты разлученья
 Повѣрилъ искони.
 «Да будутъ, рекъ, оип,
 Одинъ—посолъ разлуки,
 Свиданія—другой!»
 И въ часъ сердечной муки,
 Когда, рука съ рукой,
 Въ тоскѣ безмолвной, други,
 Любовники, супруги,
 Съ послѣднею слезой,
 Въ послѣднемъ лобызаньи
 Послѣднее прощанье
 Другъ другу отдають,
 Молбы изъ сердца льютъ,
 И тихими стопами,
 Съ поникшими главами,
 Въ душѣ скрывае стонъ,
 Идутъ, осиротѣлы,
 Въ свой теремъ опустѣлый;
 Сынъ Дія Абеонъ,
 Задумчивый, безкрылый,
 Съ улыбкою унылой,
 Съ отрадой скорбныхъ слезъ,
 Спускается съ небесъ,
 Ведомый Адеономъ,
 Который тихимъ звономъ
 Волшебныхъ струнъ свонхъ
 Льетъ въ сердце упованье
 На близкое свиданье.
 Я вижу обоихъ:
 Одинъ съ своей тоскою
 И тихою слезою:
 Съ надеждою другою.
 Прости, мой другъ незестной!
 Надолго ль? неизвѣстно.
 Но вѣрую душой
 (И вѣра не обманетъ):
 Желанный день настанетъ—

Мы свидимся съ тобой.
 Или... увы! незримо
 Грядущее для насъ!...
 Быть можетъ—въ иной часъ,
 Когда ты, невредимо
 Свершивъ опасный путь,
 Свободою вздохнуть
 Придешь въ странѣ родимой
 Съ Людмилою своею—
 Ты спросишь и друзей:
 «Гдѣ скрѣлся другъ любимой?»
 И что жъ тебѣ въ отвѣтъ?
 «Его ужъ въ мѣрѣ пѣтъ...»
 Такъ, сели въ цвѣтѣхъ лѣтъ
 Меня возьметъ могила,
 И участь присудила,
 Чтобъ первый я исчезъ
 Изъ милаго мнѣ круга—
 Друзья, безъ скорбныхъ слезъ
 На прахъ взирайте друга.
 Гдѣ свѣтлою струей
 Плещется въ брегъ зеленый
 Извѣстный ручей,
 Гдѣ сѣнистые клены
 Сплетають изъ вѣтвей
 Покровъ гостепримный,
 Лобзаясь съ вѣтеркомъ,
 Туда—лишь надъ холмомъ
 Луна сквозь облакъ дымный
 При вечерѣ блеснетъ,
 И лина разольетъ
 Окрестъ благоуханье—
 Сберитесь, о друзья,
 Въ мое воспоминанье.
 Надъ вами буду я,
 Древецъ подъ зыбкой сѣнью,
 Невидимую тѣнью
 Летать, рука съ рукой
 Съ утраченнымъ Филономъ.
 Тогда вамъ тихимъ звономъ
 Покинутая мной
 На юномъ кленѣ лира
 Пришельцевъ возвѣститъ
 Изъ таинственной мѣра,
 И тихо пролетитъ
 Задумчивость надъ вами;
 Увидите сердцами
 Въ незнаемой дали
 Отечество желанно,

Пріють обѣтованной
Для страшиковъ земли.

ПѢСНЬ АРАБА НАДЪ МОГИЛОЮ КОПИ.
[пѣзъ мильвуа].

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не
обгонялъ,
Онъ спитъ—на зыбкій одръ песковъ пу-
стынныхъ палъ.

О, путникъ, со мною страдающа дѣла:
Царь быстрого бѣга простертъ на земли;
И воздухомъ брани уже онъ не дышетъ;
И грознаго ржаща пустыня не слышитъ;
Въ стремлени погибель его нагнала;
Возвешная въ шю дрожала стрѣла;
И кровь благородна струею бѣжала;
И влагу потока струя обаграла.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не
обгонялъ,
Онъ спитъ—на зыбкій одръ песковъ пу-
стынныхъ палъ.

Убийцу сразила моя булава;
На прахъ отдѣлена скатилась глава;
Желѣзо вкусило напитокъ кровавый,
И трупъ неглавуетъ въ пустынь безъ
славы...

Но спитъ онъ, со мною летавшій на брань;
Трикраты воззвалъ я: спутникъ мой, встань!
Воззвалъ... безотвѣтенъ... угаснула сила...
И бранныя кости одѣла могила.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не
обгонялъ,
Онъ спитъ—на зыбкій одръ песковъ пу-
стынныхъ палъ.

Съ того непамятнаго, страшнаго дня
И солнце не свѣтитъ съ небесъ для меня;
Забывъ о побѣдѣ, и въ мышцахъ нѣтъ силы;
Брожу одинокій, задумчивъ, унылый;
Имена доселѣ драгіе края
Уже не отчизна—могила моя;
И мною дорога вербледа забвенна,
И дерево амвры, и куща священна.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не
обгонялъ,
Онъ спитъ—на зыбкій одръ песковъ пу-
стынныхъ палъ.

Въ часъ зноя и жажды скакалъ онъ со мною
Ко древу прохлады, къ струѣ ключевой;
И мавра тощали могучи копыта;
И грудь отъ противныхъ была мнѣ защита;
Мой вѣрный соратникъ въ бою и трудахъ,
Опъ, бодрый, при первыхъ депшицы лучахъ,
Стрѣлою, покорень вельбію длаи,
Леталъ на свиданья любви и браки.

О другъ! кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ—на зыбкій одръ песковъ пу-
стынныхъ палъ.

Ты видѣлъ и Зару—блаженны часы!—
Сокровище сердца и чудо красоты;
Уста вѣроломны тебя величали,
И пѣжны длаи хребетъ твой ласкали;
Ахъ! Зара, какъ серна, стыдлива была;
Какъ юная палма должны, цѣла;
Но Зара принежлиа нѣжинлась красою,
И скрылась... ты, спутникъ, остался со мною.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не
обгонялъ,
Онъ спитъ—на зыбкій одръ песковъ пу-
стынныхъ палъ.

О, спутникъ! поскучь твою другъ надъ тобой;
Но скоро, покрыты могилою одною,
Мы вкунѣ воздремлемъ въ жилищѣ отрады;
Надъ пами повѣетъ дыханье прохлады;
И скоро, при гласѣ великаго дня,
Изъ пыльнаго гроба исторгнувъ меча,
Величественъ, гордый, съ безсмертною кра-
сою,
Ты пламенной солнца помчишься стезею.

МИЛОСЕРДІЕ.

ВАСИЛ.

«Перупъ мой изостри», сказали Юпитеръ
Мнѣшью:
«Усталъ я миловать! погибель престу-
пленью!»

Но Милосердіе, услышавъ приговоръ,
Украдкой острие перуна притупляетъ.

Съ тѣхъ поръ

Онъ только лишь страшитъ, по рѣло
поражаетъ.

КЪ НЕИ.

Имя гдѣ для тебя?
Не сильно смертныхъ искусство
Выразить прелесть твою!

Лиры нѣтъ для тебя!
Что пѣсни? Отзывъ невѣрный
Поздней молвы объ тебѣ!

Если бы сердце могло быть
Имъ слышно, каждое чувство
Было бы гимномъ тебѣ!

Прелесть жизни твоей,
Сей образъ чистый, священный, —
Въ сердцѣ, какъ тайну, ношу.

Я могу лишь любить,
Сказать же, какъ ты любима,
Можетъ лишь вѣчность одна!

1808—1812.

СВѢТЛАНА.

БАЛЛАДА.

А. А. ВОЕЙКОВОЙ.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Спѣтъ полови; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топтали;
Въ чашу съ чистою водою,
Клади перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстлали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана —
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
«Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко;
Слушай пѣсни круговой;
Вынь себѣ колечко.
Ной, красавица: «кузнецъ,
Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,

Скуй кольцо златое;
Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
Обручаться тѣмъ кольцомъ
При святомъ наложь.»

— Какъ могу, подружки, нѣтъ?
Милый другъ далеко;
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался—вѣсти нѣтъ;
Опъ ко мнѣ не пишетъ;
Ах! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышетъ...
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молось и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангель-утѣшитель.—

Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Вѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчкою;
Два прибора на столѣ.
«Загадай, Свѣтлана;
Въ чистомъ зеркала стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнуть въ двери милый твой
Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей залоръ;
Сядетъ опъ за свой приборъ
Ужипать съ тобою».

Вотъ красавица одна;
Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть алетъ сіянье...
Робость въ ней волнуется грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очь...
Съ трескомъ ныхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстиникъ полуночи.

Подперлися локоткомъ,

Чуть Свѣтлана дышетъ...
 Вотъ... легохонько замкомъ
 Кто-то стукнулъ, слышитъ;
 Робко въ зеркало глядитъ:
 За ея плечами
 Кто-то, чудилось, блестятъ
 Яркимъ глазамъ...
 Занялся отъ страха духъ...
 Вдругъ, въ ея влетаетъ слухъ
 Тихій, легкій шопотъ:
 «Я съ тобой, моя краса;
 Укротились небеса;
 Твой услышанъ ропотъ!»
 Оглянулась... милый къ ней
 Простираетъ руки.
 «Радость, свѣтъ моихъ очей,
 Итъ для насъ разлуки.
 Ъдемъ! Погъ ужъ въ церкви ждетъ
 Съ дьякономъ, дьячкамъ;
 Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ;
 Храмъ блестятъ свѣчамъ».
 Былъ въ отвѣтъ умилный взоръ;
 Идутъ на широкой дворъ,
 Въ ворота тесовы;
 У воротъ ихъ санки ждутъ;
 Съ нетерпѣнья кони рвутъ
 Повода шелковы.
 Съѣли... кони съ мѣста въ разъ;
 Пышутъ дымъ поздрями;
 Отъ коньтъ ихъ подняласъ
 Вьюга надъ санями.
 Скачутъ... пусто все вокругъ,
 Степь въ очахъ Свѣтланы;
 На дупѣ туманный кругъ;
 Чуть блестятъ поляны.
 Сердце вѣще дрожитъ;
 Робко дѣва говоритъ:
 «Что ты смолкнулъ, милый?»
 Ни полслова ей въ отвѣтъ:
 Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
 Блѣденъ и унылый.
 Кони мчатся по буграмъ;
 Тончутъ свѣгъ глубокой...
 Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
 Виденъ одинокой;
 Двери вихоръ отворилъ;
 Тьма людей во храмъ;

Яркой свѣтъ паникадилъ
 Тускнеть въ опміамъ;
 На срединѣ черныи гробъ;
 И гласитъ протяжно погъ:
 «Буди взять могилей!»
 Пуще дѣвица дрожитъ;
 Кони ммо; другъ молчитъ,
 Блѣденъ и унылой.
 Вдругъ мятелица кругомъ;
 Свѣгъ валитъ клокамъ;
 Черный вранъ, свята крыломъ,
 Вьется надъ санями;
 Воронъ каркаетъ: *печаль!*
 Кони торопливы
 Чутко смотрятъ въ темну даль,
 Подымая гривы;
 Врезжеть въ полъ огопекъ;
 Виденъ мирный уголокъ,
 Хижишка подъ свѣгомъ.
 Кони борзые быстрѣй,
 Свѣгъ взрывава, прямо къ ней
 Мчатся дружнымъ бѣгомъ.
 Вотъ примчались... и вмгъ
 Изъ очей пропали:
 Кони, сани и женихъ,
 Будто не бывали.
 Одинокая въ потмахъ
 Брошена отъ друга
 Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
 Вдругъ мятежъ и вьюга.
 Возвратиться—слѣду нѣтъ...
 Виденъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
 Вотъ перекрестилась;
 Въ дверь съ молитвою стучитъ...
 Дверь патнулася... скрипнуть...
 Тихо растворилась.
 Что жъ?.. Въ избушкѣ гробъ; накрытъ
 Блѣлою занойю;
 Снасовъ ликъ въ ногахъ стоить;
 Свѣчка предъ иконой...
 Ахъ! Свѣтлана, что съ тобой?
 Въ чью зашла обитель?
 Страшенъ хижины пустой
 Безотвѣтныи житель.
 Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
 Предъ иконой пала въ прахъ,
 Спасу помолилась;

И съ крестомъ своимъ въ рукѣ,
 Подъ Святими въ уголкѣ
 Робко притаилась.

Все утхло... вьюги пѣтъ...
 Слабо свѣчка таетъ,
 То пролеть дрожащій свѣтъ,
 То опять затмится...

Все въ глубокомъ мертвомъ снѣ,
 Страшное молчанье...
 Чу, Свѣтлана!.. въ тишинѣ
 Легкое журчанье...

Вотъ, глядите: къ ней въ уголокъ
 Бѣлоспѣшный голубокъ
 Съ свѣтлыми глазами,
 Тихо вѣя, прилетѣлъ,
 Къ ней на перси тихо сѣлъ,
 Обнявъ ихъ крылами.

Смогло все опять кругомъ...
 Вотъ, Свѣтланѣ мнителъ,
 Что подъ бѣлымъ полотномъ
 Мертвый шевелится...
 Сорвался покровъ; мертвецъ
 (Лишь мрачище ночи)
 Виденъ весь—на лбу вѣнецъ,
 Затворены очи.

Вдругъ... въ устахъ сомкнутыхъ егошь;
 Сидятъ раздвинуть онъ
 Руки охладѣлы...
 Что же дѣвица?.. Дрожатъ...
 Гибель близко... по не спитъ
 Голубочекъ бѣлый.

Встреонулся, развернулъ
 Легкія онъ крылы;
 Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ...
 Всей лишенный силы,
 Простонавъ, заскрежеталъ
 Страшно онъ зубами,
 И на дѣву засеркала
 Грозными очами...
 Снова бѣдность на устахъ;
 Въ закатившихся глазахъ
 Смерть изобразилась...
 Глядь, Свѣтлана... о Творецъ!
 Милый другъ ея—мертвецъ!
 Ахъ!.. и пробудилась.

Гдѣ жъ?.. У зеркала, одна
 Посреди свѣтланы;

Въ тонкій замавѣсь окна
 Свѣтитъ лучъ денницы;
 Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
 День встрѣчалъ пѣшемъ;
 Все блеснеть... Свѣтланинъ духъ
 Смутенъ сновидѣшемъ.
 «Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
 Не добро вѣщаетъ онъ—
 Горькую судьбину;
 Тайный мракъ грядущихъ дней,
 Что сулишь душѣ моей,
 Радость или кручину?»

Сѣла (тяжко поестъ грудь)
 Подъ окномъ Свѣтлана;
 Изъ окна широкій путь
 Виденъ съвозъ тумана;
 Снѣгъ на солнышкѣ блеснеть,
 Паръ алѣетъ тонкій...
 Чу!.. вдали пустой гремитъ
 Колокольчикъ звонкій;
 На дорогѣ снѣжный прахъ;
 Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
 Санки кони рыаши;
 Ближе; вотъ ужъ у воротъ;
 Статный гость къ крыльцу идетъ...
 Кто?.. Женихъ Свѣтланы.

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
 Прорицатель мукъ?
 Другъ съ тобой; все тотъ же онъ
 Въ опытъ разлуки;
 Та жъ любви въ его очахъ,
 Тѣ жъ пріятны взоры;
 Тѣ жъ на сладостныхъ устахъ
 Милы разговоры.

Отворяйся жъ, Болкій храмъ;
 Вы астите къ небесамъ,
 Вѣрные обѣты;
 Соберитесь старъ и младъ;
 Сдвинувъ звонки чаши, въ лады
 Пойте: многи лѣты!

Улыбнись, моя краса,
 На мою балладу;
 Въ пей большія чудеса,
 Очень мало складау.

Взоромъ счастливымъ твоимъ,
 Не хочу и славы;
 Слава—насъ учили—дымъ;

Свѣтъ судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ мой:
«Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье.

Блажь зиждителя закопъ:
Здѣсь несчастье—лѣпвый сонъ;
Счастье—пробужденье.»

О! не знай спѣхъ страшныхъ сповѣ
Ты, моя Свѣтлана...

Будь, Создатель, ей покровъ!
Ил печали раба,
Ил минутной грусти тѣнь
Къ пей да не коснется;
Въ пей душа—какъ лѣпный дешъ;
Ахъ! да пронесется

Мимо—бѣдствія рука;
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ дуга,
Будь вся жизнь ея свѣтла,
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга.

1810—1817.

ДВѢНАДЦАТЬ СПЯЩИХЪ ДѢВЪ.

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ
ВЪ ДВУХЪ БАЛЛАДАХЪ.

Опять ты здѣсь, мой благодатный гешій,
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, мечта, къ душѣ моей...
Приди жь, о другъ! дай прежнихъ вдох-
Мишушего мнѣ жизнью повѣи, [повѣи],
Побудь со мной, продаи очарованья,
Дай сладкаго вкуса воспомнанья.

Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала—
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь стель пѣбогда плѣпяла.
Что рокъ, отпявъ, назадъ не отдасть,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась скорбь, и жалоба зоветъ
Сонутинковъ, съ пути сошедшихъ прежде,
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.

Къ пимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни звуки;
Разбѣявъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертая къ пимъ руки;
Прекрасный сонъ пхъ жизни улетѣлъ.

Другихъ умчалъ могучій духъ разлуки;
Счастливы край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по вѣмъ дорогамъ міра—
Не имъ постѣ задумчивая лира.

И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленье въ опыи таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде оживленнымъ.

БАЛЛАДА ПЕРВАЯ.

ГРОМОВОЙ.

Leicht aufzuritzen ist das Reich der Geister
Sie liegen wartend unter dünner Decke
Und, leise hörend, stürmen sie herauf.
Schiller.

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ
ВОЕНЬКОВОЙ.

Монхъ стиховъ желала ты—
Желанье исполняю;
Тебѣ досугъ мой и мечты
И лиру посвящаю.
Вотъ повѣсть праѣдовскихъ лѣтъ.
Еще жь одно желанье:
Цвѣтъи, мой несравненный цвѣтъи,
Сердце очароваль;
Печаль по слуху только знай;
Будь радостно свѣта;
Монхъ стиховъ хоть не читай,
Но другомъ будь поэта.

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ—рѣкой,
Надъ страшною стремниной,
Въ глухую полночь Громобой
Сдѣлъ одинъ съ кручиной;
Окрестъ него дремучій боръ;
Утесы подъ ногами;
Туманы видъ полей и горъ;
Туманы надъ водами;
Подернуть мглою свѣтъ небесъ;
Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Ужасно шепчетъ темный лѣсъ,
И волкъ во мракѣ рыщетъ.

Сидитъ съ поникшей головой,
И думаетъ онъ думу:
«Печальный, горькій жребій мой!

Клянуп судьбу угрюму:
 Дала мнѣ крестъ тяжелый несть;
 Всѣмъ людямъ жизнь отрада:
 Тѣмъ злато, тѣмъ покой и честь —
 А мнѣ сума награда;
 Итъ крова защититъ главу
 Отъ бури, непогоды...
 Усталъ я, въ помощь васъ зову,
 Дибиревски быстры воды».

Готовъ онъ прыцнуть съ крупяны...
 И вдругъ предъ нимъ яваеньс:
 Изъ темной бора глубины
 Выходитъ привидѣнье,
 Старики съ шершавой бородой,
 Съ блестящими глазами,
 Въ дугу сомкнутый надъ клюкою,
 Съ хвостомъ, когтыи, рогами.
 Идетъ, приблизился, грозить
 Клюкою Громобойю...
 И тотъ, какъ вкопанный, стоитъ,
 Зря диво предъ собою.

— Куда? невѣдомый сиропля. —
 «Въ волнахъ скончатъ мученья.»
 — Почто жъ, безмысленный, забыль
 Во мнѣ некатъ спасенья? —
 «Что ты?» воскликнулъ Громобой,
 Отъ страха цѣпнѣя.
 — Заступникъ, другъ, спаситель твой:
 Ты видишь Асмодея. —
 «Творецъ небесный!» — Удержись!
 Въ молитвѣ пѣть отрады;
 Забудь о Богѣ — мнѣ молись;
 Мои вѣрнѣи награды.

— Прими отъ дружбы, Громобой,
 Полезное ученье:
 Постигнуть ты судьбы рукой,
 И жизнь тебѣ мученье;
 Но всѣмъ бѣдамъ найти конецъ
 Я способы имѣю;
 Къ тебѣ нежалостивъ Творецъ —
 Прибѣгни къ Асмодею.
 Могу тебѣ я силу дать,
 И честь и много злата,
 И грудь буду я стоять
 За друга и за брата.

— Клянусь... свидѣтель ада богъ,
 Что клятвы не нарушу;

А ты, мой другъ, за то въ залогъ
 Свою отдай мнѣ душу. —
 Неволю вздрогнулъ Громобой,
 Но часамъ хладъ стремится;
 Земли не взвидѣлъ подъ собою,
 Итъ силу перекреститься.
 — О чемъ задумался, глупецъ? —
 «Страшусь мученій ада.»
 — Но рано ль, поздно ль... наконецъ
 Все адъ твоя награда.

— Тебѣ на свѣтъ жить — бѣда;
 Поклннуть свѣтъ — другая;
 Остаешься здѣсь — поди туда —
 Вездѣ погнѣбель злая.
 Халип-причудники твердятъ:
 Лукавый бѣсъ опасенъ.
 Не вѣрь имъ — бредни; веселье адъ;
 Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ.
 Мы жизнь пріятную ведемъ;
 Нангъ адъ не хуже рая;
 Ты скажешь самъ, лкнуй въ немъ:
 Лишь въ адѣ жизнь прямая.

— Тебѣ я теремъ пышный дамъ
 И тму людей на службу;
 Къ бограмъ, витяземъ, князьямъ
 Тебя введу я въ дружбу;
 Досель красавицъ ты нугаль —
 Придутъ къ тебѣ толною;
 И словомъ — вздумалъ, загадалъ,
 И все передъ тобою.
 И вотъ въ задатокъ кошелекъ:
 Въ немъ вѣчно будетъ злато.
 По десять лѣтъ — не болѣ — срокъ
 Тебѣ такъ жить богато.

— Когда жъ послѣдній день отъ глазъ
 Исчезнетъ за горою;
 Въ послѣдній полупочный часъ
 Приду я за тобою. —
 Сталь думу думать Громобой,
 Подумалъ, согласился,
 И обольстителю душой
 За злато поклонился.
 Разубавивъ руку, наншсалъ
 Онъ кровью обцѣпанъ;
 Лукавый принялъ — и пропалъ,
 Сказавши: до свиданья!
 И вышелъ въ люди Громобой —

Откуда что взялося!
 В счастье на него рѣкой
 Съ богатствомъ полилося;
 Какъ княжескій, разубранъ домъ;
 Подвалы полны злата;
 Съ заморскими выходы вномъ
 И рѣдкостей налата;
 Пирь—хоть посты, хоть мясѣдъ;
 Музыка роговая;
 Для всѣхъ—чужихъ, своихъ—обѣдъ
 И чапа круговая.

Возможно все въ его очаяхъ,
 Всему онъ повелитель:
 И сильнымъ бичъ, и слабымъ страхъ,
 И хищникъ, и грабитель,
 Дѣвѣнадцать дѣвъ похитилъ онъ
 Изъ отческой ихъ сѣни;
 Презрѣлъ невинныхъ жалкій стоиъ
 И рождественниковъ цепи;
 И въ годъ дѣвѣнадцать дочерей
 Имѣлъ отъ обольщенныхъ;
 И былъ ужъ чуждъ своихъ дѣтей
 И крови узъ священниковъ.

Но чадъ оставленныхъ питомъ
 Былъ ангель ихъ хранитель:
 Онъ далъ имъ пристаиъ—Божій домъ,
 Смирения обитель.
 Въ святыхъ стѣнахъ монастыря
 Сокрылъ ихъ съ матерями:
 Да славятъ Вышняго Царя
 Невинныхъ узъ мольбами.
 И горней благодати сѣни
 Была надъ ихъ главою;
 Какъ великій ароматный день,
 Цвѣли онъ красною.

Отъ раннихъ колыбельныхъ лѣтъ
 До юности златя, —
 Имъ въдомъ былъ лишь Божій свѣтъ,
 Лишь подвиги благе;
 Отъ сна вставая съ юнымъ днемъ,
 Стекалися во храмъ;
 На клиросѣ, предъ алтаремъ,
 Кадильницъ въ опіамѣ,
 Въ священный литургіи часъ,
 Ихъ слышалось пѣнье—
 И сладкій непорочныхъ гласъ
 Внимало Провидѣнсе.

И слезы ибжннхъ матерей
 Съ молитвой ихъ сливались,
 Когда во храмѣ близъ мощей
 Онѣ распростирались.
 «О! дай имъ кровь, небесный Царь
 (То было ихъ мольбе);
 Да будетъ твой святой алтарь
 Незлобныхъ душъ спасенье;
 Покинулъ ихъ родной отецъ,
 Давъ бѣднымъ жизнь постылу;
 Но призри Ты сиротъ, Творецъ,
 И грѣшника помилуй...»

Но вотъ... настала десятый годъ;
 Уже опъ на исходъ;
 И грѣшникъ горьки слезы лѣтъ:
 Всему онъ чуждъ въ природѣ.
 Опять украшены весной
 Луга, пригорки, доли;
 И нахаръ весель надъ сохой,
 И счастья полны селы;
 Не зрѣтъ лишь онъ златой весны:
 Его померкли взоры;
 Въ туманъ для нихъ погребены
 Луга, долины, горы.

Денница ль красная взойдетъ—
 «Прости, гласить, денница».
 Въ дубравѣ ль птичка пропоеть —
 «Прости, весны пѣвица...
 Прости, и мирные лѣса,
 И пивы золотыя,
 И неба свѣтлая краса,
 И радости земныя».
 И вспомнилъ онъ забытыхъ чадъ;
 Къ себѣ ихъ призываетъ;
 И мнитъ: онъ Творца смягчать:
 Невиннымъ Богъ выпрасть.

И вотъ... настала послѣдній день;
 Уже солнце за горюю,
 И стелется вечерня тѣнь
 Прозрачной пеленою;
 Уже сумракъ... смерклось... вотъ луна
 Блеснула изъ-за тучи;
 Легла на горы тишина;
 Утихъ и лѣсъ дремучій;
 Рѣка сравнялась въ берегахъ;
 Загягясь свѣтла очи;

И сонъ глубокий на поляхъ;
И близокъ часъ полночи...
И мучимъ смертною тоской,
У Спасовой иконы
Безъ вѣры ищеть Громобой
Отъ ада обороны.
И юныхъ чады къ себѣ призвалъ—
Сердца ихъ близки раю—
«Увы! молитесь (вопιάзь),
Молитесь, погибаю!»
Младенца внятень небу стоить:
Невинныя молилась;
Но вдругъ... на нихъ паходить сонъ...
Замолкан... уснулися.

И все въ ужасной тишинѣ;
Окрестность какъ могила;
Вотъ... каркнулъ воронъ на стѣбѣ;
Вогъ... стая псовъ завыва;
И вдругъ... протяжно полночь бьеть;
Нашли на небо тучи;
Рѣка надулась; боръ реветъ;
И мчится прахъ легучій.
Увы!.. послѣдній страшный бой
Отгрянулъ за горами...
Гулъ тише... смолкъ... и Громобой
Зрять бѣса предъ очами.

— Ты видѣлъ, рекъ онъ, дѣнь изъ глазъ
Сокрылся за горою;
Ты слыкалъ: билъ послѣдній часъ;
Принялъ я за тобою.—
«О! дай, молю, хоть малый срокъ;
Терзаюсь, адъ ужасенъ.»
— Свершилось! неизбеженъ рокъ,
И поздній вопль напрасенъ.—
«Минуту!»—Слышишь? Цѣнь звучитъ.—
«О страшный часъ! помиау!»
— И гробъ готовъ, и саваль спитъ,
И роютъ ужъ могилу.

— Заутра дѣнь взойдетъ во мглѣ:
Подымутся стѣянныя;
Увидать трупъ твой на столѣ,
Недвижный, безъ дыханья;
Капля и свѣчъ въ дыму густомъ,
При тихомъ ляковѣ пѣньѣ,
Тебя заврутъ въ подземный домъ
Павъки въ заточенья;
И страшно засгунъ засгучитъ

Надъ кровлею гробовою;
И тихо клиръ провозгласитъ:
Усонний, миръ съ тобою!
— И миръ не будетъ твой удѣлъ:
Ты адово стяжаль!
Но время... идуть... часъ присиѣлъ.
Внимай ихъ завыванья;
Сошлесь... призванный слышу ключъ...
Ихъ челюсти зияютъ;
Смола клокочетъ... свицеть бичъ...
Оковы разжигаютъ.—
«Спаситель-Царь, вопыми слезамъ!»
— Напрасное моленъ!—
«Увы! позволь хоть сиротамъ
Мнѣ дать благословенъ».

Младенцевъ спящихъ видитъ бѣсъ—
Сверкнули страшно очи!
— Ливитъ ихъ царствія небесъ,
Предать ихъ адекой почи...
Вотъ слава! мнѣ восплещеть адъ
И съ гордымъ сатаню.—
И, усмиривъ грозящій взглядъ,
Сказалъ онъ Громобю:
— Я випалъ твоей печали гласъ;
Есть средство избавленья;
Покоренъ будь, иль въ адъ сейчасъ
На скорби п мученья.

— Предай мнѣ души дочерей
За временну свободу,
И дамъ, по милости своей,
На каждую по году.—
«Злодѣй! губить невинныхъ чады!»
— Ты медлишь? Приступите!
Изриньте грѣшника во адъ!
На части разорвите!—
И вдругъ отвесюду крикъ и стоить;
Земля затрещала;
И грянулъ громъ со веѣхъ стороцъ;
И тьма бѣсовъ предстала.

Чудовищъ адекихъ грозный сонмъ;
Бѣгутъ, гремятъ цѣнями,
И стали грѣшника кругомъ
Съ разверстыми когтями.
И ницъ повергя Громобой,
Всезачувствень, полумертвый;
И вопитъ: «страшный врагъ, стой!»
Стой, готовы жертвы!»

И скрылся всё. Опъ будить чадъ...
 Опъ ишеть ихъ рукою...
 О страхъ! свершилось... плещеть адъ
 И съ гордымъ сатанюю.

Ты казнь отерочилъ, Громобой,
 И дверь сомкнулась ада;
 По жить, погибнувши душой—
 Коль страшная отрада!
 Влачи унылы дни, злодѣй,
 Въ болѣзни ожиданья;
 Веселья нѣтъ душѣ твоей,
 И пѣть ей упованья;
 Увы! и красный Божій мѣръ,
 И жизнь ему постылы;
 Опъ въ людствѣ дикъ, въ семействѣ сирь;
 Опъ вживѣ съѣдъ могилы.

Напрасно вѣсть вѣтерокъ
 Съ душистыми долинами;
 И свѣтъ луны серебрить потокъ
 Сквозь темныя листвы вершинны; ?
 И ласточка заря восходъ
 Встрѣчаетъ щебетаньемъ;
 И роца въ тѣнь свою зоветъ
 Листочковъ трепетаньемъ;
 И шумъ бѣгущихъ съ поля стадъ,
 Съ пастушьими рогами
 Вечерній мракъ животворятъ,
 Теряясь за холмами...

Его доселѣ свѣтлый домъ
 Ужъ сумрака обитель.
 Угрюмъ, съ нахмуреннымъ лицомъ
 Шровъ веселыхъ зритель,
 Не пьетъ кипящаго вина
 Изъ чаши круговья...
 И страшенъ день; и ночь страшна;
 И тѣни гробовыя
 Опъ всюду слышитъ грозный вой;
 И въ часъ глубокой ночи
 Бѣжить оврага его покой;
 И сонъ забылъ очи.

И тьмы лѣсовъ страшится опъ:
 Тамъ бродитъ привидѣнье;
 То чудится полночный звонъ,
 То погребальныя пѣнье;
 Страшитъ его и буря свѣтъ,
 И грозныхъ тучъ молчанье,
 И съ шорохомъ надущій листъ,

И рощи содроганье.
 Прокатится лъ по небу громъ—
 Блѣднѣетъ, дыбомъ волосъ;
 «То метитель, посланъ Божествомъ;
 То казни страшный голосъ».

И видъ прелестный юныхъ чадъ
 Ему не наслажденье.
 Ихъ милый, чувства полный взглядъ,
 Спокоекствіе, смиренье,
 Краса-веселіе очей,
 И глаза нѣжны звуки,
 И сладость ласковыхъ рѣчей
 Его сугубятъ муки.
 Какъ роза—благовоинный цвѣтъ
 Подъ стѣною надежной,
 Опъ цвѣтутъ: имъ скорби нѣтъ;
 Ихъ сердце безмятежно.

А опъ?... Преступникъ... опъ, въ тоскѣ
 На нихъ подъемля очи,
 Отверстѣ видитъ вдалекѣ
 Пучину адской ночи.
 Опъ плачетъ; опъ судьбу клянетъ;
 «О, милыя творенья,
 Какой васъ лютый жребій ждетъ!
 И гдѣ печать спасенья?
 Напрасно вамъ дана краса;
 Напрасно сердцу мила;
 Закрытъ вамъ путь на небеса;
 Цвѣтете для могилы.

«Увы! пора любви придетъ:
 Вамъ сердце тайну скажетъ,
 Для васъ она украситъ свѣтъ,
 Вамъ милаго покажетъ;
 И взоръ наполнится тоской,
 И тихимъ грудь желаньемъ,
 И, распаленныя душой,
 Влекомы ожиданьемъ,
 Для васъ взойдетъ краснѣе день,
 И будетъ дугъ душистѣй,
 И сладостивѣй дубравы тѣнь,
 И птичка голосистѣй.

«И дни блаженства не придутъ;
 Странитесь милой встрѣчи;
 Для васъ не брачныя зажгутъ,
 А погребальныя свѣчи.
 Не въ Божій, гимновъ полный, храмъ
 Поидете съ женихамъ...

Ужасный гробъ готовить намъ;
 Прокляты небесами.
 И намъ удѣлъ тоска и стонъ
 Въ обителяхъ геенны...
 О, грозный жребіа законъ,
 О, жертвы драгоценны!...
 Но взоръ возвелъ онъ къ небесамъ
 Въ душевномъ сокрушеніи,
 И мнитъ: «самъ Богъ вѣщаетъ намъ—
 Въ раскаянн спасенье.
 Возноситея предъ вышній тронъ
 Преступниковъ степанья...»
 И домъ свой обращаетъ онъ
 Въ обитель покаянья:
 Да странникъ тамъ найдетъ покой,
 Вдова и сирый друга,
 Голодный сладку сѣдъ, большой
 Спасенье отъ недуга.
 Съ утра до ночи у воротъ
 Служитель на сторожѣ;
 Отъ всѣхъ прохожихъ въ домъ зоветъ:
 «Есть хлѣбъ-соль, мягко ложе.»
 И вотъ уже изъ всѣхъ краше,
 Влекомя молвою,
 Идутъ толпы спроть и вдовъ
 И нищихъ къ Громобю;
 И всѣхъ пріемлетъ Громобю,
 Всѣмъ данъ его готова;
 Отъ щедрой злато льетъ рукою
 Отъ имени Христова.
 И Вожій онъ воздвигнулъ домъ;
 Подобье свѣтла рая,
 Обитель инокъ при немъ
 Является святая;
 И въ той обители святой,
 Отъ братіи смиренной
 Увѣчный, дрихлый и больной,
 И скорбю убѣспній
 Пріемлютъ, именемъ Творца,
 Отраду, исцѣленье:
 Да воскрешаемы сердца
 Узнаютъ Провидѣнье.
 И славный мастеръ призванъ былъ
 Изъ города чужого;
 Онъ въ храмъ ликъ изобразилъ
 Угодника святого;
 На той иковѣ Громобю

Былъ видимъ съ дочерями,
 И на молящихся святой
 Взиралъ любви очами.
 И день и ночь огонь пылалъ
 Предъ образомъ въ лампадѣ:
 Въ златомъ вѣнцѣ алмазъ сиялъ,
 И перлы на окладѣ.
 И въ часъ, когда рѣдѣетъ тѣнь,
 Еще дубрава дремлетъ,
 И воцаряющійся день
 Полнеба лишь объемлетъ;
 И въ часъ вечерней тишины—
 Когда вездѣ молчаще,
 И свѣчи, въ храмѣ возжены,
 Льютъ тихое сіянье—
 Въ слезахъ раскаянья, съ мольбой,
 Предъ образомъ смиренно
 Распростирался Громобю,
 Веригой отягченной...
 По быстро, быстро съ горъ текутъ
 Въ долину вешни воды—
 И невозвратные бѣгутъ
 Дни, мѣсяцы и годы.
 Ужъ время съ годомъ десять лѣтъ
 Невидимо умчало;
 Послѣдняго двухъ третей нѣтъ—
 И будто не бывало;
 И нѣкій неотступный гласъ
 Вѣщаетъ Громобю:
 Всему конецъ! твой близокъ часъ!
 Погибель надъ тобою!
 И вотъ... недугъ повергнулъ злой
 Его на одръ мученья.
 Растерзалъ лютою рукою,
 Не чая исцѣленья,
 Всечасно предъ собой онъ зрѣтъ
 Отверстѣ дверь могилы;
 И у возглавія сидитъ
 Надъ нимъ призракъ унылый.
 И нѣтъ ужъ силъ ходить во храмъ
 Къ иконѣ чудотворной—
 Лишь взоръ стремить онъ къ небесамъ,
 Молящій, но покорный.
 Увы! ужъ и послѣдній день
 Край неба озлащаетъ;
 Свзвозъ темную дубравы сѣнь
 Блистаешь проникаетъ;

Все тихо, весело, свѣтло;
 Все пѣгой сладкой дышетъ;
 Рѣка прозрачна, какъ стекло;
 Едва, едва колыхнетъ
 Листами легкій вѣтерокъ;
 Въ поляхъ благоуханье,
 Къ цвѣтку прилипуатъ мотылекъ
 И пѣть его дыханье.
 Но грѣшникъ сей встрѣчаетъ день
 Со стономъ и слезами.
 «О, рано ты, почная тѣнь,
 Разсталась съ небесами!
 Сойдитесь, дѣти, одръ отца
 Съ молитвой окружите,
 И предъ судилище Творца
 Стенанія пошлите.
 Ужасенъ намъ сей ночи мракъ;
 Взывайте: Искупитель,
 Смягчи грозящій гнѣва зракъ;
 Не будь намъ строгій метель!»
 И страшнаго одра кругомъ—
 Гдѣ блѣдень, изможденный,
 Съ обезображеннымъ челомъ,
 Всѣ кости обнаженны,
 Брада до чреслъ, волосы горой,
 Взоръ дикій, впалы очи,
 Вопиль отъ муки Громобой
 Съ утра до поздней ночи—
 Стеклися дѣвы, ясный взоръ
 На небо устремили,
 И въ тихій къ Провидѣнью хоръ
 Сердца совокупали.
 О, видь, угодный небесамъ!
 Такъ ангелы спасенья,
 Воньмя раскаянья слезамъ,
 Съ улыбкой примиренья,
 Въ очахъ отрада и покой,
 Отъ горняго чертога
 Нисходятъ съ милостью святой,
 Предшественники Бога
 Къ одру болѣзни въ смертный часъ...
 И, утомленъ страдашемъ,
 Слышъ гроба слышишь тихій гласъ:
 Отъиди съ уюваньемъ!
 И дѣвы, чистыя душой,
 Подъемя къ небу руки,
 Смиреной мыслили мольбой

Отца споконть муки;
 Но ужасъ близкаго конца
 Надъ нимъ уже послезя;
 Языкъ коспѣющій Творца
 Еще молитъ стремился;
 Тоскуя, взоромъ ошъ неслалъ
 Сіянія денницы...
 Но взоръ недвижный угасалъ,
 Смыкалися зѣнницы.
 «О, дѣти, дѣти, гаснетъ день.»
 — Нѣтъ, утро; лишь проспужалась
 Заря на холмѣ; черна тѣнь
 По долу протянулася;
 И нивы пусты... въ высотѣ
 Лишь жаворонокъ вьстаетъ.—
 «Увы! заутра въ красотѣ
 Опять сей день проснется!
 Но мы... ужъ скрылися отъ земли;
 Уже насъ гробъ снѣдаетъ;
 И мѣсто, гдѣ поднесъ цвѣли,
 Насъ болѣ не признаетъ.
 «Несчастныя, дерзну ль на васъ
 Изречь благословенье?
 И въ самой вѣчности для насъ
 Погвбло примиренье,
 Но не сопутетуйте отцу
 Съ проклятиемъ въ могилу;
 Молитесь, воззовемъ къ Творцу:
 Разгнѣванный, помилуй!»
 И дѣти, страшныхъ сихъ рѣчей
 Не всю объемя снау,
 Съ певниной ясностью очей
 Воекликнузи: помилуй!
 «О, дѣти, дѣти, ночь близка.»
 — Лишь поадень наступаетъ;
 Пастухъ у водъ для холодка
 Со стадомъ отдыхаетъ;
 Молчатъ поля; въ долигѣ сонъ;
 Пылаетъ небо знойно.—
 «Мнѣ чудится надгробный стои.»
 — Все тихо и спокойно;
 Лишь свѣзлій вѣтерокъ, порой
 Подъемяся съ поля, дуетъ;
 Лишь иволга въ глуши лѣсной
 Повременно воркуетъ.—
 «О, дѣти, свѣтлый день угасъ.»
 — Ужъ солнце за горою;

Ужь по загалу разлилась
 Багряною струею
 Заря, и съ пламенныхъ небесъ
 Спокойный вечеръ сходить,
 На заревѣ черибеть лѣтъ,
 Въ долици сумракъ бродить.—
 «О, вечеръ сумрачный, постой!
 Помедли, день прелестной!
 Помедли, взоръ не узрять мой
 Тебя ужъ въ поднебесной!...
 «О, дѣти, дѣти, ночь близка.»
 — Заря ужъ догорѣла;
 Въ туманъ одѣлася рѣка;
 Окрестность поблѣдѣла;
 И на распутіи пылать
 Стада, сѣбша къ селеню. —
 «Спасите! полночь бѣгъ!» — Звонять
 Въ обители къ мозелью:
 Отцы поютъ хвалебный гласъ;
 Огнями храмъ блистаеть.—
 «При нихъ и грѣшникъ въ страшный часъ
 Къ тебѣ, Творецъ, зываетъ!..
 «Не тнитя ль, дѣти, неба сводъ?
 Не мчатя ль черны тучи?
 Не вздуль ли вихоръ бурныхъ водъ?
 Не вьется ль прахъ летучій?»
 — Все тихо... служба отошла;
 Обитель засыпаеть;
 Луна полнеба протекла;
 И Божій храмъ сіяеть
 Одишь съ холма въ окрестной мглѣ;
 Луга, поля безмолвны;
 Огни потухнули въ селѣ;
 И роци спятъ и волны.—
 И всюду тишина была;
 И вся природа, мишлось,
 Предурашенная ждала,
 Чтось чудо совершилось...
 И вдругъ... какъ будто вѣтерокъ
 Новѣялъ отъ востока,
 Чуть тронулъ дремлющій ливетокъ
 Чуть тронулъ зыбь потока...
 И вѣкій гласъ промчался съ нимъ...
 Какъ будто надъ звѣздами
 Коснулся арфы серафимъ
 Запрными перетами.
 И тихо, тихо Божій храмъ

Отверзся... Неизвѣстный
 Явился старецъ дѣвъ очамъ;
 И ликъ красы небесной,
 И кротость благостныхъ очей
 Рождали упованье;
 Одѣявъ ризою лучей,
 Окрестъ главы сіянье,
 Опъ не касался до земли
 Въ воздушномъ приближенъ...
 Предъ нимъ незримы телли
 Надежда и спасенье.

Сердца ихъ ужасъ обузлять...
 «Кто этотъ, въ славъ зримый?»
 Но близъ ора уже стоялъ
 Пришлецъ неизъяснимый.
 И къ дѣвамъ прикоснулся огъ
 Полой своей одежды:
 И тихій во мгновение сонъ
 На ихъ простерся вѣжды.
 На искаженный старца ликъ
 Опъ кипуль взглядъ укора:
 И трепеть въ грѣшника прощя
 Отъ пламеннаго взора.

«О! кто ты, грозный сынъ небесъ?
 Твой взоръ мнѣ наказанье.»
 Но страшный строгостью очесъ
 Пришлецъ хранить молчалье...
 «О, дай, молю, твой слышать гласъ!
 Одно надежды слово!
 Идетъ неотразимый часъ!
 Событіе готово!»
 — Вы ликъ во храмѣ чтили мой;
 И въ томъ изображенъ
 Моя десница надъ тобой
 Престерта во спасенье.—

«Ахъ! что жъ Могучій повелѣлъ?»
 — Надѣйся и страшися.—
 «Увы! какой насъ ждетъ удѣлъ?
 Что жребій пхъ?» — Моллся.—
 И, руки положивъ крестомъ
 На грудь изнеможенну,
 Предъ неиспытаннымъ Творцомъ
 Молитву сокрушенну
 Умолкшій проліялъ въ слезахъ;
 И тяжело грудь дышала,
 И въ призывающихъ очахъ
 Вся скорбь души сіяла .

Вдругъ началъ тмиться неба сводъ —
Мрачиѣ и мрачиѣ;

За тучей грозною ползеть

Другая велѣдъ грозиѣ;

И страшно сшиблись падъ главоу;

И небо закрубилося;

И вдругъ... повсюду съ черпой мглоу

Молчанье воцарилось...

И близокъ часъ полночи былъ...

И ризоу святоу

Угодинокъ сияющихъ дѣвъ накрылъ,

Отетушника десноу.

И, устремлены на востокъ,

Горбян старца очн...

И вдругъ, сквозь сонъ и мракъ глубоку,

Въ пучинѣ черпой почн,

Завылъ протяжно вѣщій бой —

Окрестность съ нимъ завыла;

Вдругъ... страшноу молиау стругей

Сводъ неба раздвола,

По тучамъ вихорь пробѣжалъ,

И съ сильнымъ грома трескомъ,

Рвущей бурѣ, бѣсъ предсталъ,

Одѣянъ адекимъ блескомъ.

И зми въ пламенныхъ власахъ —

Клубясь, шипятъ и свищуть;

И радость злобная въ очахъ —

Кругомъ, сверкала, рыщуть;

И тяжелой цѣпью онъ гремѣлъ —

Увлочъ добычу лестиася;

Но старца грозлаго узрѣлъ —

Утихнулъ и смирился;

И вмигъ гордыни блескъ угасъ;

И, смутенъ, вопрошасть:

— Что, мощный врагъ, тебя въ сей часъ

Къ спмъ падшимъ призываетъ? —

«Я зрѣлъ мольбу ихъ предъ собою».

— Онъ мое стяжаше. —

«Передъ Небеснымъ Судіей

Всеплано покаяше».

— И часъ суда Его притекъ:

Ихъ жребіи совершася. —

«Еще ко Благости не рекъ

Онъ въ гнѣвѣ: удалася!»

— Онъ правъ — и я владыка имъ. —

«Онъ благъ — я ихъ хранитель.»

— Исчезни! адъ неотразимъ. —

«Отвѣтвуй, Искупитель!» —

И громъ съ востока полетѣлъ;

И бездну тучъ трикраты

Разсѣкъ браздами яркихъ стрѣлъ

Перупъ огнекрылатый;

И небо съ края въ край зажглось,

И застонало въ страхахъ;

И дрогнула земная ось...

И, воющій во прахѣ,

Творца грядуща слышитъ бѣсъ;

И молятся хранитель...

И сталъ на высотѣ небесъ

Средь молній ангель-метитель.

«Гряду! и вѣчный Божій судъ

Несетъ моя десница!

Мнѣ казнь и благодѣть предтекутъ...

Во прахѣ, чадоубійца!»

О, всемогущество словесъ!

Уже отступиниѣ тлѣше;

Потухъ послѣдній свѣтъ очесъ;

Въ костяхъ оцѣпенѣше;

И зпкъ кончиной некаженъ;

И сердце охладѣло;

И отъ сомкнувшихся устеп

Дыханье отлетѣло.

«И праху обладатель адъ,

И гробу отверженъе,

Доколь на погубленныхъ чады

Не спидетъ искупленъе.

И чадамъ непробудный сонъ;

И тотъ, кто чистъ душоу,

Кто, ихъ не зрѣвши, распаленъ

Одноу пзъ нихъ красоу,

Придетъ, жителское презрѣвъ,

Въ забвешну ихъ обитель;

Есть обреченный спланихъ дѣвъ

Отъ неба искупитель.

«И будутъ спать: и къ нимъ вѣка

Въ полетѣ не коснутся;

И-проидетъ тлѣвнй рука

Ихъ мнмо; и проснутася

Съ неизмѣнившейся красой

Для жизни обновленной;

И низойдетъ тогда покой

Къ могиламъ искупленной;

И будетъ миръ въ его костяхъ;

И претворенный въ радость,

Творца постигнувъ въ небесахъ,

Речеть: Господь есть Благость!..»

Ужъ иѣстникъ утра въ высотѣ;
 И слышенъ громкій пѣтель;
 И день въ воздушной красотѣ
 Летитъ, какъ радость, свѣтъ...
 Узрѣли дѣвъ, объятыхъ сномъ,
 И старца трупъ узрѣли;
 И мертвый страшень былъ лицомъ
 Глаза, не зря, смотрѣли;
 Какъ будто страждущъ, прижималъ
 Онъ къ хладнымъ персямъ руки,
 И на устахъ его ропталъ,
 Казалось, голосъ муки.
 И спящихъ ликъ покоенъ былъ:
 Невидимо крылами
 Ихъ тихій ангелъ облачалъ;
 И райскими мечтами
 Чудесный былъ исполненъ сонъ;
 И сладкимъ ихъ дыханьемъ
 Окрестъ былъ воздухъ растворенъ,
 Какъ розъ благоуханьемъ;
 И расцвѣтали ихъ уста
 Улыбкою прелестной,
 И ихъ являлась красота
 Въ спокойствіи небесной.
 Но вотъ—ужъ гробъ одѣтъ парчой;
 Отвѣрзая могила;
 И слышенъ колокола вой;
 И тепаются кадила;
 Идутъ и старъ и младъ во храмъ;
 Подъемятся рыданье;
 Даютъ безчувственнымъ устамъ
 Последнее лобзанье;
 И грянулъ въ гробъ ужасный млатъ;
 И взять ужъ гробъ землею;
 И ликъ воспѣвъ: усонній братъ,
 Навѣки миръ съ тобою!
 И вотъ—и старъ и младъ пошли
 Обрато въ домъ печали;
 Но вдругъ предъ ними изъ земли
 Вкругъ дома грозно встали
 Гранитны стѣны—верхъ зубчатъ,
 Бока одѣты лѣсомъ—
 И, срянувшися, затворы вратъ
 Задвинулися утесомъ.
 И вепять погналъ пришельцевъ страхъ;
 Бѣгутъ, не озираясь;
 «Небесный гнѣвъ на сихъ стѣнахъ!»
 Вѣщаютъ, содрогаясь.—

И стала та страна съ тѣхъ поръ
 Добычей запустѣнья;
 Поля покрылъ дремучій боръ;
 Разсыпались селенья.
 И человѣчій гласъ умолкъ—
 Лишь филинъ на утеѣ,
 И въ почъ осенню гладный волкъ
 Тамъ воютъ въ черномъ лѣсѣ;
 Лишь дико межъ сѣдыхъ береговъ,
 Спираема корнями
 Изрытыхъ бурею дубовъ,
 Рѣка клубитъ волнами.
 Гдѣ древле окружала храмъ
 Отшельниковъ обитель,
 Тамъ грозно свищетъ по стѣнамъ
 Змѣя, развалинъ житель;
 И гимнъ по сводамъ не гремитъ—
 Лишь, вѣющій порою,
 Пустынный вѣтеръ шевелятъ
 Въ развалинахъ травою;
 Лишь, отторгаясь отъ стѣнъ,
 Катятся камни съ шумомъ,
 И гулъ, на время пробужденъ,
 Шумитъ въ лѣсу угрюмомъ.
 И на туманистомъ холмѣ
 Могиальный зрится камень:
 Надъ нимъ всегда въ полночной тмѣ
 Сіяетъ блѣдный пламень.
 И крестъ поверженный обвить
 Листами павианки:
 На немъ угрюмый врагъ сидитъ,
 Могила сторожъ дикій.
 И все, какъ мертвое окрестъ:
 Ни листъ не шевелится,
 Ни звѣрь близъ сихъ не пройдетъ мѣстъ,
 Ни птица не промчится.
 Но полночь лишь сойдетъ съ небесъ—
 Врагъ черный ветрепнется,
 Зашепчетъ пробужденный лѣсъ,
 Могила потрясется;
 И видна бродяца тѣнь
 Тогда въ пустышѣ почвѣ:
 Какъ блѣдный на туманѣ день,
 Ея сіяютъ очи;
 То взоръ возводитъ къ небесамъ,
 То, съ видомъ тяжелой муки,
 Къ непроницаемымъ стѣнамъ,
 Моля, подьемятъ руки.—

И въ пѣдрѣ неприступныхъ стѣнъ
 Молчаше могилы;
 Окрестъ ихъ, мглою покровень,
 Съдѣветъ лѣсъ унылый:
 Тамъ вѣтеръ не шумитъ въ листьяхъ,
 Не слышно водъ журчанья,
 Пн благовоія въ пѣвтахъ,
 Ни въ травкѣ пѣтъ дыханья.
 П дѣвы спятъ—пхъ сонъ глубокъ;
 И жребій некупленья,
 Безвѣстно, близокъ или далѣкъ;
 И нѣтъ имъ пробужденья.

Но въ часъ, когда поля заснуть,
 И мглой земля одѣта,
 (Между торжественныхъ минутъ
 Полночи и развѣга)
 Одна изъ спящихъ востаетъ—
 И, страшникъ одинокой,
 Свой срочный начинаеть ходъ
 Кругомъ стѣны высокой;
 П смотреть вдаль, и ждетъ съ тоской:
 «Приди, приди, спаситель!»
 Но даль покрыта черной мглой...
 Неидеть, неидеть спаситель!

Когда жъ исполнится луна,
 Чреда приходитъ смѣны;
 Въ урочный часъ пробуждена,
 Одна идетъ на стѣны,
 Другая къ пей со стѣны идетъ,
 Встрѣчается, и руку,
 Вздохнувъ, пришлицѣ дастъ
 На долгую разлуку;
 Потомъ къ почюющимъ сестрамъ,
 Задумчива, отходить,
 А та печально по стѣнамъ
 Одна до смѣны бродитъ.

И скоро ль? Долго ль?.. Какъ узнать?
 Гдѣ вѣстникъ некупленья?
 Гдѣ тотъ, кто властенъ побѣждать
 Всѣ ковы оболыценья,
 Къ прелестной прилѣднень мечтѣ?
 Кто могъ бы, чистъ душою,
 Небесной вѣренъ красотѣ,
 Непобѣдимъ землю,
 Все предетоящее презрѣтъ,
 И съ вѣрою смиренной,

Надежды полною, вдаль летѣтъ
 Къ наградѣ сокровенной?..

БАЛЛАДА ВТОРАЯ.

ВАДИМЪ.

Du musst glauben, du musst wagen,
 Denn die Götter leih'n kein Pfand;
 Nur ein Wunder kann dich tragen
 In das schöne Wunderland.
 SCHILLER.

ДМИТРИЮ НИКОЛАЕВИЧУ
 БЛУДОВУ.

Вотъ повѣсти моей конецъ—
 И другу посвященъ;
 Пѣвцу жъ смиренному вѣнецъ
 Будъ дружбы одобренъ.
 Вадимъ мой росъ въ твоихъ глазахъ;
 Твой вкусъ былъ мнѣ учитель;
 Въ моихъ запутанныхъ стихахъ,
 Какъ тайный вождь—храпитель,
 Опъ путь мнѣ къ цѣли проложилъ.
 Но въ пользу ли услуга?
 Не знаю.... Дѣвъ я разбудилъ,
 Не усыпить бы друга.

Въ великомъ Новградѣ Вадимъ
 Плѣнялъ всѣхъ красотою,
 И дерзкимъ мужествомъ своимъ,
 И сердца простотою.
 Его утѣха—по лѣсамъ
 Спятаться за звѣрами;
 Ужасный вепрямъ и волкамъ
 Разящими стрѣлами,
 Въ осенній хладъ и лѣтній злой
 Опъ съ вѣршымъ псомъ на ловлѣ;
 Ему постелей—мохъ лѣсной,
 А сводъ небесный кровлей.

Уже двадцатая весна
 Вадимова настала;
 П, чувства тайнаго полна,
 Душа въ немъ увывала.
 «Чего печать? Въ какихъ странахъ?
 Къ чему стремить желанье?»
 Но все—и тишина въ лѣсахъ,
 И быстрыхъ водъ журчанье,
 И днѣ мѣняющійся видъ
 На облакъ небесномъ,
 Все, все Вадиму говоритъ
 О чемъ-то неизвѣстномъ.

Однажды, ловлей утомлѣнь,
 Близъ Волхова на брегѣ
 Онъ погрузился въ легкій сонъ....
 Струи въ свободномъ бѣгѣ
 Шумѣли, по корнямъ деревьевъ,
 Съ плескашемъ разливаясь;
 Душой весны былъ полощъ лѣсъ;
 Листочки, развиваясь,
 Дышали жизнью молодой;
 Все благовопно было....
 И солнце съ тверди голубой
 Къ холмамъ уже нисходило.
 И къ утру виднѣть сонъ Вадимъ:
 Одѣянъ ризой бѣлой,
 Предсталъ чудесный мужъ предъ нимъ—
 Во взорѣ лучъ веселой,
 Лишь важный свѣтель, станъ высокъ,
 На сѣдинахъ блистанье,
 Въ руцѣ серебряный звонокъ,
 На персяхъ крестъ въ сіяньѣ;
 Онъ шелъ, какъ будто бы летѣлъ,
 И, осѣнивъ перстами,
 Благовѣстными возрѣлъ
 На юношу очами.
 «Вадимъ, желанное вдали;
 Вѣрь небу; жди смиренно;
 Все измѣняется на землѣ,
 А небо неизмѣнно;
 Стремись, я провожатый твой!»
 Сказалъ—и въ то жъ мгновенье
 Вдали явилось голубой
 Прелестное видѣнье:
 Младая дѣва, ликъ закрытъ
 Завѣсою туманной,
 И на главѣ ея лежить
 Вѣнокъ благоуханной.
 Вдыхая жалобно, рукою
 Манило привидѣнье
 Идти Вадима за собой...
 И юноша въ смятенѣ
 Къ ней, сердцемъ веныхнувъ, полетѣлъ...
 Но вдругъ... призракъ сокрылся
 Вдали звонокъ одинъ гремѣлъ,
 И блѣдный лучъ свѣтлелъ;
 И вмѣстѣ съ дѣвою пропалъ
 Старикъ въ одеждѣ бѣлой...
 Вадимъ проснулся: день сіялъ,
 А въ вышнихъ... звенѣло.

Онъ смотритъ вдаль на свѣтлый югъ:
 Тамъ ясно все и чисто;
 Оттолъ черезъ обширный лугъ
 Струею серебристой
 Катилася Волховъ; небеса
 Сливались тамъ съ землею;
 Туда, за холмы, за лѣса,
 Мчалъ облака толпою
 Летучій, вешній вѣтерокъ...
 Смятенный, въ ожиданьѣ,
 Онъ смотреть, слушаетъ... звонокъ
 Умолкъ—и все въ молчаньѣ.
 Три сряду утра тотъ же сонъ;
 Душа его въ волненъѣ.
 «О, что же ты, вызываетъ онъ,
 Прекрасное явленье?
 Куда зовешь, волшебный гласъ?
 Кто ты, приплелъ священныи
 Ах! гдѣ она? Увижу ль васъ?
 И сердцу откровенный
 Предѣлъ откроется ли очамъ?»...
 Но тицетно онъ очами
 Летитъ къ далекимъ небесамъ...
 Туманъ подъ небесами.
 И дѣлный міръ его мечтой
 Предъ нимъ одушевился.
 Востокъ ли свѣжею красой
 Денницы золотился—
 Ему являлся тамъ покровъ
 На образѣ прелестномъ.
 Дышалъ ли запахомъ цвѣтовъ—
 Въ немъ скорбь о невѣстномъ,
 Стремленье вдали, любви тоска,
 Томленіе разлукъ;
 И въ каждомъ шумѣ вѣтерка
 Звонка призывны звуки.
 И онъ, невластный побѣдитъ
 Могучаго стремленье,
 Къ отцу и къ матери просить
 Идетъ благословеня.
 «Куда (печальная въ слезахъ
 Сказала мать сыну)?
 Въ чужихъ неспытывае странахъ
 Невѣрную судьбину?
 Постой; на роднѣй твоей
 Домъ отчій безопасный;
 Здѣсь сладостна любовь друзей;
 Здѣсь дѣвицы прекрасны.»

— Увы! желаннаго здѣсь нѣтъ;
 Спокой себя, родная;
 Меня отъ вась въ далекій свѣтъ
 Ведеть рука свитая.
 И не задремлетъ ни на часъ
 Хранитель постоипный.
 Но гдѣ онъ? Чей я слышала гласъ?
 Кто вождь сей безымянный?
 Куда ведеть? Какой стезей?
 Не знаю—и напрасенъ
 Въ незнаши страхъ... живь спутникъ мой;
 Путь вѣры безопасенъ.—

Надѣвъ на сына крестъ златой,
 Отвѣтствуетъ родная:
 «Прости, да будетъ надъ тобой
 Его любовь святая!»
 Снимасть со стѣны отецъ
 Свои досѣхи ратны:
 «Прости, вотъ мечъ мой кладенець,
 Мой щитъ и шлемъ булатный.»
 Слышъ въ землю матери, отцу;
 Цѣлуетъ образъ; плачетъ;
 Конь борзый подведенъ къ крыльцу;
 Онъ съѣлъ—онъ крикнулъ—скачетъ...

И пыльный по дорогѣ слѣдъ
 Поднялъ конь быстроногой;
 По вотъ уже и слѣду нѣтъ;
 И пыль слилася съ дорогой...
 Вдохнулъ отецъ; со вздохомъ мать
 Пошла въ свою свѣтлицу;
 Ей долго ночь въ слезахъ встрѣчать,
 Въ слезахъ встрѣчать денницу;
 Передъ Владычицей зажгла
 Съ молитвою лампаду;
 Чтобъ ему покровъ была,
 Чтобъ ей дала отраду.

Вотъ на распутии Вадимъ.
 Весь міръ неизмѣримый
 Ему открытъ; за нимъ, предъ нимъ
 Поля необозримы;
 Въ чужбинѣ онъ; въ желанный край
 Невѣдома дорога.
 «Что жъ медлишь? Вѣрь—не выбирай;
 Впередъ, во имя Бога;
 Куда и какъ привесть меня,
 То вождь мой знаетъ болѣ.»
 Такъ онъ подумалъ—и коня
 Пустилъ бѣжать по волѣ.

И добрый конь какъ будто самъ
 Свою дорогу знаетъ;
 Онъ все на югъ; онъ по полямъ
 Путь новый пробиваетъ;
 Потокъ ли встрѣтитъ—и въ потокъ;
 Лишь только нѣна прыщеть.
 Ко рву ль примчится—разомъ скобъ,
 Лишь только воздухъ свищеть.
 Заглохъ ли лѣсъ—съ нимъ широка
 Дорога въ чащѣ лѣса;
 Утесъ ли крутъ—онъ сѣдока
 Стрѣлой на крутъ утеса.

Бѣгутъ за днями дни; Вадимъ
 Все далѣ; конь послушный
 Не устаётъ; и всюду имъ
 Въ пути пріемъ радушный:
 Ко граду ль случай заведеть,
 Къ селу ль, къ дачужкѣ ль дымной—
 Вездѣ прищельцу у воротъ
 Привѣтъ гостепримной;
 Вездѣ заботливо дають
 Хлѣбъ-соль на подкѣрвленье,
 На темну ночь святой пріютъ,
 На путь благословенье.

Когда жъ застигнетъ мракъ ночной
 Въ лѣсу, или въ полѣ чистомъ—
 Нашъ витязь, щитъ подъ головою,
 Спитъ на коврѣ росистомъ
 Благоуханной муравы;
 Надъ нимъ катяся, сіяютъ
 Почныя звѣзды; вокругъ главы
 Младые ены летаютъ;
 И конь, не дремля, сторожитъ;
 И къ сторонѣ той, шитяся,
 И звѣрь опасный не бѣжитъ,
 И змѣй проползть боится.

И дни бѣгутъ—весна прошла,
 И селови отишли,
 И липа въ рощахъ зацвѣла,
 И нивы пожелтѣли.
 Вадимъ все далѣ; ужъ предъ нимъ
 Широкій Днѣпръ сіяетъ;
 Онъ ѣдетъ берегомъ крутымъ,
 И взоръ его летаетъ
 Съ высотъ по значнымъ берегамъ:
 Здѣсь видитъ дугъ цвѣтущій,
 Тамъ златоверхій городъ, тамъ
 Бавзъ водъ рыбачьи кущи.

Однажды—вечеръ знойный рдѣль
 На небѣ; лѣсъ дремучій
 Сквозь пламень зарева синѣль,
 И громовыя тучи,
 Велѣдъ за багровою луной,
 Съ востока поднимались,
 И яркой молвіи змѣей
 Въ ихъ пѣдрѣ извивались—
 Вадимъ вѣзжааетъ въ темный лѣсъ;
 Тамъ все въ тѣни молчало;
 Лишь трепетаніе деревьевъ
 Грозу предвозвѣщало.
 И дичь являлася кругомъ;
 Чуть небеса сквозя сѣни
 Свѣтили гаснуцимъ лучомъ;
 И дерева, какъ тѣни,
 Мелькали въ безднѣ темноты
 Съ разверстыми вѣтвями.
 Вадимъ впередъ—хрустятъ кусты
 Подъ конскими ногами;
 Вездѣ плетень изъ сучьевъ имъ
 Дорогу задвигаетъ...
 Но ихъ мечомъ крушить Вадимъ,
 Конь грудью разрываетъ.
 И ѣдетъ онъ ужъ цѣлый часъ;
 Вдругъ—жалобные крики;
 То пѣжный и молящій гласъ,
 То яростный и дикій.
 Зажглась въ немъ кровь; на вопли онъ
 Сквозь чащу вѣтвей рвется;
 Конь пышетъ, лѣсъ трещать, и стоишь
 Все ближе раздается;
 И вдругъ подъ нимъ въ дичи глухой,
 Какъ будто изъ тумана,
 Чуть освѣщенная луной,
 Открылася поляна.
 И что жъ у витязя въ глазахъ?
 Шумя между кустами,
 Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
 Съ дубиной за плечами,
 Огромный великанъ бѣжить,
 И на рукахъ могучихъ
 Красавицу младую ищетъ;
 Она, въ слезахъ горячихъ,
 То силится бороться съ нимъ,
 То скорбно вопить къ Богу...
 «Стои!» крикнулъ хищнику Вадимъ,
 И заслонилъ дорогу.

Ни слова тотъ на грозную рѣчь;
 Какъ бѣшеный отпрянулъ,
 Сорвалъ дубину съ крѣпкихъ плечъ,
 Взмахнулъ, въ Вадима грянулъ,
 И очи вспыхнули, какъ жарь...
 Конь легкой отшатнулся,
 Въ корявый дубъ пришелъ ударъ,
 И дубъ, треща, погнулся;
 Вадимъ всей силою меча
 Ударилъ въ исполина—
 Рука отпала отъ плеча,
 И въ прахъ легла дубина.
 И хищникъ, рухнувъ, захрипѣлъ
 Подъ конскими ногами;
 Рванулся встать; оцѣпенѣлъ,
 И стихъ, грозя очами;
 И смерть молчаньемъ замерла
 Уста, вопить отверсты;
 И, роя землю, замерла
 Рука, разинувъ персты.
 Спѣшитъ къ похищенной Вадимъ;
 Она, какъ листъ, дрожала,
 И, сѣвши на колы за нимъ,
 Въ слезахъ къ нему припала
 «Скажи мнѣ, дѣвица, кто ты?
 Кто буйный оскорбитель
 Твоей дѣвичей красоты?
 И гдѣ твоя обитель?»
 — Князь кievскій родитель мой;
 Градъ Кіевъ пeдалеко;
 Проѣдемъ скоро лѣсъ густой,
 Увидимъ брегъ высокой:
 Подъ берегомъ тѣмъ князья, шумять
 Въ скалахъ струп Диѣпровы,
 На брегъ томъ и Кіевъ-градъ,
 Озолоченны крови.
 — Я тамъ дни мирныя веда,
 Не зная съ кручиной,
 И въ старости отцу была
 Утѣхою единой.
 Не въ добрый часъ литовскій князь,
 Врагъ церкви православной,
 Меня узрѣлъ и, распался
 Душою звѣроправной,
 Послалъ къ намъ въ Кіевъ-градъ гонца,
 Чтобы, тайною рукою
 Меня похитивъ у отца,
 Умчалъ въ Литву съ собою.

— Онъ скрылся на Дибирь-рѣкѣ
 Въ лѣсномъ уединеннѣ,
 Отъ Кіева невдалекѣ;
 О дерзкомъ замысленнѣ
 Никто и сонный не мечтаѣ;
 Губитель не встрѣчался
 Въ лѣсу ни съ кѣмъ; какъ волкъ, онъ
 Добычи н—дождался. [ждать
 Я нынче раннею порой
 Въ лугъ вышла, полевые
 Сбирать цвѣтки; пошли со мной
 Подружки молодыя.

— Мы росу брали на цвѣтахъ,
 Росою умывались,
 И рвали ягоды въ кустахъ
 И громко обlickались.
 Уже солнце жгло съ полуднебесъ;
 Я шла одна; кустами
 Влаась дорожка: темный лѣсъ
 Чернѣлъ передъ глазами.
 Вдругъ шумъ... смотрю... злодѣй за мной;
 Страхъ подкосилъ мнѣ ноги;
 Онъ сильною меня рукою
 Схватилъ—и въ лѣсъ съ дороги.

— Ах! что бѣ въ удѣлѣ досталось мнѣ,
 Что было бы со мною,
 Когда бѣ не ты? Въ чужой страхѣ
 Изныла бѣ сиротою.
 Отъ милыхъ ближнихъ вдалекѣ
 Живеть ли сердцу радость?
 И въ безутѣшной бы тоскѣ
 Моя увяла младость;
 И съ горемъ дряхлый мой отецъ
 Повлекся бы ко гробу...
 Но слабость защитилъ Творецъ,
 Сразилъ Всевышій злобу.—

Межъ тѣмъ, съ поляны въ гущину
 Въбѣжастъ витязь; тучи,
 Толпясь, заволокли луну;
 Сталъ душевъ лѣсъ дремучій...
 Гроза собралась; межъ листовъ
 Дождь крупный пробивался,
 И шумъ тяжелыхъ облаковъ
 Съ ихъ ропотомъ мѣшался...
 Вдругъ вихоръ пабѣжалъ на лѣсъ
 И взрылъ деревъ вершины,
 И загорѣлся небесъ
 Клишиця пучины.

И все взревѣло... дождь рѣкой;
 Громъ страшный, трескъ за трескомъ;
 И шумъ воды, и вихря вой;
 И поминутнымъ блескомъ
 Воспламеняющійся лѣсъ;
 И встрѣчу, справа, слѣва
 Ряды валящихся деревьевъ;
 Конь рвется; въ страхѣ дѣва;
 И, заслонивъ ее щитомъ,
 Вадимъ смятенный ищетъ,
 Гдѣ бѣ пріютиться... по кругомъ
 Все дичь, и буря свищетъ.

И вдругъ уже цѣтъ дороги имъ;
 Стѣна изъ камней мшистыхъ;
 Громъ мчался по бокамъ крутымъ;
 Въ разбѣлинахъ лѣсистыхъ
 Спираясь, вихоръ бушевалъ
 И молнии горѣли,
 И въ безднѣ буря груди скалъ
 Сверкала и гремѣли.

Вадимъ назадъ... но вдругъ ударъ!
 Ель, треснувъ, запыхала;
 По вѣтвямъ пробѣжалъ пожаръ,
 Окрестность заблестала.

И въ заревѣ открылась имъ
 Пещера подъ скалою.
 Спѣшить къ убѣжищу Вадимъ;
 Заботливой рукою
 Онъ снялъ соутницу съ коня,
 Сложилъ съ раменъ кольчугу,
 Зажегъ костеръ, и близъ огня,
 Вянувъ на руки подругу,
 На броню сѣлъ. Дымясь, свергалъ
 Въ кострѣ огонь трескучій;
 Поверхъ пещеры громъ леталъ,
 И бунтовали тучи.

И, прислонивъ къ груди своей
 Вадимъ княжну младую,
 Изъ золотыхъ ея кудрей
 Жалъ влагу дождевую;

И, къ перемъ дѣвственнымъ уста
 Прижавъ, ихъ грѣлъ дыханьемъ;
 И въ нихъ вливалась теплота;
 И съ тихимъ трепетаньемъ
 Онъ касался устамъ;
 И дѣвица молчала;
 И, къ юности прильнувъ плечамъ,
 Рука ея пылала.

Лазурпы очи опустя,
 Въ объятіяхъ Вадима,
 Опа, какъ тихое дитя,
 Лежала недвижима;
 И что съ невинною душой
 Сбылось—не постигала;
 Лишь сердце билось, и порой,
 Вся всныхнувъ, трепетала;
 Лишь пламень гаснущій сіялъ
 Сквозь тѣнь рѣсиць склоненныхъ,
 И вздохъ невольный вылеталъ
 Изъ устъ воснаамепныхъ.
 А витязь?... Что съ его душой?...
 Увы! сихъ взоровъ сладость,
 Сихъ чистыхъ, подъ его рукой
 Горящихъ, персей младость,
 И мягкій шелкъ кудрей густыхъ,
 Но рамсамъ разлитыхъ,
 И свѣжій блескъ лапштъ младыхъ,
 И устъ полуоткрытыхъ
 Палицій жарь, и тихій гласъ,
 И милое смятенье,
 И ночи таинственный часъ,
 И вокругъ уединенье—
 Все чувства разжигало въ немъ....
 О, власть очарованія!
 Уже, исполнены огнемъ
 Кипящаго лобзанья,
 На дѣвственныхъ ея устахъ
 Его уста горѣли,
 И жарче розы па щеккахъ
 Дрожащей дѣвы рдѣли;
 И все.... но вдругъ смугился опъ,
 И въ радостномъ волнении
 Затрепеталъ.... знакомый зовъ
 Раздался въ отдаленіи.
 И долго, жалобно звенѣлъ
 Онъ въ безднѣ поднебесной;
 И кто-то, чудилось, летѣлъ
 Незримый, но пѣвственной;
 И взоръ, исполненный тоской,
 Мелькалъ сквозь покрывало;
 И подъ воздушной пеленой
 Печальное вздыхало....
 Но вдругъ сильный потрясенъ жѣсь,
 И небо замутило....
 Вадимъ взглянуть—призракъ исчезъ;
 А въ вышинѣ.... звенѣло.

И вслѣдъ за милою мечтой
 Душа его стремится;
 Уже, подернувшись золой,
 Едва, едва курится
 Въ костре огонь; на небесахъ
 Пѣтъ тучъ, не слышно рева;
 Небрежно на его рукахъ,
 Принавъ къ нимъ грудью, дѣва
 Младенческой вкушаетъ сонъ,
 И тихо, тихо дышетъ,
 И близокъ ужъ развѣтъ; а онъ
 Не видитъ и не слышитъ.
 Сталь вѣять свѣжій вѣтерокъ,
 Вошла звѣзда денницы,
 И обогрилася востокъ,
 И пробудилась птица;
 Конытомъ топнувъ, копь заржалъ;
 Вадимъ очнулся—япо
 Все было вокругъ; по сонъ смывалъ
 Глаза княжны прекрасной;
 Къ пей тихо прикоснулся опъ;
 Вздохнувъ, она одѣла
 Влаами грудь сквозь тонкій сонъ,
 Взглянула—покрасѣла.
 И витязь въ шлемъ и бронѣ
 Изъ-подъ скалы съ княжною
 Выходитъ. Солнце въ вышинѣ
 Горѣло; подъ горою,
 Сіяя, пѣпу разетпалъ
 По камнямъ Дѣвиръ широкій;
 И тѣсь кругомъ благоухалъ;
 И благовѣсть далѣкій
 Былъ слышенъ. На копя Вадимъ,
 Перекрестясь, садится;
 Княжна по-прежнему за нимъ;
 И копь по берегу мчится.
 Вдругъ путь широкій межъ древесъ:
 Ихъ чаща раздалася,
 И въ голубой дали небесъ,
 Какъ звѣздочка, зажглася
 Глава Печерекая съ крестомъ.
 Конь скачетъ быстрымъ скокомъ;
 Ужъ въ градѣ опъ; ужъ предъ дворцомъ;
 И видятъ: на высокомъ
 Крыльцѣ великій князь стоитъ;
 Въ очахъ его кручина;
 Передъ крыльцомъ народъ кишитъ,
 И строня дружина.

И смѣлыхъ вызывасть онь
 Въ погону за княжкою,
 И избавителю свой тронъ
 Сулить съ ея рукою.
 Но топотъ слышенъ въ тишинѣ;
 Густая пыль клубится;
 И видять, съ дѣвой на копѣ
 Красивый всадникъ мчится.
 Народъ отхлынулъ, какъ волна;
 Дружина разегушилась;
 И на рукахъ отца княжна
 При кликахъ очутилась.
 Обнявъ Вадима, князь сказалъ:
 «Я не парую слова;
 Въ тебѣ Господь мнѣ сына далъ
 Замѣною родного.
 Я старъ: будь хилыхъ старца дпей
 Опорой и услугой;
 А смѣлой доблести твоей
 Будь дочь моя наградою.
 Когда жь наступитъ мой копецъ,
 Тогда мою державу
 И свѣтлый княжескій вѣнецъ
 Паслѣдуй въ честь и славу».
 И громко, громко раздалось
 Дружны восклицанье;
 И зашумѣло, полилось
 По граду ликованье;
 Богатый пиръ на весь народъ;
 Весь городъ изукрашенъ;
 Книпитъ въ задранныхъ кружкахъ медь,
 Столы трещать отъ брашенъ;
 Поютъ пѣвцы; колокола
 Гудятъ, не умолкая;
 И отъ огней потѣшныхъ мила
 Зардѣлася ночная.
 Веселье всѣмъ; одинъ Вадимъ
 Не веселье—мысль далеко.
 Сердечной думою томимъ,
 Безмолвенъ, одинокой,
 Ни пѣснямъ, ни привѣтамъ онь
 Не внемлетъ равнодушный;
 Онь ступить шагъ—и слышитъ звонъ;
 Подыметь взоръ—воздушный
 Призракъ летаетъ передъ нимъ
 Въ знакомомъ покрывалѣ;
 Приклонитъ слухъ—твердятъ: «Вадимъ,
 Не забывайся, да!»

Идетъ къ Днѣпровымъ берегамъ
 Онь тихимъ шагамъ,
 И, смутенъ, взоръ склонилъ къ водамъ...
 Небесная съ звѣздами
 Была въ нихъ твердь отражена;
 Вдали, противъ заката,
 Выходила полная луна;
 Вадимъ глядитъ... межъ злата
 Осыпанныхъ луною волнъ
 Какъ будто бы черибетъ,
 Въ зыбяхъ ныряя, легкой чолпъ,
 За нимъ струя бѣлѣтъ.
 Глядитъ Вадимъ... челнокъ плыветъ...
 Натяпуто вѣтрило;
 По безъ гребца весло гребетъ;
 Безъ кормщика кормило;
 Вадимъ къ нему... къ Вадиму онь...
 Садится... чолпъ помчалъ...
 И вдругъ... какъ будто съ юга звонъ;
 И вдругъ... все замолчало...
 Плыветъ челнокъ; Вадимъ глядитъ;
 Сверкая, волны плещутъ;
 Лѣпетый брегъ назадъ бѣжитъ;
 Ночныя звѣзды блещутъ.
 Быстрѣй, быстрѣй въ рѣкѣ волна;
 Челнокъ быстрѣй, быстрѣе;
 Свѣтлѣе на небѣ луна;
 На брегѣ лѣсъ темнѣе.
 И далѣ, далѣ... все кругомъ
 Молчить... какъ великаны,
 Скалы нагнулись надъ Днѣпромъ;
 И, черенъ, сквозь туманы
 Глядится въ рѣку тихій лѣсъ
 Съ утѣпестой стремнины;
 И ужъ луна почти небесъ
 Дошла до половины.
 Сидитъ, задумавшись, Вадимъ;
 Вдругъ... что-то пролетѣло;
 И облачко луны, какъ дымъ
 Невидимый, одѣло;
 Луна посмеркла; по волнамъ,
 По тихимъ сѣнямъ лѣса,
 По берегу, по крутымъ скаламъ
 Раскинулась завѣса;
 Шагнувъ вѣтриломъ вѣтерокъ,
 И руль зашевелился,
 Ко берегу повернулъ челнокъ,
 Доннылъ, остановился.

Вадимъ на брегъ; отъ берега чолвъ;
 Вѣтрило заиграло;
 И вдругъ вдали, съ зыбими волнъ
 Смѣшавшись, все пропало.
 Въ недоумѣніи Вадимъ;
 Кругомъ скалы, какъ тучи;
 Безмолвень, дикъ, необозримъ,
 По камнямъ боръ дремучій
 Съ рѣки до берега вышины
 Восходитъ; все въ молчаньѣ....
 И тускло падаетъ луны
 На мглу вершинъ сіянье.
 И тихо по скаламъ крутымъ,
 Влекомый тайной силой,
 Наверхъ взбирается Вадимъ. ¹
 Онъ смотритъ—все ушло;
 Какъ труны, сосны подъ травой
 Обрушенныя тѣлѣтъ;
 На сучьяхъ мохъ висеть сѣдой;
 Разинувшись, чернѣютъ
 Разбѣлны дулипетыхъ пней,
 И въ нихъ глазами блещетъ
 Сова, пль чешуями змѣй,
 Ворочаясь, трепещетъ.
 И, мнится, жизни въ той страпѣ
 Отъ вѣка не бывало;
 Какъ бы съ созданья въ мертвомъ сгѣ
 Древа, и пѣ смущало
 Ихъ сна ничто: ни вѣтерка
 Передъ деиницей шопоть,
 Ни легкій шорохъ мотылька,
 Ни вепря тяжкій топоть.
 Уже Вадимъ на вышинѣ;
 Вдругъ боръ рѣдѣтъ тѣмный;
 Раздвинулся.... и при лунѣ
 Явился холмъ огромный.
 И на вершинѣ древній храмъ;
 Блестящими крестами
 Увѣнчаны главы, къ дверямъ
 Тяжелыми вѣнтами
 Огромный пригвожденъ затворъ;
 Вкругъ храма переходы,
 Столбы, обрушенный заборъ,
 Растреснутые своды
 Трапезы, келій рядъ пустыхъ,
 И всюду по колѣни
 Пыль, и длинныя отъ нихъ
 Но скату холма тѣни.

Вадимъ подходить: невдали
 Могильный виденъ камень,
 Крестъ наклонился до земли,
 И легкій, блѣдный пламень,
 Какъ свѣчка, теплится надъ нимъ;
 И воронъ, птица ночи,
 На немъ, какъ призракъ, недвижимъ
 Сидитъ, унылы очи
 Впередъ на мѣсяцъ. Вдругъ, крыломъ
 Взмахнувъ, онъ пробудился,
 Взвился.... и на небѣ пустомъ,
 Трикраты крикнувъ, скрылся.
 Объялъ Вадима тайный страхъ;
 Глядитъ въ недоумѣньѣ—
 И дивное тогда въ глазахъ
 Вадимовыхъ явлено:
 Онъ видитъ, ибкто приподнял
 Иссохшими руками
 Могильный камень, блѣденъ всталъ,
 Туманными очами
 Блеснулъ, возвелъ ихъ къ небесамъ,
 Какъ будто бы моляся,
 Пошелъ, стучаться началъ въ храмъ....
 Но дверь не отперлася.
 Вздохнувъ, повлекся далѣ онъ,
 И тихій подъ стопами
 Былъ слышенъ шумъ, и долго, стоиъ
 Пуская, межъ стѣнами,
 Между обломками столбовъ,
 Какъ блѣдный дымъ, мелькала
 Бредуща тѣнь.... вдругъ межъ кустовъ
 Вдали она пропала.
 Тамъ, боромъ покровенъ, утесъ
 Вздымался, кругъ и страшень,
 И при лунѣ изъ-за древесъ
 Являлись кровавы башень.
 Вадимъ туда: уединенъ
 На грудѣ скалъ мохнатыхъ,
 Надъ чернымъ боромъ, обнесенъ
 Оградой стѣнъ зубчатыхъ,
 Стоитъ тамъ замокъ, тихъ, какъ сна
 Безмолвное жилище,
 И вся окрестъ его страна
 Угрюма, какъ кладбище;
 И башни по угламъ стоятъ,
 Какъ призраки, сѣдыя,
 И сгромоздилея у вратъ
 Скалы сторожевыя.

Душа Вадимова полна
 Смятеннымъ ожидаемъ—
 И свѣтитъ сумрачнымъ луна
 Сквозь облако сіянемъ.
 По вдругъ.... слѣтъ съ души туманъ,
 И боръ засеребрися,
 И замокъ весь, какъ великанъ,
 Надъ боромъ освѣтился;
 И отъ востока вѣтерокъ
 Подулъ передразвѣтнѣй,
 И чу!... изъ-за стѣны звонокъ
 Послышался привѣтнѣй.
 И что жъ онъ видитъ? По стѣнѣ
 Какъ тѣнь уединенна,
 Съ восточной къ западной странѣ,
 Туманнымъ облеченна
 Покровомъ, дѣвица идетъ;
 Навстрѣчу къ ней другая;
 И та, приближась, подаетъ
 Ей руку и, вздыхая,
 Путь одинокій вдоль стѣны
 На западъ продолжаетъ;
 Другая жъ, къ замку съ вышины
 Спустившись, исчезаетъ.
 И за идущею по слѣдъ
 Вадимъ летитъ очамъ;
 Уже ясень молодой разсвѣтъ
 Встаетъ межъ облаками;
 Уже загорается востокъ...
 Она все далѣ, далѣ;
 И тихо ранній вѣтерокъ
 Играетъ въ покрывалѣ;
 Идетъ—глаза опущены,
 Глава на грудь склонилась—
 Пришла на поворотъ стѣны;
 Поворотилась; скрылась.
 Стоитъ, какъ вкопанный, Вадимъ;
 Душа въ немъ замираетъ:
 Какъ будто ликъ свой передъ нимъ
 Судьба разоблачаетъ.
 Блѣдище тусклая луна;
 Свѣтлѣй востокъ багровый;
 И озаряется стѣна,
 И ярко блещутъ кривы;
 Къ восточной обратясь странѣ,
 Ждетъ витязь.... вдругъ вспылала
 Въ немъ кровь.... глядитъ.... тамъ на стѣнѣ
 Идущая предстала.

Идетъ; на темный смотритъ боръ;
 Какъ будто ждетъ въ волненьѣ;
 Какъ бы чего-то ищетъ взоръ
 Въ пустынномъ отдаленьѣ...
 Вдругъ солнце въ пламени лучей
 На край неба стало...
 И витязь въ блескъ передъ ней!
 Какъ облакъ, покрывало
 Слѣбло съ юнаго чела—
 Ихъ встрѣтились взоры;
 И пала отъ воротъ скала,
 И раздалась ихъ створы.
 Стремится на ограду онъ;
 Идетъ она съ ограды;
 Сошлись.... о, вѣщій, вѣрный сонъ!
 О, часъ святой награды!
 Свершилось! все—и раннихъ лѣтъ
 Прекрасныя желанья,
 И озаряющія свѣтъ
 Молодой души мечтанья,
 И все, чего мы здѣсь не зримъ,
 Что вѣрѣ лишь открыто—
 Все вдругъ явилось передъ нимъ,
 Въ единый образъ слито!
 Глядятъ на небо, слезы льютъ,
 Восторгомъ словъ лишены...
 И вдругъ изъ терема идутъ
 Къ нимъ дѣвы пробужденны:
 Какъ звѣзды, блещутъ очеса;
 На ясныхъ лицахъ радость,
 И искушенія краса,
 И новой жизни младость.
 О сладкій воскресенія часъ!
 Имъ мнилось: мѣръ рождался!
 Вдругъ.... звучно благовѣста гласъ
 Въ тиши небесъ раздался.
 И что жъ? Храмъ Божій отворенъ;
 Тамъ слышится мольба;
 Они туда: храмъ освѣщенъ;
 Въ кадильницахъ куренье;
 Передъ Угодникомъ горитъ,
 Какъ въ древни дни, лампада,
 И благодатное бѣжитъ
 Сіяніе отъ взгляда;
 И нѣкто, свѣтель, въ алтарѣ
 Простертъ передъ потиромъ,
 И возглашается горѣ
 Хвала пезримымъ клиромъ.

Молясь, съ подругой сталъ Вадимъ
 Предъ царскими дверями,
 И вдругъ.... святой палой предъ нимъ;
 Главы ихъ подъ вѣщами;
 Въ рукахъ ихъ свѣчи зажжены;
 И кольца обручальны
 На переты ихъ возложены;
 И слышнень гимнъ вѣнчальный....
 И вдругъ.... все тихо! гимнъ молчить;
 Безмолвны своды храма;
 Одинъ лишь, таптевень, блестятъ
 Алтарь средъ вѣнчама.
 И въ семь молчанья кто-то къ нимъ
 Привѣтный подлетаетъ,
 Ихъ кличетъ именемъ роднымъ,
 Ихъ пѣжко отзываетъ....
 Куда же?.... о, священный видъ!
 Могила передъ ними;
 И въ ней спокойно; дернъ покрытъ
 Цвѣтами молодыми;
 И дышетъ вѣтерокъ окрестъ,
 Какъ духъ безылогный, вѣя;
 И обвиняетъ свѣтлый крестъ
 Прекрасная дѣла.
 Они ушли лицъ въ слезахъ;
 Ихъ сердце вѣсти ждало
 И трепетомъ священныи прахъ
 Могила вопрошало....
 И было всё для нихъ отвѣтъ:
 И холмъ помолодѣлый,
 И луга обповлеченныи цвѣтъ,
 И бѣгъ рѣки веселый,
 И воскресенныи дерева
 Съ вершинами живыми,
 И, какъ безсмертье, небеса
 Спокойныя надъ ними.....
 Промчался вѣки вѣдѣ въ камъ....
 Гдѣ замокъ? гдѣ обитель?
 Гдѣ чудомъ освященный храмъ?
 Все скрылось.... лишь, хранитель
 Давно-минувнаго, живеть
 На прахъ ихъ предашь.
 Есть мѣсто.... тамъ игривыхъ вождъ
 Набѣнительно сверканье;
 Тамъ вѣчно зеленъ пышный лѣсъ;
 Тамъ сладокъ вѣтра шопоть,
 И съ тихимъ говоромъ деревья
 Волны сдѣланныи ропоть.

На мѣстѣ ономъ—такъ гласить
 Правдивое преданье—
 Былъ пещель вкопиль сокрытъ:
 Въ постѣ и покаянѣ
 При гробѣ грѣшника-отца
 Онѣ кончины ждали,
 И примрпннаго Творца
 Въ молитвахъ прославляли....
 И улѣтѣла къ небесамъ
 Съ земли ихъ жизнь святая,
 Какъ улѣтаетъ онімямъ
 Съ кадилъ, благоухая.

На мѣстѣ ономъ—въ свѣтлый часть
 Земли преображенья—
 Когда, послышавъ утра гласъ,
 Съ звѣздою пробужденя,
 Востока ангель въ тишинѣ
 На край небесъ взлетаетъ,
 И по туманной вышинѣ
 Зарю распростираетъ,
 Когда и холмъ, и дугъ, и лѣсъ,
 Все оживленныи зрится
 И предъ святилищемъ небесъ,
 Какъ жертва все дымится.—

Бываютъ тайны чудеса,
 Невиданныи взоромъ:
 Отшельницъ слышны голоса;
 Горѣ хвалебнымъ хоромъ
 Поютъ; сквозь занавѣсъ зарп
 Блестаетъ крестъ; сдѣланныи
 Изъ свѣта зрятся алтари;
 И, яркими вѣнчанья
 Звѣздами, дѣвы предстоятъ
 Съ молитвой ихъ святыиѣ,
 И серафимовъ тѣмы кипятъ
 Въ пылающей пучинѣ.

1811.

ДОБРАЯ МАТЬ.

Богъ въ мѣръ се послалъ,
 Себѣ па прославлепсе.
 «Будь скорѣвымъ Провидѣнне!»
 Создавъ се, сказалъ:
 «Кто, счастья лишень,
 Назвалъ его мечтою,
 Да будетъ здѣсь тобою
 Съ надеждой примрпнтъ».

Угрюмый нелюдимъ,
Людей возненавидя,
И міръ подвластный видя
Порокамъ лишь однимъ,
Узнавъ ее, людей
Въ жару души прощасть,
И снова обрѣтасть
Онъ добродѣтель въ ней.

Что жъ Богъ въ награду далъ
Сихъ доблестей чудесныхъ?
Двухъ ангеловъ прелестныхъ
Онъ съ неба къ ней послалъ,
Чтобъ въ сей юдоли слезъ
Вя не покидали,
И на землѣ являли
Ей радости небесъ.

ЦЛОВЕЦЪ.

Вихремъ бѣдствія гонимый,
Безъ кормила и весла,
Въ океанъ нескончимый
Буря чолнъ мой залесла.
Въ тучахъ звѣздочка свѣтилась;
Не скрывайся! я взывалъ;
Неспеклонная сокрылась;
Якорь былъ—и тотъ пропалъ.

Все одѣлось черной мглою;
Всколыхалinea валы;
Бездны въ мракъ предо мною;
Вкругъ ужасныя скалы.
«Нѣтъ надежды на спасенье!»
Я ропталъ, унывъ душой...
О безумецъ! Провидѣнье
Было тайный кормицкъ твой.

Невидною рукою,
Сквозь ревущіе валы,
Сквозь одѣтыя бездны мглою
И грозныя скалы,
Мощный велъ меня Храптель.
Вдругъ—все тихо! мракъ печезъ;
Вижу райскую обитель...
Въ ней трехъ ангеловъ небесъ.

О Спаситель-Провидѣнье!
Скорбный ропотъ мой утихъ;
На козняхъ, въ воехницехъ,
Я смотрю на образъ ихъ.
О! кто прелесть ихъ опишетъ?

Кто ихъ силу надъ душой?
Все окрестъ ихъ небомъ дышетъ
И невинностью святой.

Неспытанная радость—
Ими жить, для нихъ дышать;
Ихъ рѣчей, ихъ взоровъ сладость
Въ душу, въ сердце принимать.
О, судьба! одно желанье:
Дай все блага имъ вкуSENTъ;
Пусть имъ радость—миѣ страдашь;
Но... не дай ихъ пережить.

П Ы С Н Я.

[подражаніе пѣмецкому].

О милый другъ! теперь съ тобою радость!
А я одинъ—и мой печаленъ путь;
Живи, вкушай невинной жизни сладость;
Въ душѣ не измѣнись; достойна счастья
буди...

Но не отринь, въ толпѣ плѣняемыхъ тобою,
Ты друга прескряго, увядшаго душою;
Веселья ихъ дѣли—ему отрадой будь;
Его, мой другъ, не позабудь.

О милый другъ, намъ рокъ всегда раз-
Дил, мѣсяцы и годы пролетая, [дуку:
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку—
Ни голосъ твой, ни взоръ меня не уладятъ.
Но п вдали моя душа съ твоей согласна;
Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна;
Всегда, вездѣ ты мой хранитель-ангелъ будь,
Меня, мой другъ, не позабудь.

О милый другъ, пусть будетъ прахъ-
холодный
То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила:
Есть лучший міръ; тамъ мы любить
свободны;

Туда моя душа ужъ все перенесла;
Туда всечасное влечетъ меня желанье;
Тамъ свидимся опять; тамъ наше возданье;
Сей вѣрой сладкою полна въ разлукѣ будь—
Меня, мой другъ, не позабудь.

П А Д П И С Ъ

къ солнечнымъ часамъ
въ саду п. н. дмитріева.

И часъ, и день, и жизнь мелькаютъ бы-
строй тѣнью!
Прошла моя весна съ мнѣвнотной красотой!

Прости, любовь! конецъ мечтамъ и заблужденію!
Лишь дружба мирная съ улыбкой предомной!

Ц В Ъ Т О К Ъ.

РОМАНСЪ.

[СЪ ФРАНЦУЗСКАГО].

Минутная краса полей,
Цвѣтокъ увядшій, одинокой,
Лишивъ ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! намъ тотъ же данъ удѣлъ,
И тотъ же рокъ насъ угнетаетъ:
Съ тебя листочекъ облетѣлъ—
Отъ насъ веселье отлетаетъ.

Отъемлетъ каждый день у насъ
Иль мечту, иль наслажденье,
И каждый разрушаетъ часть
Драгого сердцу заблужденья.

Смотри... очарованья пѣть;
Звѣзда надежды угасаетъ...
Увы! кто скажетъ: жизнь иль цвѣтъ
Быстрѣе въ мірѣ исчезаетъ?

Ж А Л О Б А.

РОМАНСЪ.

[ПѢЗ ШИЛЛЕРА].

Надъ прозрачными водами
Сидя, рвать Усладу вѣнокъ;
И шумящими волнами
Уносить цвѣты потокъ.
«Такъ бѣгутъ лѣта молодыя
Невозвратною струей;
Такъ все радости земныя
Цвѣтъ увядшій полевоі.

«Ахъ! безвременной тоскою
Умерщвленъ мой милый цвѣтъ.
Все воскреснуло съ весною;
Обновился Божій свѣтъ;
И смотрю—и холмъ веселой,
И поля омрачены;
Для души оспротивой
Итъ цвѣтуція весны.

Что въ природѣ, озаренной
Красотою майскихъ дней?
Есть одна во всей вселенной—

Къ ней душа, и мысль объ ней;
Къ ней стремлю, забывшись, руки—
Милый призракъ прочь летить.
Кто жъ мой услышитъ мукъ,
Жажду сердца утолить?»

Ж Е Л А Н І Е.

РОМАНСЪ.

[ПѢЗ ШИЛЛЕРА].

Озаренъ, доль туманный;
Разступися, мракъ густой;
Гдѣ найду исходъ желанный?
Гдѣ воскресну я душой?
Непрепные цвѣтами,
Красны холмы вижу тамъ...
Ахъ! зачѣмъ я не съ крылами?
Полетѣлъ бы я къ холмамъ.

Тамъ поютъ согласны яры;
Тамъ обитель тишины;
Мчатъ ко мнѣ отголъ зефиры
Благовонія весны;
Тамъ блестятъ плоды золотыя
На сѣнскихъ деревьяхъ;
Тамъ не слышны вихри злыя
На пригоркахъ, на дугахъ.

О, предѣлъ очарованья!
Какъ прелестна тамъ весна!
Какъ отъ юныхъ розъ дышанья
Тамъ душа оживлена!
Полечу туда... напрасно!
Итъ путей къ симъ берегамъ;
Предо мной потокъ ужасной
Грозно мчится по скаламъ.

Лодку вижу... гдѣ жъ вожатый?
Вдемъ!... будь, что суждено...
Наруса ся крылаты
И весло оживлено.
Вѣрь тому, что сердце скажетъ;
Итъ залоговъ отъ небесъ;
Намъ лишь чудо путь укажетъ
Въ сей волшебный край чудесъ.

П Ъ В Е Ц Ъ.

Въ тѣни деревъ, надъ чистыми водами
Дерновыи холмъ вы видите ль, друзья?
Чуть слышно тамъ плещетъ въ брегъ
струя;

Чуть вѣтерокъ тамъ дышетъ межъ лѣстами;
 На вѣтвахъ лира и вѣнецъ...
 Увы! друзья, сей холмъ—могила;
 Здѣсь прахъ пѣвца земля сокрыла;
 Бѣдный пѣвецъ!

Онъ сердцемъ простъ, онъ пѣженъ былъ
 душою—

Но въ мірѣ онъ минутный странникъ былъ;
 Едва расцвѣлъ—и жизнь ужъ разлюбилъ,
 И ждалъ конца съ волненьемъ и тоскою;
 И рано встрѣтилъ онъ конецъ,
 Заснулъ желаннымъ сномъ могилы...
 Твой вѣкъ былъ мигъ, по мигъ унылый,
 Бѣдный пѣвецъ!

Онъ дружбу пѣлъ, давъ другу пѣкну руку—
 Но вѣрный другъ во цвѣтѣ лѣтъ угасъ;
 Онъ пѣлъ любовь — но былъ печаленъ
 гласъ;

Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку;
 Теперь всему, всему конецъ;
 Твоя душа покой вкусила;
 Ты спишь; тиха твоя могила,
 Бѣдный пѣвецъ!

Здѣсь, у ручья, вечернею порою,
 Прощальну пѣсню онъ заунывно пѣлъ:
 «О красный міръ, гдѣ я вотще расцвѣлъ,
 Прости навѣкъ; съ обманутой душою
 Я счастья ждалъ—мечтамъ конецъ;
 Погибло все; умолкни лира;
 Скорѣй, скорѣй въ обитель мира,
 Бѣдный пѣвецъ!»

«Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
 Блаженство знать, къ нему лѣтъъ душой,
 Но пронасть зрѣтъ межъ нимъ и межъ
 собой;

Желать всякъ часъ и трепетать желанья...
 О, пристань горестныхъ сердцевъ,
 Могила, вѣрный путь къ покою,
 Когда же будетъ взять тобою
 Бѣдный пѣвецъ?»

И нѣтъ пѣвца... его не слышно лиры...
 Его слѣды печали въ снѣхъ мѣстахъ;
 И скорбно все въ долині, на холмахъ;
 И все молчитъ... лишь тихіе зефиры,
 Колебля винуцій вѣнецъ,
 Порою вѣютъ надъ могилой,

И лира вторитъ имъ уныло:
 Бѣдный пѣвецъ!

Друзья! «прости»—слово святое,
 Оно не значитъ розно жить;
 Напротивъ—неразлучнѣй быть
 Воспоминаніемъ и старой дружбой вдвое!

Сказавъ «прости» моимъ друзьямъ,
 Себя отъ пихъ не отдаляю,
 Въ одномъ лишь словѣ заключаю
 И благодарность къ нимъ, и вѣру къ пихъ
 сердцамъ!

«Прости!»—надежды мнѣй гласъ,
 Предвозвѣщающій свиданье!
 Въ минуту скорби—унованье
 На восхитительный вознагражденья часъ!

Того ужаснаго «прости»,
 Которое жестокой силой
 Творитъ чужимъ, что было мило,
 Не дай намъ никогда, Творецъ, произпести!

«Прости!»—святое завѣщанье
 Быть вмѣстѣ даже и вдали,
 Залогъ бродячимъ на земли
 Путиами разными—на вѣрное свиданье.

Никто: «прости, и жизнь и свѣтъ!»
 Сказать не можетъ безъ волненья,
 Но то лишь знакъ переселенья,
 Въ тотъ край, гдѣ о «прости» ужъ и
 помина пѣтъ!

СТИХИ,

присланные съ комедіями, которыми К***
 хотѣли играть.

Вотъ вамъ, престелныя сестрицы,
 Дюваль, и съ нимъ какой-то *Gosse-Ste-*
 Взявъ на себя чужія лица, [панъ*];
 На часъ введете насъ въ обманъ,
 Что будто вы не вы; мы будемъ любоваться,
 Увидя невзначай пересодѣтыхъ васъ!

Но помните, что это лишь для глазъ,
 И что вамъ надобно тѣмъ, что вы есть,
 остаться

Чтобъ быть престелными для глазъ и для
 души!

*) «Gausse-Etienne».

Аллего милая, будь весела, какъ радость,
 Храни безпечную, святую сердца младость,
 И, горя не узпавъ, свой жребій соверши!
 Смотри, какъ съ жизнію невинно ты играешь,
 Невольно сердце вслѣдъ тебѣ увлечено;
 Какъ будто самъ навѣрно знаешь,
 Что жизнь и счастье—одно!
 О, *Пенсероза!* ты у входа въ свѣтъ,
 какъ геній,
 Стоишь илѣнительца! Высокою душой
 Цѣпишь маянціе призраки наслажденій!
 И кажется, что все угадано тобой!
 Ты создана быть выше свѣта!
 И что бъ не привели съ собой грядущи лѣта,
 Не въ жизни будешь ты прекраснаго искать,
 Но все прекрасное—ты жизни дашь собою!
 «*Не измѣнись*»—тебѣ не пужно мнѣ ска-
 зать;
 Твой *Ангель прелести*—съ тобою!

КОЛОВРАТНО - КУРЬЕЗНАЯ СЦЕНА
 МЕЖДУ ГОСПОДИНОМЪ ЛЕАНДРОМЪ,
 ПАЛЬЯСОМЪ И ВАЖНЫМЪ ГОСПОДИ-
 НОМЪ ДОКТОРОМЪ.

Леандръ (*съ отчаяніемъ*).

Что дѣлать! О Пальясъ! Подай мнѣ стулъ,
 скотина!

Пальясъ (*въ ужасѣ*).

О небо! стулъ!.. дерзну ль спросить у го-
 сподина,

Что хочешь онъ начать?

Леандръ.

Лить слезы и сидѣть!

О! Изабелла! о!..

Пальясъ.

О страхъ! о скорбь! о смерть!..

Но, государь, скрѣпись! всѣ гости наши
 въ сборѣ!

Скрѣпись! и, выгрузивъ на часъ изъ сердца
 горе,

Исторгнишь изъ щечекъ улыбки твоей,
 Въ одежду облекнешъ комическихъ затѣй
 И смѣло устремись кобениться на сцену!

Леандръ (*не слушая его,
 погруженный въ задумчивость*).

Блаженъ, въ кого амуръ—такъ, какъ го-
 рохомъ въ стѣну,

Безъ пользы разбросалъ изъ тула тучу
 стрѣлъ!

О, счастья баловень! колы сладокъ твой
 удѣлъ!

Проснулся—ѣшь за двухъ! поѣлъ—и за-
 сыпаешь!

И, сонный, сладкою мечтой себя плѣняешь!

Пойдешь гулять—въ лѣсу ты ищешь
 лишь грибовъ;

Не думаешь вздыхать при гласѣ соловья,
 Ни горестно грустить, смотря въ струи по-
 тока!

А я, отчаянный огрызокъ злого рока,—
 Что жизнь моя теперь? Гдѣ прежній мой
 покой?

Увы! съ холодною на окорокъ свиной
 Смотрю, съѣвъ пять ломтей! а прелести
 кулебяки!

А сальничекъ, щипъ, каймакъ, лапша, кру-
 О! Изабелла! о!.. [цена, раки..

Пальясъ.

Такъ! правда ваша!—о!

И даже—ахъ!

Леандръ.

Амуръ! Увы! Амуръ!.. Почто?..

Докозл? Скоро ль? Какъ?..

Пальясъ.

Зачѣмъ? и поколику?..

Но, господинъ Леандръ! Забудьте скорбь ве-
 ликую—

Вотъ вамъ рооссійскихъ драмъ, трагедій,
 оперъ пукъ!

Читайте, выберемъ, сыграемъ, дѣло съ рукъ,
 А тамъ—и за любовь!

Леандръ (*съ тѣвломъ*).

Мнѣ?! мнѣ идти на сцену?!

Мнѣ!—скотъ, осель, болванъ,—забыть ея
 измѣну?!

Увы!.. Въ болѣзненныхъ заклятіяхъ любви,
 Съ ипохондрической горячкой въ крови,

Я дни мерцаніемъ количества считаю
 И въ безотрадностяхъ лукавства исчезаю!

Вотъ—роля днесъ моя!..

Пальясъ [*не слушая его,
 развертывается и чи-
 таетъ титулы при-
 несенныхъ имъ пьесъ*].

Режущей вотъ наборъ...

Леандръ *(съ чувством)*.
 О, скорбь!.. Когда пропалъ мнѣ сердце милый взоръ,
 Все, все сказало мнѣ: ты рекрутъ Изабеллы!
 Тогда въ трескучіе моральности предѣлы
 Я быть парвеніемъ корыстнымъ вознесень!
 Увы! мечта, мечта!.. Сей обоюдный пльбъ,
 Которымъ, такъ сказать, мой духъ коле-
 совалея,
 Какъ милый сонъ исчезъ! я пшнюко
 остался!..
 Жестокая! Почто, въ тотъ часъ, какъ
 Я мыслилъ въ рекруты записатьъ быть
 тобою,
 И радъ былъ кашину ѣсть, безъ ножа и
 вилкокъ,—
 Измѣной ты своей мнѣ выбрила затылокъ?..
 И, ахъ!.. Почто, Пальясъ, дубина, дыда,
 скотъ,
 О семъ наборѣ ты дерзнулъ разинуть ротъ!
(Отчаянно). Я не могу играть *Рекрут-
скаго набора!*

Пальясъ.

Ну, въ сторону его—сиде есть много вздора!
 Вотъ *благодарности* вамъ русской тор-
 То жъ *Лиза*... [жество,

Леандръ.

О, позоръ! о, злое ханжество!
 Неблагодарная!.. Не я ль тобою казнился!
 Не я ль до полюсовъ любовью громоздился!
 Не я ль, исчахнувши, забивня въ кап-
 далахъ,
 Катался день и ночь на пламенныхъ вонь-
 кахъ?
 И что же? Я забыть!.. О, полъ неблагодарный!
 Какую дейкою, какой трубой пожарной
 Залить мнѣ пламень тотъ, которымъ я
 обьятъ!..
 О благодарности мнѣ женской здѣсь твер-
 дять!..
 Нѣтъ благодарности! Нѣтъ торжества! Нѣтъ
 Лизы!
 Одни лишь дымные и пухлые капризы...
 Вотъ женщина!.. Увы!..

Пальясъ *(продолжаетъ
читать)*.

Электра и Орестъ

Трагедія въ пяти...

Леандръ.
 Умолки, грубый пестъ!..
(Въ бышенствѣ). Но что, какалъ тьма
 мой покрыла очь!..
 О, страхъ! вотъ фуріи! Божия мрачной очю!
 Святягъ на ихъ главахъ бумажные уши!
 Ихъ страшные клыки, какъ тульскіе ножи!
 Гдѣ ты, Пальясъ?.. Мой другъ, и ты меня
 повнуды!

Пальясъ.

Я здѣсь!

Леандръ.

Ты здѣсь, Эгнетъ! какой ты ротъ разинулъ!
 Въдай мнѣ, гдѣ она?

Пальясъ.

Увы! ея здѣсь нѣтъ!

Леандръ *(съ изступленіем)*.

Благодарю боговъ! свершилась мѣра бѣды!
 Судьба! ты за себя изрядно постояла!
 Все встати, все!.. Конецъ, средина и начало!
 Сперва быть влюблену и, какъ въ котлѣ,
 кипѣть!
 Потомъ, женившися, рогами лобъ одѣть!
 Что день, то новый рогъ, и, накопецъ, измѣна!
 Увы! Изъ мирнаго супружескаго пльба
 Съ домашнимъ поваромъ преступница
 ушла,—
 Объявъ мой, и любовь, и счастье унесла,
 И солнце на меня навѣкъ закатилось!
(Приходитъ въ совершеномъ бышенствѣ).
 Но что?.. реветь гроза? все небо возмутилось!
 Какой повсюду мракъ! Небесный сводъ
 трещить!..
 Кто тамъ съ кастрюлею и вертеломъ стоитъ?
 Пальясъ.
 Ахъ, господинъ Леандръ!..
 Леандръ *(схвативъ его за
холод)*.
 Такъ это—ты предатель,
 Ты хищникъ дерзостный, кастрюлей по-
 лоскатель?!
 Попался, наконецъ! въ моихъ теперь рукахъ!..
 Но что,—о исбеса, о жребій! новый страхъ!..
 Безобразисъ!.. Въ фартукъ свой огъ спря-
 талъ Изабеллу!
 Ухъ! какъ павѣлена! о стыдъ! полнуда мѣлу
 Ветерла, чтобъ себя паштукатурить лобъ!
 Злодѣйка! хищникъ твой сейчасъ сойдетъ
 во гробъ!

А ты, чумичка! вѣтъ! ужь пѣтъ тебѣ
спасенья!

Въ минуту закипши въ кастрюль раз-
рушенья!

*(Сбиваетъ Пальяса съ ногъ и садится на
него верхомъ).*

Пальясъ *(въ страшной
трусости, лежа подъ нимъ).*

Безвинно впововать!.. Конечно, если бь онъ
Былъ я!.. а я—не я, тогда бь другой законъ!

Но, вы помилуйте!.. Богъ видитъ!.. не
взыщите!

Взгляните на меня!.. то есть... да!.. такъ!..
взгляните!

Я... видите ль? Пальясъ... а вы... а вы...—
Леандръ...

А тотъ отчаянный, кастрюльный са-
ламандръ,

Кухмистеръ, сирѣчь тотъ, съ которымъ
Изабелла

Рогатымъ парикомъ вашъ честный лобъ
одѣла,

Вѣдь онъ—не я... а я...—не онъ... и, такъ
сказать,

За шалости его—меня въ дугу сгибать
Грѣхъ! Самъ Галенъ за то въ Таамудѣ
осуждаетъ!

А Изабелла—что? Вѣдь женщина!.. Веякъ
знаеть,

Что женщина... (о томъ такъ мыслили и
встарь

И въ наши времена)... опаснѣйшая тварь!
А тварь есть тварь, была и будетъ тварью
вѣчно;

Хотя бы жизнь ея тяпулась безконечно.
Итакъ, не ясно ли, что женщина всегда—
Какъ почью почь, гора горой, водой вода—
Все будетъ женщиной до преставленья
свѣта.

Хотите ль мнѣнье знать о томъ Арестедета?
Умъ женскій зыбкая песчаная гора!

*Не просто умъ одинъ, а умъ и полтора
Ума!* Но такъ какъ умъ безъ головы хро-
масть—

А голова однимъ умомъ лишь разсуждаетъ—
То, заключаю я, что умъ безъ головы
Всть тоже—какъ бишь? да!.. Вотъ ви-
дите ли вы?

И это докажу янѣ вамъ сравненьемъ!

Сравните женщину... то есть... съ мор-
скимъ волненьемъ!

Или... вы знаете, она, какъ барометръ!
То внизъ, то вверхъ!—То такъ, то
иначе!.. Дунеть вѣтръ,

И повернулася вертушка!.. Нынче холодъ,
А завтра зной!.. Тотъ старъ, а тотъ ей
слишкомъ молодъ!

То кажется ей бѣль, то сизъ, то смугль,
то сѣръ!

И словомъ, я скажу... Возьмите вы въ
примѣръ

(Ибо примѣръ одно и то же, что сравненье,
А изъ сравненія выходитъ увѣренье)...

Когда пачнетъ грозой вздыматься океанъ,
И небо, вздутое какъ будто барабанъ,
Гремитъ, и вихри всѣ толпятея на тревогу
И всюду трескъ и свистъ и пламень!

Страхъ, ей-Богу!

Все море кипятокъ, за валомъ грозный валъ!
Корабль то на чердакъ, то съ чердака въ
подвалъ!—

Такъ точно женщина! Съ ней жить—какъ
будто съ волкомъ!

Вы: да! она вамъ: *тытъ!*... А все вѣдь
тихомолкомъ!..

Иль, такъ сказать, въ связи... то есть...
ни дать, ни взять,

Какъ пѣчто... или вамъ янѣй растолковать,
Вотъ такъ... какъ на примѣръ... Выдали ли
вы каклюшки?...

Ну право! женщина не стоитъ ни полущки.

Леандръ *(погружается
въ продолженіе Пальясовой
речи въ задумчивость и
во все это время держитъ
его за виски, прижавъ го-
лову къ полу. Потомъ съ
чувствомъ и спокойно)*

О, философія! коль сладостенъ твой гласъ!
О, сколь краснорѣчивъ ты, пѣжный мой
Пальясъ!

Я чувствую... въ душѣ моей утихла буря!
Любовь, — прости навѣкъ! Будь сердце
лучше тюря,

Чѣмъ обиталище любовничьихъ заботъ!
Поздравь меня, Пальясъ, болвапъ, дубина,
скогъ!

Я возвратилъ покой, я плѣлъ свой уни-
чтожить.

И снова, какъ фениксъ, сгорѣвъ, пзъ
непла ожилъ!

Докторъ *(выходитъ)*.

О ужасъ! о позоръ! что дѣлалъ Леандръ?
Пальясъ не Буцефалъ, а ты не Александръ!
Къ чему жъ толь гордая колеблемость
мечтаній?

Безумцы краткіе! рабы сѣдыхъ страданій!
Зачѣмъ ли я сюда, статуи, васъ предлалъ?..
Я лицедѣйственныхъ причудъ отъ васъ
алкалъ?

А вы мажежными коварствами прельетесь,
Въ коня и рыцаря безумно обратятся,
Колитесь дерзостно въ бездѣйствіи глу-
хомъ!..

Я вспять васъ обращу отсельъ голикомъ!
Или, геройственно снабдившись шароухомъ,
Сейчасъ наполюю вашъ хребетъ стыдомъ
Очиститесь отсель! — *(и смѣхомъ)*

Леандръ *(вставъ, гордо)*.

Возстану, встань, пошелъ!

Иди за мной, Пальясъ, дубина, скотъ, осель!
(Уходитъ Пальясъ за нимъ).

Докторъ *(за нимъ, съ презрѣніемъ)*.

Такъ! кислотворные потомковъ тухлыхъ
чада!

Не вамъ принадлежитъ плесканій здѣсь
награда!..

Четвероножный сынъ мистическихъ чудесъ,
И ты, о кабацетъ, пль наче дивный бѣсъ,
Предстаньте! Къ почестямъ хвалебнымъ
взгромоздитесь!

А вы, сыны очесъ, взирайте и чудитесь!
(Начинаетъ фокусъ-покусъ).

Мой милой другъ, —

Знать недосугъ

Писать къ друзьямъ?

Присталъ къ мужьямъ!

И съ высока,

Какъ съ чердака,

На бѣдняковъ —

Холостяковъ —

Смѣясь глядишь!

И говоришь:

«Вы дураки!

«Какъ челноки,

«Прюю волнь!..

«Мой мирный чолнь

«Нашелъ пріютъ!

«Старинный плутъ,

«Эротъ слѣпой —

«Быль кормицкъ мой!..

«Ревѣлъ борей —

«И, какъ злодѣй,

«Сожрать грозилъ!

«Но вѣрой былъ

«Отъ буръ, друзья,

«Избавленъ я!

«Теперь мнѣ смѣхъ:

«Гляжу на всѣхъ

«Изъ уголка!

«Мнѣ жизнь легка, —

«Вамъ тяжкій грузъ;

«Безъ милыхъ узъ

«Что жизнь для насъ!.. —

Ну, въ добрый часъ!

Радъ отъ души!

Да — напиши,

Что, мужемъ ставъ,

Ты старый правъ

Сберегъ друзьямъ!

Вѣдь по годамъ, —

Не по часамъ! —

Друзья растучъ!

Пусть Леля-плутъ

Или Эротъ

Свое возьметъ!

Но часть и — намъ,

Твоимъ друзьямъ!..

Апухтнн правъ!

Вѣдь бѣсъ лукавъ:

Онъ всѣмъ вертитъ —

И твой пинтъ

Леженемъ сталъ!

Въ Орлѣ игралъ

Въ Финлиѣ онъ!

И былъ смѣшопъ!

Подъ парикомъ,

Какъ подъ шастромъ,

На двухъ ногахъ,

Какъ на клюкахъ,

Онъ въ первый разъ

Для трехсотъ глазъ

(Хоть и не радъ) —

Быль адвокатъ.

Зато ужь онъ
 Не селадонъ!
 Роль волокитъ
 Ему не льститъ!
 Алухтинъ вралъ,
 Когда сказалъ,
 Что милый взоръ,
 Какъ хитрый воръ,
 Исподгишка
 У чудака
 Полсердца сжогъ!
 Свидѣтель Богъ,—
 Что это ложь!
 Не дѣлай рожь!..
 Я—не въ Орлѣ!
 Живу въ селѣ,
 Земномъ раю;
 И жизнь свою
 Въ трудѣ, во снѣ
 И въ твщицѣ,
 Таясь, веду,—
 И только жду,
 Что стукнетъ въ дверь
 Плѣшивый звѣръ,
 Съ большой косою;
 И скажетъ: «Стой!
 Обонченъ путь;
 Пора заснуть!
 И—добра ночь!..»
 Вотъ я—точь въ точь!..
 Ты хочешь знать,
 Позволю ль ждать
 Меня зимой
 Или весной
 Въ Москву?—Отвѣтъ
 Короткій: нѣтъ!..

1812.

КЪ БАТЮШКОВУ.

послание.

Сынъ нѣги и веселья,
 По музѣ мнѣ родной,
 Пріятность новоселья
 Лечу вкусить съ тобой;
 Отдамъ поклонъ пенатъ.
 А милому собрату
 Въ подарокъ пущь стиховъ.
 Увей же скромну хату

Вѣнками изъ цвѣтовъ;
 Узорнымъ покрываломъ
 Свой шаткѣй столъ одѣнь,
 Вооружись фіаломъ,
 Шампанскаго нальви,
 И стукнемъ въ чашу чашей,
 И выпьемъ все до дна:
 Будь вѣрной музѣ нашей
 Дань перваго вина.
 Вхожу въ твою обитель:
 Здѣсь весель ты съ собой.
 И, лѣни другъ, покой
 Дверей твоихъ хранитель.
 Все ясно вокругъ меня;
 Закатъ румяный для
 Живѣ здѣсь играетъ
 На зелени луговъ,
 И чище отражаетъ
 Здѣсь виды береговъ
 Источникъ тихоструйный;
 Здѣсь кротокъ вихорь буйный;
 Пріятнѣй сѣнь листовъ
 Зефиры здѣсь колышутъ,
 И слаще нѣгой дышутъ;
 Угромный домикъ твой
 Не златомъ—чистотой
 И свѣтлостью плѣниеть;
 Въ окно твое влетаетъ
 Цвѣтовъ пріятный духъ;
 Терась, предъ нимъ дерновый
 Узорный полукругъ;
 Тамъ ландыши перловы,
 Тамъ розовы кусты,
 Тюльпанъ, нарцисъ душистой,
 И тубероза—чистой
 Эмблема красоты,
 Съ роскошнымъ анемономъ;
 Едва примѣтнымъ склономъ
 Твой сходить садъ къ рѣкѣ;
 Шумить же вдалекѣ
 Тамъ мельница смиренна:
 Съ колесъ жемчужна пѣна
 И брызговъ дымъ сѣдой;
 Мелькаетъ надъ рѣкой
 Веселая купальня,
 И, гость изъ края дальня,
 Уютный домикъ свой
 Тамъ швабскій гусь спесивой
 На островѣ подъ ивой,

Межъ дикою крапивою
 Безвѣчно заложилъ.
 Такъ! здѣсь пріютъ поэта:
 Душа моя согрѣта
 Вліяньемъ горнихъ силъ,
 И вся ничтожность свѣта
 Въ глазахъ моихъ, какъ сонъ...
 Незримый Аполлонъ
 Промчался надо мною;
 Ликуй, мой другъ-поэтъ.
 Довольнѣ судьбою
 Поэтовъ подъ луною
 И не было и пѣть.
 Ихъ жизнь очарованье!
 Ты помнишь ли преданье?
 Разбить въ удѣлы свѣтъ
 Преемникъ древній Крона
 Задумалъ искони.
 «Дѣлитесь!»—съ горня трона
 Богъ людямъ рекъ. Они
 Взроилися, какъ пчелы,
 Шумяци по лугамъ—
 И всѣ уже удѣлы
 Земные по рукамъ.
 Смиранный земледѣлецъ
 Взялъ трудъ и сельный плодъ,
 Могущество—владѣлецъ;
 Купецъ равнину водъ
 Наморщилъ подъ рулями;
 Взялъ откупъ арендарь,
 А пастырь—душъ алтарь
 И силу надъ умами.
 «Будь каждый при своемъ
 (Рекъ царь земли и ада);
 Вы сѣйте, добры чада;
 Мнѣ жертвуйте плодомъ».
 Но вотъ... съ земли предѣла
 Приходитъ и поэтъ;
 Увы! ему удѣла
 Нигдѣ на свѣгѣ нѣтъ;
 Къ Зевесу онъ съ мольбою:
 —Отецъ и властелинъ,
 За что забыть тобою
 Любимѣйшій твой сынъ?—
 «Не я виной забвенья.
 Когда я міръ дѣлилъ,
 Въ страну воображенья
 Зачѣмъ ты уходилъ?»
 —Увы! я былъ съ тобою

(Въ слезахъ сказалъ пѣвецъ);
 Величествомъ, красою
 Небесъ твоихъ, отецъ,
 Мое питанье взоры;
 Тамъ пѣли дивны хоры;
 Я сердце вознесилъ
 Къ дѣламъ твоимъ чудеснымъ...
 Но, ахъ! плѣненъ небеснымъ,
 Земное позабылъ.—
 «Мой сынъ, удѣлы взяты;
 Мнѣ жаль твоей утраты;
 Но рай передъ тобою;
 Согласенъ ли со мной
 Дѣлиться небесами?
 Блаженствуя съ богами,
 Ты презришь міръ земной.»
 Съ тѣхъ поръ—необожатель
 Подсолнечныхъ суетъ—
 Сталъ вѣрный обитатель
 Страны духовъ поэтъ,
 Страны неоткровенной:
 Туда непосвященной
 Толпѣ дороги нѣтъ;
 Тамъ чудотворны боги
 Веселые чертоги
 Сліяли изъ лучей,
 Въ мерцающей долии,
 Любимицъ своей
Фантази-богинѣ;
 Ея природа мать;
 Безпечно ей играть
 Даетъ она собою;
 Но, радуясь игрою,
 Велитъ ее хранишь
 Трѣмъ чадамъ первороднымъ,
 Чтوبъ прихотямъ свободнымъ
 Ее не заманитъ
 Въ туманы заблужденій:
 То съ пламенникомъ *геній*,
Наука съ свиткомъ музъ,
 И съ легкою уздою
 Очами зоркій *вкусъ*;
 Съ веселою сестрою
 Согласные, они
 Тамъ пѣжными перстами
 Віютъ златые дни;
 Все ихъ горитъ лучами;
 Во все духъ жизни вліять:
 Въ потокъ тамъ журчить

Гармонія паяды;
 Хранимъ Сильваномъ лѣсъ;
 Грудь юныя Дриады
 Подъ коркою древесъ
 Незримая пыласть;
 Зефиръ струи ласкаетъ
 И вьется вокругъ лилей;
 Нарцисъ глядитъ въ ручей;
 Среди прозрачной пѣны
 Летучихъ облаковъ
 Мелькаетъ рогъ Селены,
 И въ сумракѣ лѣсовъ
 Тоскуеть Филомела.
 Хранятъ сего уѣбла
 Магическій покой
Невинность—геній милый
 Съ *безпечностью*—сестрой:
 И ихъ улыбки силой
 Ни *скукою* унылой,
 Ни мрачной *суетой*,
 Ни *алчностью* угрюмой,
 Ни *мести* грозной думой,
 Ни *зависти* тоской
 Тамъ свѣтлость не мрачится;
 Тамъ ясная таетя,
Веселью вѣрный другъ,
Гордышею забыта,
Посредственности—харита,
 И ихъ согласный кругъ
 Одушевляемъ *славой*—
 Не той богиней бѣдъ,
 Которая кровавой
 Кладетъ вѣнецъ любви
 Въ дымящіеся длани
 Свирѣпостію брани—
 Но милою, живой,
 Небесною сестрой
 Небесныя *надежды*;
 Чужда порока, врагъ
 Безумца и невѣжды,
 Ея жилища прагъ
 Ужасенъ педостойнымъ;
 Но тѣмъ душамъ спокойнымъ,
 Гдѣ чувство въ простотѣ
 Какъ тихій день сіяеть,
 Въ могущей красотѣ
 Она себя являетъ,
 И, въ нихъ воспламенивъ
 Къ великому порывъ,

Къ прекрасному стремленью,
 Ко благу страстный жаръ,
 Имъ оставляеть въ даръ:
Собою наслажденіе.
 Мой другъ, и ты пѣвецъ;
 И твой участоѣ лира;
 И ты въ мечтахъ жилецъ
 Незнаемаго міра...
 Въ мечтахъ? Почто жъ въ мечтахъ?
 Почто мы не съ крылами,
 И вольны лишь мечтами,
 А наяву въ цѣпяхъ?
 Почто сей тяжкій прахъ
 Съ себя не можемъ сринутьъ,
 И міръ совсѣмъ покинутьъ,
 И намъ дороги нѣтъ
 Изъ мрачнаго изгнанья
 Въ страну очарованья?
 Увы! мой другъ... поэтъ,
 Призраками богатый,
 Безпечностью дитя—
 Онъ могъ бы жить, шутя;
 Но горькія утраты
 Живуть и для него.
 Хотя передъ слѣпою
 Богинею, покою
 Не тратить своего;
 Хотя одной молвою,
 Смотря на свѣтъ тайкомъ,
 Въ своемъ углу знакомъ
 Съ безславіемъ тиеславныхъ,
 Съ печалями забавныхъ
 Фиглярвъ-остряковъ,
 И съ мукою лстецовъ,
 Предъ тронами ползущихъ
 И съ бѣшенствомъ падающихъ
 Въ изрытый ими ровъ—
 Но тѣ живѣйшии раны,
 Которыя, какъ враны,
 Вгрызаясь въ глубъ сердець,
 Въ нихъ радость нестребляютъ
 И жизнь ихъ пожирають,
 Ихъ знаетъ и пѣвецъ.
 Какими, другъ, мечтами
 Сберечь души покой,
 Когда передъ глазами,
 Подъ дланью роковой,
 Погибнетъ то, что мило,
 И схваченный могилою

Исчезнетъ предъ тобой
 Души твоей родной:
 А ты, осиротѣлой,
 Дорогой опустѣлой
 Ко гробу осужденъ
 Одинъ, сивдая слезы,
 Тащить свои желѣзы?
 И много ли замѣтъ
 Намъ дастъ мечта крылата
 Тогда, какъ безъ возврата
 Блаженство улетитъ,
 Съ блаженствомъ уюванье,
 И въ сердцѣ замолчитъ
 Удивленіе желанье;
 И ты, какъ палачомъ
 Преступникъ раздробленный,
 И къ плахѣ пригвожденный,
 Въ безсплн своемъ
 Еще быть долженъ зритель,
 Какъ жребій-истребитель
 Все то, чѣмъ ты дышалъ,
 Что, сердцемъ увлеченный,
 Въ надеждѣ восхитенный,
 Своимъ ужъ пазывалъ,
 Другому на погранье
 Отдасть въ твоихъ глазахъ...
 Тебѣ жъ одно терзанье
 Надъ гробомъ мнлхъ благъ?

Но полно!.. Муза съ нами;
 Безсмертными богами
 Не всѣмъ, мой другъ, она
 Въ сопутницы дана.
 Кто слышалъ въ часъ рожденья
 Небесной дѣвы гласъ,
 Въ комъ искра вдохновенья
 Съ огнемъ души зажглась:
 Тотъ вѣрный отъ судьбины
 Найдеть здѣсь уголокъ.
 Въ покрыты мглою пучины
 Замчался мой челнокъ...
 Но свѣтитъ для унылой
 Еще души моей
 Поэзіи свѣтло.
 Хоть прелестью лучей
 Бунтующихъ зыбей
 Оно не усмрילו...
 Но мгла озарена;
 Но сладостнымъ сіянемъ,

Какъ тайнымъ уюваньемъ,
 Душа ободрена,
 И милая мелькаетъ
 Въ дали моей мечта...
 Доколь, мой другъ, пѣняеть
 Добро и красота,
 Доколь огнемъ священнымъ
 Душа еще полна,
 И дверь растворена
 Предъ взоромъ откровеннымъ
 Въ святой природы храмъ,
 Доколь хариты намъ
 Веселья послушны:
 Дотоль еще къ бѣдамъ
 Быть можемъ равнодушны.
 О, добрый геній мой,
 Последнихъ благъ спаситель
 И жребія смпритель,
 Да свѣтитъ надо мной,
 Во мглѣ путеvodитель,
 Твой, муза, милый свѣтъ!

А ты, мой другъ-поэтъ,
 Храни твой даръ безцѣнный;
 То Весты огонь священный;
 Пока онъ не угасъ—
 Мы живы, невредимы,
 И рокъ неумолнимый
 Свой громъ неотразимый
 Бросаеть мимо насъ.
 Но пламень сей, лишь въ ясной
 Душѣ неугасимъ.
 Когда любовью страстной
 Лишь то боготворимъ,
 Что благо, что прекрасно;
 Когда отъ нашихъ лиръ
 Люются жизни звуки,
 Чарующіе муки,
 Сердцамъ дающи миръ;
 Когда мы пѣснопѣемъ
 Несчастнаго дружимъ
 Съ сокрытымъ Провидѣньемъ,
 Жаръ славы пламенимъ
 Въ душѣ, летящей къ благу,
 Стезю къ убогихъ прагу
 Являемъ богачамъ,
 Не льстимъ земнымъ богамъ,
 И дочери стыдливой
 Заботливая мать

Гармоніи игривой
 Сама велить внимать:
 Тогда и дароваше
 Во благо намъ самимъ,
 И мы не поерамимъ
 Поэтовъ достоянья.
 О другъ! служенье музъ
 Должно быть ихъ достойно:
 Лишь съ добрымъ ихъ союзъ.
 Сліявъ въ душѣ спокойной
 Младенца чистоту
 Съ величіемъ свободы,
 Боготворя природы
 Простую красоту,
 Лишь благамъ неизмѣннымъ,
 Пѣвецъ-любимецъ мой,
 Доступенъ будь душой;
 Когда къ дверямъ смиреннымъ
 Обителю твоей
 Придетъ, съ толпою фей
Желаній прихотливыхъ,
Фортуна-врагъ счастливыхъ:
 Ты двери на замокъ;
 Пускай толпа стучится;
 Содомъ сей въ уголокъ
 Поэта не вмѣстится,
 Не вытѣшивъ харить.
 Но если залетитъ
Веселій рои вертяный—
 Дверь настезь, милый другъ.
 Пускай въ ихъ шумный кругъ
 Войдутъ: и *Вакхъ* румяный,
 Украшенный вѣнкомъ,
 Съ состарѣвшимъ виномъ,
 Съ наслѣдственной кружкой,
 И *шутка* съ погремущою,
 И *пляски* шумный хоръ—
 Имъ радъ *досугъ* шутивый;
 Они оклабятъ взоръ
Работы молчаливой.
Зидумчивость подь часть
 Впускай въ пріютъ укромный:
 Ея чуть слышный гласъ
 И взоръ пріятно-томный
 Нереливають въ насъ
 Покой и улажденье;
 Она уединенье
 Собою животворить;
 Она за дальни горы

Насъ къ милому стремить—
 И радостные взоры,
 Согласные съ душой,
 За синевою туманной
 Встрѣчаются съ желанной
 Возлюбленныхъ мечтой;
 Ея волшебной силой
 Въ гармонию унылой
 Осенняго листка
 И въ тихомъ вѣтерка
 Вдоль рои трепетанья,
 И въ легкомъ содроганьи
 Дремавшихъ волны,
 Какъ будто съ вышины,
 Спускается пріятный
 Минувшаго привѣтъ,
 И то, что невозвратно,
 Чего навѣки нѣтъ,
 Опять животворится,
 И тихо вѣютъ, мнятся,
 Надъ нашей головой
 Воздушною толпой
 Жильцы духовной сѣни
 Невозвратимыхъ тѣни.
 Но, другъ мой, приготовь
 Въ обители смиренной
 Ты теремъ отдѣленной:
 Имъ бы постой беземѣнной
 И *дружба* и *любовь*
 Привлекли у поэта;
 Лишась блестящихъ свѣта
 Отличій и даровъ,
 Ему необходимо,
 Подъ свой пустынный кровъ
 Все то, что имъ любимо,
 Собрать въ единый кругъ;
 Съ кѣмъ милая и другъ,
 Тотъ въ уголь свой забвенный
 Обширныя веселены
 Всю прелесть умѣстилъ;
 Онъ міръ свой оградилъ
 Заборомъ огорода,
 И вдаль за суетой
 Не слѣдуетъ мечтой.
 Посредственность, свобода,
 Животворящій трудъ,
 Веселіе досуга
 Близъ милая и друга,
 И пѣнистый сосудъ

Въ часъ вечера пріятной
 Подъ липой ароматной
 Съ забвеніемъ суетъ,
 Вотъ все... Но, другъ—поэтъ,
 Любовь—святой хранитель,
 Иль грозный истребитель
 Душевной чистоты.
 Отвергни сладострастья
 Погибельны мечты,
 И не восторговъ—счастья
 Въ прямой ищи любви;
 Восторговъ изступленье—
 Минутное забвенье;
 Отринь ихъ, разорви
 Лансъ коварныхъ узы;
 Друзья стыдливыхъ музы;
 Во храмъ священный ихъ
 Прелестницъ записныхъ
 Толпа войти страшится...
 И что, мой другъ, сравнится
 Съ невинною красой?
 При ней цвѣтемъ душой!
 Она, какъ ангелъ милой,
 Одной явленья силой,
 Могучая собой,
 Вливаєтъ въ сердце радость.
 О скромныхъ взоровъ сладость!
 Движеній тишина!
 Стыдливое молчанье,
 Гдѣ вся душа слышна!
 Рѣчей очарованье!
 Безпечность простоты,
 И прелесть безъ искусства,
 Которая для чувства
 Прекраснѣй красоты!
 Ихъ неслезанной властью
 Блаженнѣйшею страстью
 Душа растворена;
 Вкушаетъ сладость рая;
 Земное отвергая,
 Небснаго полна.
 О другъ! доколь младость
 Съ мечтами не ушла,
 И жизнь не отцвѣла,
 Сиди любви сладость
 Невинную вкусить.
 Увы! пора любить
 Умчится невозвратно;
 Тогда—всему конецъ;

Но буйностью развратной
 Испорченныхъ сердець,
 Мой другъ, да не сквернится
 Твой непорочный жаръ:
 Любовь есть неба даръ;
 Въ ней жизни цвѣтъ хранится;
 Кто любить, тотъ душой,
 Какъ день весенній, ясенъ;
 Его любви мечтой
 Весь міръ предъ нимъ прекрасенъ...
 Ахъ! въ мірѣ все—она...
 Ея святымъ полна
 Присутствіемъ природа;
 Съ депшицею со свода
 Небесъ она летитъ,
 Предвѣстникъ наслажденья,
 И въ смутномъ пробужденья
 Блаженствѣ говоритъ:
 Я въ мірѣ! я съ тобою!
 Въ тотъ часъ, какъ тишную
 Земля облечена,
 Въ молчаніи вселенной
 Одна обвороженной
 Душѣ она слышна;
 Къ устагъ твоимъ она
 Касается дыхальемъ;
 Ты слышишь съ содроганьемъ
 Знакомый звукъ рѣчей,
 Задумчивыхъ очей
 Встрѣчаешь взоръ пріятный,
 И запахъ ароматный
 Магнительныхъ кудрей
 Во грудь твою лѣтятся,
 И мыслишь: ангелъ вѣтается
 Незримый надъ тобой.
 При ней—задумчивъ, сладкой
 Исполненный тоской,
 Ты робокъ, лишь украдкой
 Стремись къ ней томный взоръ:
 Въ немъ сердце вылетаетъ;
 Несмѣлъ твой разговоръ;
 Твой умъ не обрѣтаетъ
 Ни мыслей, ни рѣчей;
 Задумчивость, молчанье,
 И страстное мечтанье—
 Языкъ души твоей;
 Забыты все желанья;
 Безъ чувства, безъ внимающа
 Къ тому, что предъ тобой,

Ты одинокъ съ толпой;
Она—въ семь словъ миломъ
 Вселенная твоя;
 Съ ней розно—лишь въ уныломъ
 Мечтаньи бытія
 Ты чувство заключаешь;
 Всечасно улетаешь
 Душою къ тѣмъ краямъ,
 Гдѣ ангель твой прелестной;
 Твое блаженство тамъ
 За спневою небесной,
 Въ туманной сей дали—
 Тамъ вес, что на земли
 И мило и священно,
 Вся жизнь, весь жребій твой,
 Какъ призракъ оживленной,
 Мелькаетъ предъ тобой.
 Живешь воспоминаемъ:
 Его очарованьемъ
 Преображенный свѣтъ,
 Одинъ вездѣ являетъ
 Душѣ твоей предметъ.
 Заря ли угасаетъ,
 Летитъ ли вѣтерокъ
 Отъ дремлющія рощи,
 Или покровомъ ночи
 Одѣянный потокъ
 Въ водахъ являетъ тѣни
 Недвижныхъ береговъ,
 И тихихъ рощей сѣни.
 И темный рядъ холмовъ—
Она передъ тобою;
 Съ природы красотою,
 Совсѣмъ въ душѣ свята
 Любимая мечта.
 Когда воспламененной
 Ты мыслию летши
 Къ Правителю вселенной,
 Или обѣтъ творишь—
 Забыть стезю порока,
 При всѣхъ измѣнахъ рока
 Быть добрымъ и прямымъ,
 И слѣдовать святымъ
 Урокамъ и велѣніямъ
 И тайнымъ утѣшеніямъ
 Лишь совѣсти одной,
 Когда, разсудка властью
 Торжествовавъ надъ страстью,
 Ты выше сталъ душой.

Иль сиротѣ, убитой
 Страданіемъ, сокрытой
 Благотворилъ рукой—
 Кто, кто тогда съ тобой?
 Кто чувствъ твоихъ свидѣтель?
Она!... твой другъ, твоя
 Невинность, добродѣтель.
 Лишь счастьемъ ея
 Ты счастье измѣряешь,
 Лишь въ немъ соединяешь
 Всѣ блага бытія.
 Любовь—себя забвенью!
 Ты молишь Провидѣнье,
 Чтобъ никогда тоской
 Взоръ милый не затмился,
 Чтобъ грозный лишь съ тобой
 Судь рока совершился.
 Литъ слезы, жертвой быть
 За ту, къмъ сердце жило,
 Погибнувъ, жизни милой
 Спокойствіе кушитъ—
 Вотъ жребій драгоценный!
 О другъ! тогда для насъ
 И бѣдствія священи.
 И пусть тотъ лучъ угасъ,
 Которымъ украшался
 Путь жизни предъ тобой,
 Пускай навѣкъ съ мечтой
 Блаженства ты разстался—
 Своихъ лишенныхъ благъ,
 Ты живъ блаженствомъ милой:
 Какъ тихое свѣтило,
 Оно въ твоихъ глазахъ
 Межъ тучами играетъ,
 И духъ не унываетъ
 При сладостныхъ лучахъ.

Прости жъ, поэтъ безцѣпной;
 Пускай живутъ съ тобой,
 Въ обители смиренной,
 Посредственность, покой,
 И музы, и харшты,
 И лары домовиты;
 Ты къ нимъ любовь питаѣ,
 Строй лиру для забавы,
 И мимоходомъ славы
 Жилище посѣщай;
 И благодать святая
 Ея съ тобою будь!

Но, съ музами играя,
 Ты друга не забудь,
 Который, отстранившись
 Отъ всѣхъ земныхъ хлопотъ,
 И матери заботъ,
 Фортунѣ поклонившись,
 Куда глаза глядятъ,
 Идетъ своею тропою
 Безпечно за судьбою.
 Хотя и не богатъ
 Онъ милостями счастья,
 Но муза отъ непастья
 Дала ему пріютъ;
 Туда не забредутъ
 Ни хитрости разврата,
 Ни свѣта суеты;
 Не зная нищеты,
 Не знаетъ онъ и злата;
 Мечты—его народъ:
 Сбираетъ съ нихъ доходъ
 Фаиіазіа крылата.
 Что ждетъ его вдали,
 О томъ онъ забываетъ;
 Давно не довѣряетъ
 Онъ счастью на земли.
 Не, другъ, куда бь судьбою
 Онъ ни былъ приведенъ,
 Всегда, вездѣ душою
 Онъ будетъ прилѣпленъ
 Лишь къ жизни непорочной;
 Таковъ къ друзьямъ заочно,
 Каковъ и на глазахъ—
 Для нихъ стихи кропаеть,
 И быть такимъ желаетъ,
 Какимъ въ своихъ стихахъ
 Себя изображаетъ.

НИНА КЪ СВОЕМУ СУПРУГУ

въ день его рожденья.

Другъ! въ тотъ мигъ, какъ изъ безвѣст-
 Стороны ты въ міръ вошелъ, [ной
 Мнѣ привидѣлся прелестный
 Геній, Промысла посылъ.
 Недозрѣвшая душою,
 Я младенецъ лишь была
 Онъ предсталъ—и предо мною
 Вся природа расцвѣла.

Онъ душъ моей смятенной
 Даль грядущаго открылъ,

И съ поры той незабвенной
 Ясный лучъ мнѣ спутникъ былъ;
 Никогда не отвращала
 Отъ свѣтла я очей,
 Сколь душа бы ни страдала,
 Все жпла надежда въ ней.

И всечасно сокровенной
 Утѣшитель мнѣ твердилъ:
 «Ты въ единой съ нимъ вселенной,
 Жребій васъ ужъ обручплъ!
 Ожпдай, предстанетъ милой
 Съ вѣрнымъ счастьемъ предъ тобой...»
 Скоро ль? Долго ль? Тайно было,
 Но я вѣрила душой!

Все сбылося! Провидѣнье
 Своѣ исполнило обѣгъ!
 Сердца стихнуло волненье,
 Незвѣстности ужъ нѣтъ!
 Все, что въ жизни сей безцѣнно,
 Все въ тебѣ судьбой дано!
 Счастье мнѣ мое священно!
 Плодъ твоей любви оно.

КЪ А. Н. АРБЕНЕВОЙ.

«Разсудку глазъ! другой воображенью!»
 Такъ пишетъ мнѣ мой стародавній другъ.
 По совѣти, такому наставленью
 Послѣдовать я соглашусь не вдругъ.
 Не славно быть циклопомъ одноокомъ!
 Но почему жь славнѣе быть косымъ?
 А на землѣ, гдѣ опытомъ жестокимъ
 Мы учены лишь горестямъ однимъ,
 Не лучший ли намъ другъ воображенье?
 И не оно ль волшебнымъ фонаремъ
 Являетъ намъ на платѣ роковомъ
 Влестящее блаженства привидѣнье?
 О, другъ мой! Умъ всѣхъ радостей палачъ!
 Лишь горькій сокъ даетъ сей грубый врачъ!
 Онъ бытіе жестоко анатомитъ:
 Едва плѣнилъ мечты *наружный* свѣтъ,
 Уже злодѣй со *внутреннимъ* знакомитъ;
 Призракъ печезъ, и грація—скелеть.
 Оставимъ тѣмъ, кто благами богаты,
 Ихъ обнажать, чтобъ рокъ предупредить;
 Пускай сибзшатъ умомъ ихъ истребить,
 Чтобъ не скорѣбтъ отъ горькой ихъ утраты.
 Но у кого они наперечѣтъ,
 Тому совѣтъ: держись воображенья!

Оно всегда въ печальный жизни счетъ
Веселья приишетъ заблужденья!

А мой султанъ—султанамъ образецъ!
Не всё его придворные поэты
Награждены дипломами діаты
Иль веріемъ... Для многихъ есть вѣнецъ.
Удавка тѣмъ, кто ищутъ славы низкой,
Кто безъ заслугъ, безкрылые, ползкомъ,
Вскарабкался къ вершинѣ Нида склиз-
кой—

И давить Фебъ лавровымъ ихъ вѣнкомъ.
Постъ не бѣда тому, кто пресыщенъя
Не попыталъ, родяся бѣднякомъ;
Онъ съ алчностью желаній незнакомъ.
Въ поэтѣ нѣтъ къ излишнему стремленья!
Онъ не слуга *блистательнымъ* мечтамъ;
Онъ вѣрный другъ оди́нъ мечтамъ *счаст-*
ливымъ.

Давно сказалъ мудрецъ еврейскій намъ:
«*Все суета!*» Урокъ всёмъ хлопотливымъ.
И суета, мой другъ, за суету—
Я милую печальной предпочту:
Подъ губельной сатурновой косою
Возможно ли нетлѣннаго нескать?
Оно насъ ждетъ за дверью гробовою;
А на землѣ всего вѣрнѣй—мечтать!

Нѣбнительно твое изображеніе!
Ты мнѣ судьбу завидную сулишь
И скромное мое воображенъе
Высокою надеждой пламенишь.
Но жребій сей, прекрасный въ отдаленъѣ,
Сравнится ль съ тѣмъ, что вижу предъ собой?
Здѣсь мирный трудъ, свобода съ тишиной,
Посредственность и кругъ друзей священ-
И муза, вождь судьбы моеи смиренной! [пой,
Я не рожденъ, мой другъ, подъ той звѣздой,
Которая влечетъ во храмъ Фортуны;
Мнѣ тяжелы Ареевы перуны.
Кого судьба для славы обрекла,
Тому она съ отважностью дала
И быстроту, и пламенное рвенъе,
И даръ: ловить летящее мгновенье,
«Пренятствія въ удачу обращать
И гибкостью упорство побѣждать!»
Ему всегда въ надеждѣ исполненъе.
Но что же есть подобное во мнѣ?
И тѣни нѣтъ сихъ рѣдкихъ дарованій!
Ползлзни я нестратилъ въ тишинѣ;

Застѣчивость, умѣренность желаній,
Привычка жить всегда съ однимъ собой,
Довѣрчивость съ безпечной простотой—
Вотъ все, мой другъ! Увы! занасъ убогой!
Пойду ли съ нимъ той страшною дорогой,
Гдѣ губелью грозитъ намъ каждый шагъ?
Кто чуждъ себѣ—себѣ тотъ первый врагъ:
Не за *своимъ* огнь счастьемъ помчитя,
Но съ *собственнымъ* безумно разлучитя.
Нельзя искать съ надеждой не обрѣсть.
И *неустыжъ* тяжелѣ *неисканья.*

А мнѣ на что всё счастья даянья?
Съ кѣмъ ихъ дѣлать? Кому ихъ въ даръ
припестъ?...
«Полезенъ будь!»—Такъ! польза долгъ
священный!

Но мнѣ твердить мой умъ не ослѣпленный:
Не зная звѣздъ, береговъ не покидай!
И съ сильнымъ вслѣдъ, безсильный, не
дерзай!

Имъ кругъ большой! ты дѣйствуй въ
маломъ кругѣ!
Орелъ летитъ отважно въ горній край;
Пчела свой медъ на скромномъ копить лугѣ!
И, не входя съ моеи судьбою въ споръ,
Безъ ропота иду вослѣдъ за нею!
Что отняла, о томъ не сожалѣю!
Чужимъ добромъ не обольщаю взоръ.
Богачъ ницъ богатства быть достойнымъ;
Я обращу на *пользу* даръ ибѣвца!
Кому дано бряцаньемъ лпы стройнымъ
Любовь къ добру переливать въ сердца,
Тотъ на землѣ не тщетный обитатель.
Но царь, судья, и воинъ, и писатель,
И равные степенями, равны
Въ возвышенномъ къ прекрасному стре-
Вѣмъ на добро одни права даны! [мзень!
Мой другъ! для всёхъ одно здѣсь Провидѣнъе!
Въ очахъ сего незримаго судьи
Мы можемъ всё быть равныхъ благъ
достойны.
Среди земныхъ превратностей спокойны,
И чистыми оберечь сердца свои.
Я съ цѣлью сей, для всёхъ единой въ мірѣ,
Соединю мнѣ сродный трудъ ибѣвца.
Любить добро и пѣть его на лирѣ—
Вотъ все, мой другъ! Да будетъ власть
Творца!

ПРИМЪЧАНІЯ.

Ода: Благоденствіе Россіи, устроеное Великимъ ея Самодержцемъ Павломъ Первымъ.

Напечатано было въ изданіи: „Рѣчь, разговоръ и стихи, читанныя въ публичномъ актѣ, бывшемъ въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, декабря 19 дня 1797 года“ въ приложеніи; въ собраніе сочиненій при жизни автора не вносилось. Къ вышеприведенному заглавію, въ изданіи прибавляется указаніе на автора: „Ода..., читанная сочинившимъ ее воспитаникомъ Василіемъ Жуковскимъ“.

М. М. Хераскову отъ воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона.

М. М. Херасковъ (1733—1807), бывший въ теченіе 25 лѣтъ кураторомъ (почетелемъ) московскаго университета и вмѣстѣ ближайшимъ начальникомъ благороднаго университетскаго пансіона, оставилъ по себѣ самую добрую память какъ въ студентахъ университета, такъ и въ воспитанникахъ пансіона. „Нѣтъ никакого сомнѣнія,—замѣчаетъ Лонгиновъ:—что всѣ они раздѣляли чувства, выраженные Жуковскимъ въ приведенномъ стихотвореніи...“

Могущество, слава и благоденствіе Россіи.

Первоначально напечатано было въ изданіи: „Рѣчь, разговоръ, стихи“ и пр.; нѣсколько позднее—въ изданіи: „Утренняя Заря“, 1800 г., кн. I. Журналъ „Утренняя Заря“ принадлежалъ къ числу изданій, выходившихъ при пансіонѣ, и пооднявшихся главнымъ образомъ сочиненіями и переводами воспитанниковъ пансіона, какъ это и указывается въ самомъ заглавіи: „Утренняя Заря. Труды воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона“. Сборникъ имѣлъ характеръ периодическаго изданія; но вышло всего шесть книжекъ (1800—1803). Первая книжка сборника сопровождается отъ редактора такимъ предисловіемъ: „Нѣсколько молодыхъ благородныхъ людей, воспитываемыхъ подъ надежнымъ руководствомъ благонамѣренныхъ почетелей, для усибнѣншаго образованія своего вкуса и для большаго усовершенствованія себя въ отечественномъ языкѣ, собираются однажды въ недѣлю читать свои сочиненія и переводы, сообщаютъ другъ другу свои о томъ мысли и замѣчанія, и общими взаимными усиліями исправляютъ свои упражненія. Число сихъ упражненій теперь довольно велико, и лучшія изъ нихъ рѣшились трудившіеся издать въ свѣтъ, подъ именемъ „Утренней Зари“. Такое заглавіе показало имъ весьма прилично. Въ самомъ дѣлѣ, что лучше „Утренней Зари“ изображаетъ незрѣлость ихъ способностей и ограниченность познаній?“

Герой.

Стихотвореніе это до сихъ поръ оставалось не напечатаннымъ. Читается въ черновыхъ бумагахъ поэта, въ собраніи И. П. Библиотеки по опис. И. А. Выч-

кова, папка № 12, л. I—4, въ спискѣ, набѣло переписанномъ неизвѣстною рукою, и съ подписью: „Василій Жуковскій“.

Сельское кладбище.

Томасъ Грей (Thomas Gray, 1716—1771) англійскій поэтъ, авторъ переведенной Жуковскимъ элегіи, какъ было замѣчено нами въ біографическомъ очеркѣ, былъ однимъ изъ наиболѣе раннихъ и характерныхъ представителей новаго теченія въ европейской литературѣ, возникшемъ съ конца XVII ст., представлявшего собою реакцію столь долго господствовавшему повсюду псевдо-классицизму. Переведенная Жуковскимъ элегія—лучшее произведеніе Грея. Элегія была написана въ 1751 г. и переведена была на всѣ европейскіе языки; авторъ болѣе всего обязанъ ей своею извѣстностію. Грей похороненъ въ Вукингемпирѣ, на живописномъ уединенномъ кладбищѣ, которое, по преданію, и описано въ его знаменитой „элегіи“.

На смерть Андрея Тургенева.

Андрей Тургеневъ былъ старшимъ сыномъ Ив. Петр. Тургенева, бывшаго въ періодъ пансіонской жизни Жуковского директоромъ пансіона, и съ домою его ранѣе всего сблизился Жуковскій, живя въ пансіонѣ. Изъ сыновей И. П. Тургенева особенно сдружился онъ съ старшимъ, Андреемъ, бывшимъ нѣсколько старше поэта (род. въ 1781 г.), и очень рано умершимъ. По замѣчанію Карамзина, это былъ молодой человекъ „рѣдкихъ достоинствъ“. Въ тогдашнихъ журналахъ встрѣчается нѣсколько его литературныхъ опытовъ. Товарищество Андрея Тургенева оказало, повидимому, могущественное вліяніе на личность и поэзію Жуковского; поэтъ навсегда сохранилъ о своемъ другѣ наматъ самую восторженную.

Н. К. М. Соковинной.

Стихотвореніе посвящено умершей въ дѣвкахъ Ек. Мих. Соковинной, одной изъ сестеръ М. С. Соковинна, товарища Жуковского по моск. унив. пансіону. У Соковинныхъ было имѣнье невдалекѣ отъ Бѣлева, и домъ ихъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ Жуковскому въ періодъ наиболѣе ранней его молодости. Объ этой семьѣ поэтъ навсегда сохранилъ самую теплую воспоминанія.

Изь „Донъ-Кихота“.

Ж. П. Флоріанъ (J. P. Florian, 1755—1794), о которомъ мы упоминали въ біографическомъ очеркѣ, какъ объ одномъ изъ представителей французскаго классицизма, свое литературное поприще началъ подражаніемъ испанской пастушеской повѣсти Сервантеса *Галатея*; окончить—переводъ его же знаменитаго романа *Донъ-Кихотъ (Don Quichotte)*. Писалъ басни, которыми пріобрѣлъ большую извѣстность, хотя нерѣдко подражалъ въ нихъ Лафонтену.

Лучшими, болѣе оригинальными литературными трудами Флоріана были романы: *Xuma Pompilius* и *Gonzalve de Cordoue*; слабые ихъ Тель *Guillaume Tell*. Почти все сочиненія Флоріана, кромѣ Донъ-Хихота, уже съ 80-хъ гг. XVIII ст. были переведены у насъ, и нѣредко имѣли по нѣсколько изданій.

Посланіе Элоизы къ Абеляру.

Эпизодъ Абеляра (Abelard 1079—1142), знаменитаго средневѣковаго богослова, и Элоизы, его несчастной любовницы-жены болѣе чѣмъ хорошо извѣстны быть въ литературѣ XVIII в. Не задолго до своей смерти больной, подавленный и разстроенный нравственно, Абеляру описать несчастья своей жизни въ письмѣ къ одному другу подъ заглавіемъ: *Historia calamitatum mearum*. Онъ подробно и съ полной откровенностью разсказываетъ здѣсь исторію своихъ отношеній къ Элоизѣ. Последняя въ это время, несмотря на свою молодость (ей было около 30 лѣтъ), была уже игуменьею одного монастыря; посланіе Абеляра дошло до нея и послужило поводомъ къ переноскѣ между Элоизой и Абеляромъ,—одному изъ достопримѣчательнѣйшихъ памятниковъ средневѣковой литературы (въ послѣднее время, впрочемъ, относительно своей полноты нѣсколько заподозриваемо), и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оригиналомъ и источникомъ для множества разнаго рода литературныхъ передѣлокъ и подражаній. Въ XVIII в. она послужила, между прочимъ, оригиналомъ знаменитаго произведенія англійскаго поэта Попа (1668—1744): *Eliza to Abelard*, а послѣднее—оригиналомъ для Жуковскаго.

Отрывокъ перевода элегіи изъ Парни.

Стихотвореніе до сихъ поръ оставалось не изданнымъ; читается въ собраніи бумагъ поэта, пожертвованныхъ сыномъ поэта И. П. Библиотекѣ,—въ автографѣ въ альбомѣ М. А. Протасовой (№ 14) и въ спискѣ А. А. Протасовой (№ 13); въ послѣднемъ съ собственноручной пометкой рукой Протасовой: 1806 года, въ апрѣлѣ. Издается нами по автографу (№ 14). Текстъ и здѣсь и въ спискѣ Протасовой (№ 13), почти тождественный. Оригиналь стихотворенія указываетъ самъ поэтъ: „Изъ Парни“.—Э. Д. Парни (E. D. Parry, 1753—1814) былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ французскихъ поэтовъ конца прошлаго вѣка; въ его прелестныхъ элегіяхъ французъ впервые встрѣтился съ неподдѣльнымъ чувствомъ, съ глубоко прочувствованными стихами, свидѣтельствующими о дѣйствительныхъ, исходящихъ изъ сердца, чувствахъ и страсти поэта, хотя все это и пересыпалось еще нѣредко обычными любовными романсами на старыи лады. Но изъ-за условныхъ формъ уже вездѣ сквозила истина. Чувства поэта имѣли реальную основу; по любовь была несчастна, — и это располагало поэта къ элегіи, мечтательности; отсюда же и обращенія къ природѣ: въ безжизненной природѣ поэтъ искалъ себѣ сочувствія...

Сафина ода.

Сафо, или вѣрнѣе Сапфо (кон. VII—перв. пол. VI в. до Р. Хр.), — знаменита древне-греческая поэтесса, уроженка Лесбоса, представительница такъ называемой мелической, музыкально-пѣсенной лирики. Къ числу гадательныхъ эпизодовъ жизни Сафо относится ее любовь къ нѣкому юному Фаону, отъ казавшему поэтессѣ во взаимности, вслѣдствіе чего она бросила съ Левкадской скалы (въ Акарваніи) въ море.

Отрывокъ изъ Делиллы „Дифирамба на безсмертіе души.“

Аббатъ Жанъ Делиль (J. Delille, 1738—1813), въ свое время пользовавшійся большою извѣстностью французскій поэтъ и переводчикъ, началъ медными дидактическими стихотвореніями; изданный имъ въ 1769 г. стихотв. переводъ „Георгикъ“ Вергилія, далъ ему извѣстность при дворѣ, кресло во французской академіи, и аббатство съ 30.000 франковъ ежегоднаго дохода. Изъ оригинальныхъ произведеній Делиля наибольшей извѣстностью пользовались дидактическія поэмы: *Les jardins, ou l'art d'embellir les paysages, 1782*. („Сады, или искусство украшать пейзажи“), *L'Homme des champs, ou les Georgiques françaises, 1800*. („Земледѣлецъ, или французскія Георгикі“)

и „Дифирамбъ на безсмертіе души“ (*Dithyrambe sur l'immortalité de l'ame, 1800*).

Сонъ Могольца.

Оригиналомъ Жуковскому послужило стихотвореніе Лафонтена: *Le songe d'un habitant du Mogol*. „Моголецемъ“ названъ житель царства Великаго Могола.

Младенецъ.

Стихотвореніе это до сихъ поръ не было напечатано.

Пѣсьнъ барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей.

Стихотвореніе было напечатано въ послѣдней книжкѣ „Вѣст. Евр.“ 1803 г., № 24, и затѣмъ въ слѣдующемъ же году вышло отдѣльной брошюрой (СПб., 1807, 4°). На заглавномъ листѣ брошюры, послѣ заглавія, стоитъ: „Посвящается неустранимымъ защитникамъ отечества“. Въ изданіи имѣется слѣдующее послѣднее къ словамъ „пѣснь“:

*Тотъ шуйцѣй рану сжегъ, десной изнеможденной
Оторванку хоругъ скрываетъ на груди—*

Въ примѣчаніи читаемъ: „Извѣстный поступокъ солдата Емельянова. Покойный Императоръ Павелъ награждаетъ его чиномъ подпоручика и тѣмъ самымъ знаменемъ, котораго спасеніе такъ много ему стоило. Графъ Ф. В. Рагостинскій, имѣвшій случай видѣть сего почтеннаго воина, приказалъ списать съ него портретъ, который выгравированъ и продается“. Къ словамъ:

О, юноца, о, ты безсмертно пробивенный—

въ примѣчаніи читаемъ: „Здѣсь авторъ думалъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, Новосильцовѣ, который въ прошедшую войну былъ раненъ на сраженіи и умеръ отъ ранъ, разлученный съ своимъ отечествомъ, разлученный съ родными, которые и теперь оплакиваютъ его потерю. Авторъ желалъ бы наименовать всѣхъ нашихъ героевъ, столь недавно принесшихъ въ даръ отечеству и кровъ свою и жизнь; но ихъ имена извѣстны, и благодарность сохранитъ объ нихъ вѣчно воспоминаніе“.—Въ первомъ изданіи сочиненій (ч. 2, СПб., 1816) въ примѣчаніи къ тексту произведенія указывается: „Эти стихи написаны въ концѣ 1806 года и относятся къ военнымъ обстоятельствамъ того времени“.

Стихи, вырѣзанные на гробѣ А. Ф. С.-ной.

Стихи, повидимому, посвящены Аннѣ Сеодоровнѣ Соковиной, матери пансіонскаго товарища Жуковскаго, С. М. Соковинна, и упомиавшихся выше Е. М. и А. М. Соковинныхъ.

Гимнъ. Изъ Томпсона.

Англійскій поэтъ Джеймсъ Томсонъ (J. Thomson, 1700—1748), какъ уже было замѣчено въ биографіи. очеркѣ, былъ однимъ изъ наиболѣе раннихъ представителей такъ-наз. сентиментальнаго направленія въ западно-европейскихъ литературахъ XVIII в. Его знаменита поэма *Времена года* (*The Seasons*), послужившая Жуковскому оригиналомъ, вышла въ 1730 г.

Людмила.

Напечат. было въ „В. Евр.“ 1808 г., № 9,—примечъ къ заглавію: *Людмила, русская баллада въ сонскѣ прибавлено: „Подражаніе Бюргеровъ Леопортъ“*.—Г. А. Бюргеръ (1747—1794) былъ однимъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей, такъ-наз. „Sturm und Drang-Periode“ (періода „Бури и натиска“) въ нѣмецкой литературѣ. *Ленора*, вышедшая въ 1774 г., была лучшимъ произведеніемъ Бюргера и принадлежала къ наиболѣе радичимъ вѣстникамъ вновь возрождавшейся нѣмецкой лирики. Сюжетъ ее взятъ изъ нѣмецкихъ народныхъ преданій; Бюргеръ подслушалъ основной мотивъ первой баллады въ народномъ пѣснѣ. Ленора его была первымъ наиболѣе оригинальнымъ и талантливымъ обращеніемъ—въ области нѣмецкой поэзіи—къ національной старинѣ, первымъ призывомъ въ нѣмецкой поэзіи къ народности,—призывъ, тѣсно связанный съ вліяніями,шедшими въ Германію изъ Англій, съ увлеченіями англійскими балладами и *пѣснями Occiana*... „Ленора“ Бюргера быстро облетѣла всю Германію—и оказала

замѣтное вліяніе на послѣдующее развитіе нѣмецкой поэзіи...

Разстройна семейственного согласія.

Пьеса взята изъ Гофмана (1776—1822).

Нъ Влудову, при отъздѣ его въ армію.

Д. И. Влудовъ (1785—1861), двоюродный братъ известнаго писателя В. А. Озерова, въ 1842 г. возведенный въ графское достоинство, съ 1855 года — президентъ Имп. Академіи Наукъ, съ 1862 г. — предсѣдатель Государственнаго Совѣта. — былъ однимъ изъ ближайшихъ и наиболее раннихъ друзей Жуковского, имѣвшій вначалѣ значительное вліяніе на складъ и образованіе литературныхъ вкусовъ нашего поэта. Благодаря заботамъ своей матери, умной, энергичной и весьма образованной женщины, рано оставшейся вдовою и всю свою жизнь отдавшей воспитанію сына, Влудовъ получилъ превосходное домашнее образованіе; онъ рано приобрѣлъ основательное знаніе древнихъ языковъ; его учителями были лучшіе учителя Москвы, — куда съ цѣлю образованія сына и перѣхала его мать. Службу Влудовъ началъ въ Московскомъ Архивѣ, — гдѣ товарищами его были братья Тургеневы (Андрей и Александръ), Дашковъ, и др. Черезъ Дашкова Влудовъ сблизился съ Жуковскимъ (къ этому времени относится совмѣстное шуточное стихотвореніе Влудова и Жуковского: *Объявленіе порочнаго въ любви*, — было напечатано въ „Благонамѣренномъ“, 1821 г.), — а вскорѣ и вообще съ выдающимися представителями тогдашней литературы: Державинымъ, Озеровымъ, Карамзиннымъ. При возникновеніи „Арамаसा“, Влудовъ является однимъ изъ ближайшихъ его основателей, а потомъ — наиболѣе дѣятельнымъ его членомъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ. Къ самому основанію „Арамаса“ послужило поводомъ его шуточное *Виднїя въ нѣкоторой оградѣ*. (Издано В. И. Саитовымъ въ примѣчаніяхъ къ „Ост. Архиву“, I, СПб., 1849, стр. 409—413). Помимо этого „Виднїя“, ему же принадлежитъ рядъ шуточныхъ рѣчей, впрочемъ, небольшихъ стихотвореній и т. п., изъ нихъ нѣкоторыя напечатаны въ заграничныхъ изданіяхъ, но большая часть совсѣмъ не сохранилась... Широкое классическое образованіе, полученное Влудовымъ, давало ему уже рано самое рѣшительное вліяніе на такихъ молодыхъ друзей, какъ Жуковский. Въ своемъ товарищескомъ кружкѣ Влудовъ пользовался репутаціей какъ бы прирожденнаго литературнаго критика. Въ своемъ „Париасскомъ адресѣ-календарѣ“ Войковъ называетъ Влудова „государственнымъ секретаремъ бога Вкуса“... Литературныя вкусы Влудова замѣтно отличались старыми традиціями французскаго классицизма: литературнымъ законодателемъ для Влудова былъ и навсегда остался Лагарпъ. Вліяніе Влудова на Жуковского было весьма значительно, на что указываетъ самъ поэтъ, посвящая ему своего *Вадима*:

Вадимъ мой росъ въ твоихъ глазахъ,
Твой вкусъ былъ мой учитель...

Въ 1816 г. Жуковский пишетъ Тургеневу; „Ты, Карамзинъ, Вяземскій, Влудовъ (и нѣсколько милыхъ женщинъ) — вотъ мои судьи, противъ которыхъ нѣтъ апелліаціи...“ Оттѣнонь ложно-классическихъ симпатій Влудова замѣтно сказывается и въ болѣе раннихъ критическихъ взглядахъ Жуковского, — напр. въ статьѣ *О баснѣ и басняхъ Крылова*. За подчиненіе вкусамъ „маркиза“ Влудова уже рано укоряетъ Жуковский Пушкинъ.

Пѣснь араба надъ могилою юныя.

Милльвуа (Ch. Millevoye, 1782—1816) принадлежалъ къ группѣ французскихъ писателей конца XVIII—начала XIX вв., придерживавшихся еще старыхъ взглядовъ и традицій въ литературѣ; своимъ поэтическимъ талантомъ онъ рано обратилъ на себя вниманіе; его произведенія не разъ удѣлялись наградами отъ французской академіи. Ранняя смерть бросаетъ еще болѣе симпатичныя поэтической отънюдь и на его личность, и на его поэзію. Милльвуа напоминаетъ нѣсколько нашего Полежаева... Поэтический призваніемъ Милльвуа была элегія... она у него „не развитіе сильной чувственной страсти, въ

различныхъ фазахъ, какъ у Парни, а пестрая смѣсь чувствованій и картинъ, на которыхъ лежитъ отъенокъ меланхолїи“.

Нъ ней.

„Стихотвореніе это, — сообщаетъ Зейдлицъ:— было найдено въ портфелѣ Маріи Андреевны Протасовой послѣ ея смерти, — и относится къ періоду 1810—1811 гг.“

Дѣвнадцать спящихъ дѣвъ.

Первая часть поэмы — *Громовой* была напечатана въ „В. Евр.“ 1811 г., № 4 подъ общимъ заглавіемъ: *Дѣвнадцать спящихъ дѣвъ. Русская балада* съ тѣмъ же общимъ заглавіемъ „*Дѣвнадцать спящихъ дѣвъ*“ эта первая часть помѣщена въ первомъ собраніи сочиненій (ч. II, СПб., 1816). Вторая часть, *Вадимъ*, начата поэтомъ еще въ концѣ 1814 года, и называвшаяся первоначально *Искусствомъ*, окончена и появилась въ свѣтъ въ 1817 году, въ первомъ отдѣльномъ изданіи всей поэмы (СПБ., 1817), съ посвященіемъ этой второй части Влудову. Въ первомъ отдѣльномъ изданіи поэмы было начебанато и общее послѣсловіе: *Опять ты здѣсь, мой благодѣтельный гений*, написанное лишь около этого времени. Сюжетъ балады заимствованъ изъ романа съ тѣмъ же заглавіемъ нѣмецкаго писателя Х. Р. Шписа († 1799): *Die zwölf Schlafenden Jungfrauen, eine Geistergeschichte* (3 Th., Leipzig, 1795—1796). Романъ этотъ принадлежитъ къ ряду тѣхъ романовъ „съ привидѣніями“ (Geister-Romane), которые быстро размножаются въ нѣмецкой литературѣ послѣ появленія *Дуэвондича* Шплера. Въ послѣднихъ годахъ XVIII и въ первомъ десятилѣтїи XIX ст. романы Шписа, а также родственнаго ему нѣмецкаго романиста Крамера († 1817), пользовались и у насъ необычайной популярностію.

Ноловратно — нурьезная сцена между господиномъ Леандромъ, Пальясомъ и ванднымъ господиномъ докторомъ.

Произведеніе это до сихъ поръ не было напечатано. Списокъ писавъ обими племянниками Жуковского, Протасовыми, ко имѣетъ немало собственноручныхъ поправокъ поэта. Самимъ поэтомъ собственноручно написано и заглавіе: *Коловратно-курьезная сцена между господиномъ Леандромъ, Палиасомъ и важнѣмъ господиномъ докторомъ*. Написано оно, повидимому, около 1810—1811 гг. Въ свое время оно было извѣстно друзьямъ поэта, — и въ одномъ мѣстѣ о немъ мы встрѣчаемъ упоминаніе у кн. Вяземскаго. „Было время“, — замѣчаетъ онъ по поводу вообще юмористическихъ произведеній Жуковского болѣе ранняго періода: — что Жуковский живалъ у Плеттеева въ орловской деревнѣ. Тутъ, вѣроятно, стихалъ и разнымъ литературнымъ проказамъ и шуткамъ болѣе веселій и полный разливъ. Въ деревнѣ былъ домашній театръ: на немъ разыгрывались произведенія двухъ прїятелей. Помню, что Жуковский говорилъ мнѣ о какой-то драмѣ своей, содержаніемъ ея были несчастныя любовныя похождения влюбленнаго и обманутаго импресарио. Ему измѣнила любовница его. Режиссеръ трупины приходитъ къ нему и предлагаетъ репертуаръ въ слѣдующему представленію. Сердитый и грустный содержатель все отвергаетъ. Наконецъ, именуется извѣстная въ то время драма Ильина: *Лиза, или торжество благодѣтельности*. На это импресарио восклицаетъ въ порывѣ отчаянія:

Нѣтъ благодарности! нѣтъ торжества!
Нѣтъ Лизы!
Всея женщины одни падутыя капризы
и пр. и пр.

Тогда же разыграно было туть же драматическое представленіе его подъ заглавіемъ: *Скачетъ трудовецъ ко ельничку* — пазъ старинной русской пѣснї. Знаю объ этомъ произведеніи только по одному заглавію. Но можно представить себѣ, какое открывалось тутъ раздолье своевольному и юмористическому воображенію Жуковского. Надобно было видѣть и слышать, съ какою самоуверенностію, съ какимъ самодовольствіемъ вообще скромный и смиренный Жуковский говорилъ о произведеніяхъ своихъ въ этомъ родѣ, и съ какимъ добродушнымъ и ребяческимъ

смѣхомъ пѣвецъ *Сельскаго кладбища*, меланхолич. всякихъ вѣдьмъ и привидѣній цитоваль мѣста, которыя были особенно ему по сердцу. Жуковский не только любилъ въ часы досуга и отдыха упражняться иногда въ забавномъ и гениальномъ враньѣ, но уважалъ эту доблесть и въ другихъ. Въ нашемъ обществѣ былъ молодой человѣкъ, который также превосходно отличался по этой части. При встрѣчѣ съ нимъ онъ вызывалъ его на импровизацію и на представленіе въ лицахъ какой-нибудь комической сцены. Онъ заслушивался его, любовался имъ и въ восторгѣ вскрикивалъ, помирая со смѣху: „Да ты просто Шекспиръ!“ Жаль, если вся эта поэзія безвозвратно утрачена“... („Рус. Арх.“ 1866, стр. 875—876). Упоминаемая здѣсь пьеса: *Лиза, или торжество благодарности* написана была въ 1803 году. Она принадлежала Н. И. Ильину, одному не безызвѣстному въ свое время московскому литератору, — и, на ряду съ „Рекрутскимъ наборомъ“, была его лучшимъ произведеніемъ. „Драмы эти, — замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ: — при своемъ появленіи и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ производили такое сильное впечатлѣніе, даже восторгъ, какого не бывало до тѣхъ поръ, какъ мнѣ сказывали старожилы-театралы. Я видѣлъ много разъ эти пьесы на сценѣ, когда онѣ уже были не новость, и могу засвидѣтельствовать, что публика и плакала навзрыдъ, и хлопала до неистовства: въ Петербургѣ поменьше, въ Москвѣ побольше. Говорятъ, вызовъ на сцену авторомъ начался съ Ильина“...

Мой милый другъ...

Стихотвореніе это не было до сихъ поръ напечатано. Читается въ папкѣ черновыхъ автографовъ поэта, въ

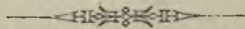
собраніи И. П. Библиотеки рукописей, пожертвованныхъ библиотекѣ сыномъ поэта, — въ ряду бумагъ, относящихся къ 1800—1810 гг. (по „опис.“ г. Бычкова, папка № 12, л. 7—8). Списокъ носитъ многочисленныя собственноручныя поправки поэта, и зачеркнутые, болѣе ранніе, варианты. Стихотвореніе написано, повидимому, вскорѣ послѣ женитбы князя П. А. Вяземскаго, — свадьба котораго была въ октябрѣ 1811 года.

Нъ Батюшкову.

Напеч. въ „В. Евр.“ 1813 г., № 9—10, съ помѣткой при заглавіи: „*Въ мавъ 1812*“. Въ изд. 1849 г. отнесено къ 1810 году; въ болѣе раннихъ помѣчено 1811 годомъ. Автографъ посланія, съ болѣе поздними поправками автора, читается въ альбомѣ Протасовой (№ 14, — Заглавіе: *Къ Батюшкову*). Печатаемъ по изд. 1849 года. — Посланіе было отвѣтомъ со стороны Жуковскаго на стихотвореніе Батюшкова: *Мои Пенаты*, которое было написано во второй пол. 1811 г., но получено Жуковскимъ лишь въ апрѣлѣ 1812 года.

Нъ А. Н. Арбеновой.

Авдотья Николаевна Арбенева была дочерью одной изъ старшихъ дочерей Ав. Ив. Бунина, Натальи Аванасьевны Вельяминовой, и такъ обр. приходилась родной племянницей и Ек. Ав. Протасовой и Жуковскому; для послѣднего она была и одной изъ дѣтскихъ сверстницъ. Въ періодъ времени нѣсколько болѣе поздній, чѣмъ къ какому относится это посланіе, — въ дѣлѣ сватовства Жуковскаго на М. А. Протасову Арбенева, имѣя сильное вліяніе на Екатерину Аванасьевну, причинила немало горя нашему поэту.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.		СТР.
Отъ редакціи	3	1806.	
В. А. Жуковскій. Биографическій очеркъ.	5	«Мой другъ безпѣнный»	—
СТИХОТВОРЕНІЯ [1797—1812 гг.]	1)	Посланіе Элоизы къ Абеяру	—
1797.		**Отрывокъ перевода элегіи. <i>Изъ Парни.</i>	25
Ода. Благоденствіе Россіи, устрояемое великимъ ея самодержцемъ Павломъ Первымъ	1	Пѣсня (Когда я былъ любимъ). <i>Подражаніе.</i>	26
Майское утро	2	Отрывокъ («О, счастье дней моихъ».) <i>Подражаніе.</i>	—
1798.		Сафрина ода. <i>Переводъ.</i>	27
Добродѣтель (Подъ звѣзднымъ кровомъ)	3	Идиллія. <i>Подражаніе.</i>	—
Добродѣтель (Отъ свѣта свѣтовъ лучъ изгнися)	4	Прощаніе старика. <i>Переводъ.</i>	—
1799.		Вечеръ. Элегія.	—
М. М. Хераскову	5	Къ Эдвину. (М. П. Ю.) <i>Съ англійскаго.</i>	29
Могущество, слава и благоденствіе Россіи.	—	Отрывокъ изъ Делілева «Диограмба на безсмертіе души»	—
1800.		**Разговоръ. <i>Изъ Парни.</i>	—
Стихи на новый 1800 годъ	7	Мартышка, показывающая китайскія тѣни. <i>Басня. Изъ Флоріана.</i>	—
Къ Тибуллу. На прошедшій вѣкъ	8	Соколы и голубка. <i>Басня. Изъ Флоріана.</i>	30
Миръ	—	Мартышки и левъ. <i>Басня. Изъ Флоріана.</i>	—
Платону неподражаемому	9	Ссора плѣшивыхъ. <i>Басня. Изъ Флоріана.</i>	31
**Герой	10	Котъ и зеркало. <i>Басня. Изъ Флоріана.</i>	—
1801.		Голубка и сорока. <i>Басня. Изъ Флоріана.</i>	32
Человѣкъ	11	Сурки и кротъ. <i>Басня. Изъ Флоріана.</i>	—
Фіялка	12	Истина и басня. <i>Изъ Флоріана.</i>	—
Сельское кладбище. Элегія. <i>Изъ Грея.</i>	—	Смерть. <i>Переводъ.</i>	33
I. **Наибольше ранняя редакція	13	Сонетъ. <i>Переводъ.</i>	—
II. Редакція позднѣйшая, по издан. 1849 года	15	Эпитафія лирическому поэту	34
1803.		Цапля. <i>Басня. Изъ Лафонтена.</i>	—
Стихи, сочиненные въ день моего рожденія. Къ моему лирѣ и къ друзьямъ моимъ	17	Сонъ Могольца. <i>Басня. Изъ Лафонтена.</i>	—
На смерть Андрея Тургенева	18	Старый котъ и молодой мышонокъ. <i>Басня. Изъ Лафонтена.</i>	35
Къ К. М. С—ой (Протекшихъ радостей)	—	Калдунъ и соколъ. <i>Басня. Изъ Лафонтена.</i>	—
1804.		Котъ и мышъ. <i>Басня. Изъ Лафонтена.</i>	36
Къ *** (Увы! протекъ свинцовый годъ	—	Орелъ и жукъ. <i>Басня. Изъ Лафонтена.</i>	37
Изъ «Донъ-Кихота» (19 стихотвореній)	—	Эпиграммы	—
1805.		I. «Не знаю, почему»	38
Къ поэзіи	21	II. «Съ повязкой на глазахъ»	—
Опустѣвшая деревня. <i>Переводъ.</i>	22	III. «О, непостижимое злорѣчіе уму»	—
Дружба	24	IV. «Для Кліма все какъ дважды два»	—
		V. «Сей камень»	—
		VI. «Тримъ счастья искалъ»	—
		VII. «Ты сердился за то»	—
		VIII. «Испытанныхъ друзей»	—
		IX. Новопожалованный	—

¹⁾ *Звѣздочкой* [*] означаются стихотворенія и статьи, хотя уже напечатанныя ранѣе, но въ «собраніе сочиненій» Жуковскаго вносимыя лишь нами; *двумя звѣздочками* [**]—произведенія, оставшіяся доселѣ неизданными, появляющіяся въ печати въ настоящемъ изданіи впервые.

	стр.		стр.
X. «Румянь французскихъ штукатура».	—	«Ты правъ, мой другъ»	—
XI. «У насъ въ провинци»	—	Плачь Людмилы	—
XII. «Пукай бы за грѣхн»	—	Пѣсня. (Счастливь тотъ). <i>Подражаніе</i>	—
XIII. «Ты драму»	—	<i>нѣмецкой</i>	—
XIV. «Скажи, чтобъ тамъ»	39	Кассандра. Баллада. <i>Изъ Шиллера</i>	—
XV. Новый стихотворецъ и древность.	—	Къ Филалету. Посланіе	59
XVI. «Дидона! какъ тобой»	—	Счастіе. <i>Изъ Шиллера</i> .	60
XVII. «Барма нашель Ѡму»	—	На смерть фельдмаршала гр. Каменскаго	61
XVIII. «Сибири управленьемъ»	—	Пѣсня въ веселый часъ	62
XIX. На прославителя русскихъ героевъ.	—	Къ Делію. <i>Подражаніе Горацию</i>	—
Старикъ къ молодой и прекрасной дѣ-	—	Моя богиня. <i>Изъ Гете</i>	63
вухшк. Мадригалъ	—	На смерть 17-лѣтней Эрминіи. <i>Подра-</i>	—
Амина и Эндимионъ. <i>Переводъ</i>	—	<i>жаніе</i>	64
Фаминна къ портрету своей матери. <i>Пере-</i>	—	Путешественникъ. Пѣсня. <i>Изъ Шиллера</i>	—
<i>водъ</i>	40	Брутова смерть	65
Руше къ своей женѣ и дѣтямъ, изъ	—	Моя тайна	—
тюремы. <i>Переводъ</i>	—	1810.	
«Плѣнять, а не любить»	—	Къ Блудову. Посланіе	—
Соколъ и Филомела. Басня. <i>Изъ Лафон-</i>	—	Пѣсьнъ араба надъ могилою коня. <i>Изъ</i>	—
<i>тена</i>	—	<i>Мильвуа</i>	67
Похороны львицы. Басня. <i>Изъ Лафонтена</i>	41	Милосердіе. Басня (Перушь мой изостри)	—
**Младенецъ (Се онъ на жизни путь).	—	Къ ней (Имя гдѣ для тебя)	68
Пѣсьнь барда надъ гробомъ славянь по-	—	1808—1812.	
бѣдителей	42	Свѣтлана. Баллада	—
«Опять вы, птички, прилетѣли»	46	1810—1817.	
1807.		Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Старинная	—
M. *** на новый годъ, при подаркѣ книги	—	повѣсть въ двухъ балладахъ	71
(На новый годъ въ воспоминанье)	—	I. Громобой	—
1808.		II. Вадимъ	81
При посылкѣ альбома (Невинность мир-	—	1811.	
ная)	—	Добрая мать	90
«Собой счастливить всѣхъ»	—	Пловець	91
Стихи, сочиненные для альбома М. В. П.	—	Пѣсня (О милый другъ, теперь съ тобою	—
Пѣсня (Роза, весенній цвѣтъ)	47	радость). <i>Подражаніе нѣмецкой</i>	—
Тоска по миломъ. Пѣсня. <i>Подражаніе</i>	—	Надишь къ солнечнымъ часамъ въ саду	—
<i>Шиллеру</i>	48	И. И. Дмитріева	—
Монахъ	—	Цвѣтокъ. Романсъ. <i>Съ французскаго</i>	92
Мальвина. Пѣсни. <i>Съ французскаго</i>	—	Жалоба. Романсъ. <i>Изъ Шиллера</i>	—
Къ Нинѣ (О Нина, о мой другъ, ужезь	—	Желаніе. Романсъ. <i>Изъ Шиллера</i>	—
безъ сожалѣнья). <i>Съ англійскаго</i>	49	Пѣвецъ	—
Стихи. вырѣзанные на гробѣ А. Ѡ. С—ой.	—	«Друзья! «прости» слово святое»	93
Гимнь. <i>Изъ Томпсона</i>	—	Стихи, присланные съ комедіями, кото-	—
Людмила. Баллада. <i>Подражаніе Бюрге-</i>	—	рья К*** хотѣли играть	—
<i>ровой Леноръ</i>	51	**Коловратно-курьезная сцена между го-	—
Разстройка семейственнаго согласія	54	сподиномъ Леандромъ, Пальсомъ и	—
Пѣсня (Мой другъ, хранитель-ангелъ мой)	—	важнымъ господиномъ, докторомъ	94
Къ Нинѣ. Посланіе (О, Нина, о, Нина,	—	** «Мой милой другъ»	97
сей пламень любви)	55	1812.	
1808—1809.		Къ Батюшкову.	98
Къ Эрминіи. <i>Подражаніе</i> (Трехъ грацій	—	Нина къ своему супругу въ день его рож-	—
древность признавала)	56	денія	105
Къ А. *** при подаркѣ Аполлона	—	Къ А. Н. Арбеновой (Разсудку глазъ,	—
Въ альбомъ (Когда неопытной рукой).	—	другой воображенью)	—
«Прельщать поэзіей»	57		

F

24.157/1.0